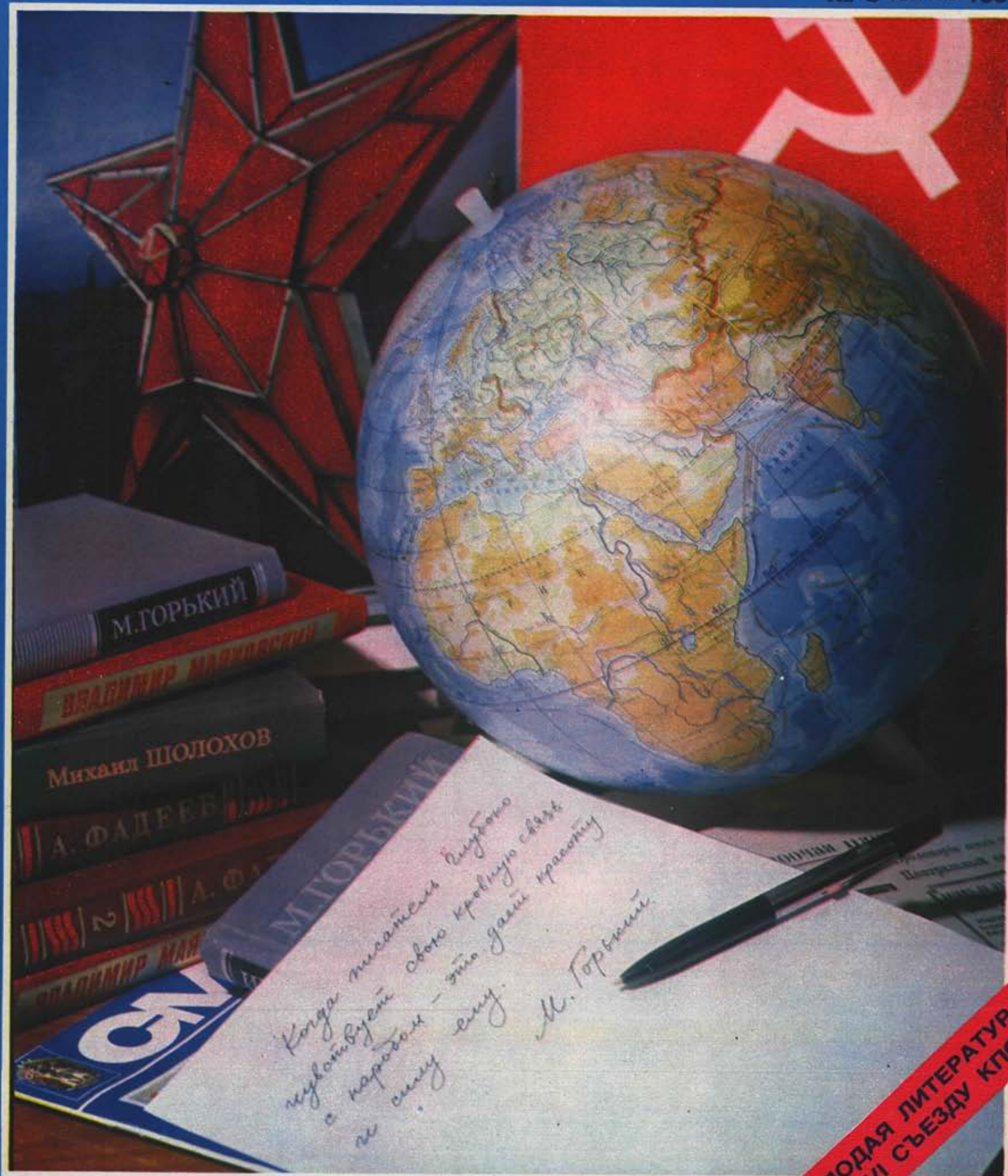

ISSN 0131-6656

СМЕНА

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1981

МОЛОДАЯ ЛИТЕРАТУРА —
XXVI СЪЕЗДУ КПСС

Георгий МАРКОВ,
первый секретарь Правления
Союза писателей СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

ВЫСОКИМ

Известно, что литература не имеет своих плановых измерителей, не подвластна каким-либо статистическим показателям, вместе с тем степень ее участия в жизни общества ощутима и очевидна всем и каждому. Активность литературы последних лет, ее страстное стремление войти во все сферы общественной жизни, сказать свое неравнодушное слово о человеке нашего времени и человеческих деяниях — факт неоспоримый и доказанный повседневностью советского бытия. Творческий труд писателей нашей многоязычной страны, их вклад в народную жизнь перестал быть лишь желаемым, он перерос в потребность людей. Книга у нас приобрела характер неперенного и обязательного спутника человека, без которого жизнь его неполноценна. Пожалуй, ничто другое не показывает глубину тех психологических перемен, которые внес социализм в жизнь отдельного человека, как это исполненное тяготение людей к общению с художественным, эта неохватная жажда жить с миром образов и в мире образов.

Неслыханная популярность нашей литературы, неутолимость читательского интереса, конечно, вовсе не значат, что все наши произведения неотразимо хороши, что у нас нет слабостей и недостатков. К сожалению, выходит в свет немало таких произведений, которые подтверждают, что идейно-художественная требовательность нередко ослаблена, не поднята на необходимую высоту тщательность, которой должно сопровождаться появление каждого произведения. Это, несомненно, наносит ущерб авторитету литературы, сдерживает ее движение по пути овладения новыми достижениями художественной мысли.

Снова и снова необходимо подчеркнуть, что завоеванное нашими классиками и поколениями советских писателей доверие читателей к отечественной литературе — общенародное, бесценное достоинство, и наш долг — оберегать его всеми силами.

Предельная ответственность перед народом и партией за свою работу, за каждую строку, написанную тобой, за каждое слово, обращенное к людям, — вот то единственное средство и оружие, которое позволит нам сберечь и приумножить национальные художественные завоевания.

Ответственность за свою работу, ответственность за литературу, к которой ты решился принадлежать, — это понятие постоянное, и оно не подвержено никаким временным колебаниям — оно всегда максимальное, ибо совпадает с художнической совестью писателя.

Работа в литературе, конечно, дело индивидуальное, потому-то она и требует таланта, требует от писателя быть личностью. Но вместе с тем художественный опыт писателей, как и все, что связано с деятельностью человеческого духа, рук и ума людей, требует постоянного коллективного анализа, пристального критического осмысления. Без этого не будет движения вперед, без этого и мы обречены на застой, даже при том условии, что мы воодушевлены самыми передовыми идеями.

Стремление к высоте художественного мышления, стремление полностью отразить время, бить в колокол о тревогах мира и вместе с тем заворачивать современников проникновенным словом о прелести жизни на земле отличает все этапы отечественной литературы. Эти заботы наших писателей переходят теперь к вам, литературная смена, ложатся и на ваши плечи.

Мы никого из вас не зовем становиться преждевременно литераторами-профессионалами. Тысячи современных писателей сознательно совмещают иные профессии с писательской работой, но мы заранее хотим сказать вам: в литературе более или менее успешно можно работать лишь тогда, когда твоя работа отвечает самым высоким профессиональным требованиям, когда ты находишься на уровне ее новейшего опыта, когда твоя готовность к совершенствованию твоего дела не имеет предела.

В двух неразделенных школах одновременно учится писатель, учится от первого до последнего дня своего бытия в литературе. Первая школа — жизнь, активное, трепетное участие в делах народа, полное личное, общественное горение и гражданское мужество; вторая школа — сама литература, состоящая из твоих далеких и близких предшественников и твоих современников, твоих соратников по труду.

Неутолимая любознательность ко всему сущему на земле и неисчерпаемая жажда познания того, что было открыто, изведено, опробовано другими, — вот что отличает каждого из тех писателей, кому удалось сказать свое незаемное слово о жизни и людях.

Приход нового поколения писателей ценен прежде всего тем, что они приносят в литературу образы и атмосферу своего времени.

Советская литература совокупными силами всех писателей многое уже сделала, чтобы правдиво и ярко отобразить героическую борьбу нашего народа за коммунизм, воссоздать образ нашего современника во всей полноте его духовного богатства. Однако было бы наивным утверждать, что с этой задачей писатели полностью справились, или все, что ими сделано, вызывает только одобрение.

Да, удач в литературе немало, но их могло бы быть больше. Книжки о героях нашей действительности нередко страдают еще поверхностным описанием явлений, им не хватает объемного, подлинно психологического изображения передового советского человека — главной фигуры нашего времени.

Наиболее распространенным недостатком произведений современности, принадлежащих перу молодых, да и не только молодых, является неумение выявить основное, самое существенное в нашей советской жизни. Вот порой и получается — читаешь произведение о современности, а современность в нем по-настоящему не выявлена: люди мелкие, страсти маленькие, конфликты надуманные. Читаешь такое произведение и невольно думаешь: подожди, подожди,

«Когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом — это дает красоту и силу ему» — так сказал Горький о народности литературы. И прекрасно, что эта мысль, к которой нелегким порой путем приходили классики, теперь бесспорна, впитана и творчески развита советской литературой. Ибо истинно ценно слово живое, народное, с бьющимися в нем радостями и печалью людскими. Оно может родиться и в тиши полевой и в мощном гуле строительства — важно услышать это слово сердцем, донести до читателя его родство с землей и теми, кто ее украшает. Быть рядом со своим героем, не конструировать его образ, а набирать по черточке из живой жизни, из ее кипучей повседневности — вот основа понимания советскими литераторами своего долга перед народом. И, посвящая этот номер социальной активности, творческой жизненной позиции молодого литератора, мы еще и еще напоминаем ученикам писательского цеха о качестве их труда, об ответственности за слово, за тему.

Прекрасная традиция Ленинского комсомола — содружество с советскими литераторами. Его породила сама жизнь: ведь многие прославленные поэты и прозаики вышли из комсомола, первым их произведениям была дана комсомольская путевка в жизнь, первыми их героями стали комсомольцы Магнитки и Днепрогэза. А потом статьи и книги вчерашних своих воспитанников становились действенным оружием Коммунистического союза молодежи в воспитании новых поколений бойцов.

Общая и важнейшая забота комсомола и советской литературы — выпестовать не только талантливую творческую смену, но взрастить подлинно советских художников, патриотов, живущих заботами и проблемами страны.

Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» закрепило стройную систему воспитания художника-гражданина, рожденную в результате делового содружества комсомола и советских писателей, дало ему новый импульс. Издательства, журналы и газеты ЦК ВЛКСМ стали, развив годами складывавшиеся традиции, постоянно действующими литературными мастерскими, где идет не только практическая работа над рукописями — пробами пера, но и формируется мировоззрение начинающих свой путь в писательство.

Николай Островский звал молодых собратьев по перу вперед, на линию огня — к темам остросоциальным, на которых проверялись бы крепость пера и крепость духа взявшего его в руку. Он звал овладевать оружием публицистики. А овладеть им — значит видеть и слышать время, направлять свое творчество в русло глубоких философских обобщений, быть страстным защитником и пропагандистом идеалов своего народа. И тем успешней сложится у начинающих путь к литературным вершинам, чем яснее, ярче он будет отмечен вешками их публицистических выступлений.

Этот номер — рапорт литературной молодежи XXVI съезду партии. В нем отражены и география творческих командировок поэтов и прозаиков и многообразие тем, за каждой из которых — или судьба современника-созидателя, или проблема, неизмеримо важная для страны.

Очерки и публицистика молодых, собранные в номере, — это еще и коллективное обсуждение ими проекта ЦК КПСС к XXVI съезду КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», заинтересованный отклик на него.

Рапортом съезду стал и сборник «Доверие», под обложкой которого издательство «Молодая гвардия» собрало лучшие очерки и эссе участников слета, проходившего в Свердловске под девизом «Молодые писатели — XXVI съезду КПСС». Доверие суть отношения партии, комсомола, Союза писателей СССР к даровитой молодежи. Оправдать его дано тем, кто торит тропу к жизни народной, ибо истинный талант — достояние всенародное.

Не будем забывать: у творческой молодежи есть право на дебют, но есть и обязанность — ответственность за него!

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ

уважаемый автор, ну, а кто же, какие же силы преобразовали нашу Родину, сделали ее страной зрелого социализма, поставили ее в авангарде борьбы прогрессивного человечества за мир и процветание народов? Кто же прокладывает БАМ, строит «Атоммаш» и КамАЗ, на новых, научных началах перекраивает российское Нечерноземье, кто же превратил в считанные годы Западно-Сибирскую равнину в гигантский топливно-энергетический комплекс страны? Неужели эти маленькие, барахтающиеся в своем незатейливом мирке люди? Нет, они на такое не способны!

Проблема художественного раскрытия нашего героя всегда была для советской литературы первостепенной, такой остается она и сегодня. Думаю, что вполне будет уместно вспомнить сейчас одно письмо Алексея Максимовича Горького.

В апреле 1933 года А. Афиногенов прислал в Сорренто А. М. Горькому свою пьесу «Ложь». А. М. Горький откликнулся большим письмом. Великий писатель, помимо частных замечаний о персонажах пьесы, языке, ее структуре, высказал ряд принципиальных положений, имеющих значение в целом для литературы.

А. М. Горький писал: «...Все фигуры пьесы сероваты. Все — устали, но ни в одном из них не звучит пафос бойцов за социализм, психика всех построена на мотивах индивидуализма, на борьбе за свое «я»... Партийно мыслящих вы показали как примитивно мыслящих. Сторонники лжи у вас живее бойцов за правду, аналитики умнее синтетиков, как всегда изображала старая буржуазная художественная литература. Это было ее силой, но этим отображалась ее классовая изношенность, ее бессилие.

Вашу пьесу с огромным удовольствием примут белоэмигранты, и она, конечно, понравится всей вообще буржуазии. «Так вот каковы они (...)», — скажут мещане всех стран, а пролетарии будут горестно удивлены, — в лучшем случае...

Дорогой мой друг. Нам, литераторам Союза Советов Социалистических Республик, давно уже пора усвоить простую истину: мы пишем не только для пролетариев Союза нашего, но — для пролетариата всех стран. Это — факт неоспоримый. Он возлагает на нас огромнейшую ответственность.

...Большевика как тип я знаю тридцать лет. Может быть, я никогда не сумею изобразить большевика так, как он заслуживает. Но я имею все основания сказать, — что вам этот тип человека — не ясен. Затрудняюсь сказать — почему? Но думаю, что по молодости вашей и вследствие малого знакомства с биографией большевика, который важен, интересен не со стороны его недостатков, а со стороны его достоинств. Его недостатки коренятся в прошлом, которое он неумоимо разрушает, достоинства — в настоящем, в работе строительства будущего.

Мы, литераторы, начинаем говорить о необходимости социалистического реализма в литературе, — реализм этот может быть основан только на социалистическом опыте работы, произведенной партией за 15 лет. Нам надобно выучиться смотреть на прошлое и настоящее с высоты целей будущего...

Письмо А. М. Горького написано несколько десятилетий назад, по частному случаю. Обращено оно к молодому писателю, ставшему потом известным драматургом, но мысли великого писателя звучат совершенно актуально и сегодня. Всем нам, советским писателям, без различия возраста и опыта, необходимо зорче всматриваться в жизнь, не щадить усилий в познании поколений людей, на плечи которых история возложила титаническую задачу: построить общество, в котором все для человека и ради человека, в котором навсегда и до основания разрушены возможности социального и духовного порабощения людей.

В 1978 году читательский мир, все мыслящие люди были потрясены книгами Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». О всестороннем значении этих книг, об их покоряющей правдивости и оптимистической озаренности сказано много и хорошо. Добавлю лишь несколько слов об их значении для литературы и литераторов. Публикация этих книг в журнале Союза писателей «Новый мир» явилась новым фактом доверия партии к нашей литературной печати, еще раз подчеркнула ее большое место в жизни советского общества.

Сосредоточив в своих книгах колоссальный материал нашей эпохи, обобщив человеческий опыт в предельно лаконичной и выразительной форме, когда на полную мощь работает каждое слово, Леонид Ильич Брежнев показал нам пример того, как, с какой точностью нужно отбирать в безбрежном потоке жизни события и факты, чтобы они отображали самое главное, самое решающее для выражения образа советских людей. Он показал нам, какая требуется сильная, масштабная мысль, чтобы верно, всеохватывающе оценить со всемирно-исторических позиций деяния советского человека, подвиг советского народа в целом. Книги Леонида Ильича Брежнева оказали уже и окажут в дальнейшем положительное влияние на усиление мыслительного потенциала советской литературы, на углубление исследовательского духа всей творческой работы писателей.

Среди великих неисчислимых забот Центральный Комитет КПСС нашел время особое внимание уделить творческой молодежи, приняв специальный документ, посвященный вопросам ее воспитания.

Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» существенно помогло улучшить постановку обучения и воспитания творческой молодежи, шире вовлечь ее в повседневную работу творческих союзов, расширить материальные и организационные возможности в издательствах для более быстрого формирования гражданских и профессиональных качеств молодых талантов.

Жизнь дает молодым писателям пищу для ума и сердца, Родина раскрывает перед ними свои широкие, захватывающие воображение перспективы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 3 (1289) ФЕВРАЛЬ 1981

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
ФОТОЗТЮД
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

- 1 Георгий МАРКОВ.
«ВЕРНОСТЬ ВЫСОКИМ ТРАДИЦИЯМ».
- 2 ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Владимир НЕКЛЯЕВ. «СТРЕМЛЕНИЕ».
- 4 Михаил АЛЕКСЕЕВ.
«СЛОВО СЕРДЦА, СЛОВО СОЗИДАЮЩЕЕ».
- 6 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ»:
«ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ».
Сергей ЗАПЛАВНЫЙ. «ПОДЗЕМНЫЙ РЕМОНТ».
- 9 Юрий ВЕРЧЕНКО.
«ДОВЕРИЕ».
- 10 Даниил ГРАНИН.
«ДВА КРЫЛА. ПОДНИМАЮЩИЕ ВВЫСЬ».
- 12 Репортаж Генриха ГУРКОВА, Валерия ЕВСЕЕВА
и Альберта ЛЕХМУСА
«КНИГА В РУКЕ СИБИРЯКА».
- 16 Степан ПУШИК. «ЖАВОРОНОК НАД ГОРАМИ».
- 18 «ТОЧКА ОТСЧЕТА».
Отчет молодых писателей на совете
творческой молодежи ЦК ВЛКСМ.
- 22 Яковас ШАДЯВИЧУС. «КОЛЛИЗИИ СТАРОЙ ИСТИНЫ».
- 24 Татьяна УСПЕНСКАЯ. «КОНФЛИКТ».
- 27 Михаил ПЕТРОВ. Очерк «ИВАН ИВАНОВИЧ».
- 29 «МУЗА В РАБОЧЕЙ СПЕЦОВКЕ».
Стихи участников литобъединения «Высота».
- 30 Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. «ВСТРЕЧА С ГОРОДОМ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1981 г.

ВЛАДИМИР НЕКЛЯЕВ,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Молодой поэт из Минска Владимир НЕКЛЯЕВ был участником VII Всесоюзного совещания молодых писателей, он — автор двух поэтических сборников, вышедших на белорусском языке. Поэма о БАМе — результат творческой командировки поэта на грандиозную стройку. Владимир участвовал во Всесоюзном слете «Молодые писатели — XXVI съезду КПСС», прошедшем в Свердловске в 1980 году.

1. МОСКВА

Мой БАМ начинался в музее...

Далеко от Тынды и Зеи,
в кипенье столицы столиц —
Музей Революции.

Тихо
Отечества счастье и лихо
встанут с опаленных страниц.
У первого стенда, направо,
плакат:

КОМСОМОЛЬСКАЯ СЛАВА,

а рядом — знакомая нам
зеленая сабля Байкала,
Амура чудное лекало —
гостям экспонируют БАМ.
Я жадно ловлю, как и каждый,
кто здесь побывал хоть однажды,
ловлю омутами очей
вагоны, палатки, машины,
палаток оттенок мышинный
да сполохи белых ночей.
Вы видели полночь в музее?
О! Зрелище — что в Колизее.
Ах, как он гудел, Колизей!..
Но смолк, превратясь в экспонаты.
Тире, разделившее даты,
похоже на мертвый ручей.
Их тьма — пустыков допотопных,
забытым могилам подобных,
заросших пожухлой травой...
А здесь,
в застекленном просторе,
Сибирь всколыхнулась, как море,
и время грохочет трубой.
Как БАМ —

он не узкоколейный,
не плод атмосферы келейной,
а плод настоящих идей,
рожденных размахом мечтаний,
высоких дерзаний, метаний
советской эпохи людей.
Пока здесь чудесное чудо
возможно, как счастье,
покуда неверия камень не лег.

Не пашня еще — перелogi,
а веришь в реальность дороги.
И в правду
великих дорог.
И в соль
ее песен рабочих...

Чугункою правда грохочет
и тянет минуту и час
навстречу сосновым иголкам,
навстречу счастливым потомкам,
что будут красивее нас.

Нам правда не кажется пресной,
за ней наша Красная Пресня,
«Аврора» — веков ледокол;
и с нею на битву свершенья
поднялось мое поколение,
дита Октября — комсомол!

2. ТРАССА БАМА, НАЧАЛО

Волков спасают ноги,
копыта — лошадей...

Рокадные дороги.
Война в стране моей.

Морозом, будто сваркой,
приварен лом к рукам.

Без телогреек жарко
на трассе Тынды — БАМ.

Металл не по наряду
бери на скат плечей,
чтобы выложить рокаду
над Волгою быстрее.

Хрипи. Терпи. Надейся.
И все ж — такой расклад —
срываи стальные рельсы,
чтоб выжил Сталинград.

У гибельного лога
буран сбивает с ног.
Рокадная дорога —
проклятье всех дорог.

Глубокий тыл...
Мужчины...
Их доля — чья вина?

Зачем искать причины?
Война-а... Идет война.

Голодный, пропотевший,
с врагом сражался БАМ
слепою, прикипевшей
к мозолистым рукам...

Отчина!
Лес да поле...
Не оторвать мне глаз.
Высока наша доля,
а с песней — во сто раз.
С тобой —
тебе я ровный,
в час испытаний — твой:
поκληчь — и встану, кровный,
как лист перед травой.

Рокадная держава!
Полусожженный дом!
Сначала — честь и слава,
об остальном потом.

Потом...
Не зря гадали,
когда пройдет беда.
Война и смерть — годами,
любовь и мир — всегда.

Не зря вставали в строки
и сталь, и хлеб, и кровь.

Рокадные дороги —
артерии фронтов.

Земля стонала стоном,
открытая ветрам...
По гулким перегонам
на фронт катился БАМ,

туда, где в битве долгой
крепчал орудий гром
и бил закат над Волгой
простреленным крылом.

3. ТЫНДА

До столицы БАМа —
прямо!..
Лес бежит, аж окает.
Веселее панорама
за моими окнами.

Славно быть молодым,
не считать года, как скряге.
Хватит жару и отваги
и на пламя и на дым.
Я, как рыба об лед,
не забьюсь о край дороги.
Рано подбивать итоги,
далеко прощальный год.
Поднимаясь на заре,
ярко-красной, словно зная,
присягаю той поре,
что придет в тайгу за нами...

До столицы БАМа
скорый
не идет пока.
И нам
сквозь таежные просторы
на платформе в два мотора
мчаться с песнею про БАМ.

Скоро звезды вспыхнут.
Вечер.
Кедрача густой настой.
Полночь дышит мне навстречу
вековой мерзлотой.

Полночь, полночь!
Стынь да сопки.
Прорва недр. За бором бор...
Может, рано век торопливый
прискакал по узкой тропке
в неоглядный твой простор?

Может быть, потомков слава
дует в трубы стуж твоих?
Что ж, разделим честь и право:
не чужие мы для них.

Им кладем мосты навстречу
в этот край, где мок и мерз,
мой ровесник — наш предтеча,
где он тяжесть брал на плечи
и ее, не горбясь, нес.

И бежит, бежит за нами
трасса века, как река,
там, где шпалы штабелями,
там, где нынче штаб на БАМе
комсомольского ЦК.

...Я врываюсь в штаб при Насте.
— Гость? — спросила.
— Никогда.
— За рублем?
— Да нет.
— За счастьем?
— А зачем с усмешкой, Настя?
Или нет на свете счастья?
— Свет большой, — вздыхает Настя,
счастье есть, да разной масти.
— А вообще?
— Конечно, да.

Настя в штаб —
так двери настезь.
Настя — сила. Бог. Прораб.
— Добрый день, товарищ Настя!
— Добрый день, товарищ Штаб!
Как же строить нам дорогу? —
повышает Настя тон. —
Слов хватает, слава богу,
а бетона... Где бетон?!
Трое суток загораешь.
Загорели. Вновь — курить.
Может, Штаб, ты предлагаешь
нам купальники купить?

...Строить мост — не шить обшвы,
не пройдет здесь «ох» и «ах».
Хоть у Настя тон суровый
и начштаба хмурит брови,
грусть видна в его глазах.

У начштаба
дух не слабый —
вольный и отчаянный.
Пережил уже начштаба
четыре начальника.
Вольным вечером берет
он баян свой.
И вздыхает и поет
тот, как живой.

Шумно сходятся друзья
в комнату начштаба...
Говори, баян, дразня
Настеньку-прораба.
Говори-перебивай
гул многоголосый.
Говори-перебивай
золотые косы.
Каб рука к руке,
как ручей к речушке,
каб щека к щеке —
голова к подушке...

Делу — срок,
потехе — час,
песня греет слабо...
Будет площадь у нас
имени начштаба.

Время кончит отсчет,
и тогда вдоль лога
побежит, потечет
Настина дорога.

4. МОГОТ

Устойчивая непогода стоит.
На шишаках АЯМа¹ воют МАЗы.
Когда машина под гору летит —
не просто при шофере сделать вид,
что под гору ты не летал ни разу.

А мой шофер
к полетам по привычке,
и я его за то не упрекаю.
И, значит, лучше придержать язык...
Летит машина — только свист, да рык,
да надпись на бортах:
«Эх, покатаю!»

Он видит все, шофер мой, чертов сын:
— Романтики хотелось — ешь от пуза,
а нянчиться с тобою нет причин.
Пускай ты чин, да я, брат, тоже чин.

¹ АЯМ — Амуро-Якутская магистраль.

СТРЕ

Рисунок Владимира РОДИНА

Мой чин — шофер Советского Союза.
Усек?
— Усек!
— Толковый человек.
Люблю толковых.
Сам слышу толковым.

Спроси вокруг:
«Кто Лешка Жерносек?»
У-у, скажут, дух!

Фигура, одним словом!

Мне телеграммы отбивают как?
«БАМ. Жерносеку. Ждем к себе» —
И точка.
Да не люблю я тех дорог никак,
где на любом столбе — дорожный знак...
Вот так-то, брат.
Смотри...
Да вверх, где кочка!

Сама погибель глянула в глаза:
навстречу нам, сорвавши тормоза,
летел и был нагруженный «Магирус».
— Все. Амба! Выносите образа —
кого-то самосвал повез в могилу.

За нами — видел? — Чертов поворот.
Не выкрутить на скорости.
Сорвется...
Эх, дважды помирать не придется!
Успеем развернуться?

Полный ход!

Завыл, забился в судорогах МАЗ —
педаль до шляпки вдавлена ногами.
И вот уже «Магирус» сзади нас
поводит опаленными боками.
Затихла у обрыва магистраль...
Шофер лицо промокнул кепкой вытер.
Не подвели ни руки, ни педаль,
вновь Лешка на своем этапе лидер!..
И вроде
проясниться стала даль.

«Магирус» стукнул дверцами.
Солдат
вскочил проворно МАЗу на подножку.

Мазнул по векам:
«Вечер вот, а мошки...»
Похлопал Лешку:
— Не забуду, брат...
— Да что там... Ладно...
Усмехнулся Лешка.

5. НАГОРНОЕ, ТУННЕЛЬ

Монолог
бригадира Сомова

Гранит за годом год
мы били и «зверели» —
не из простых работ
работа: бить туннели.
Я знал:
работа — бой...
Но в этом есть знамение,
когда по-над тобой
на полверсты — каменья.
И с этой полверсты
(лишь спрятаться успеешь)
так ухают пласты —
от страха леденеешь.
Известно, век машин,
а ты машину эту
возьми повороти —
невзвидишь бела свету.
Но за верстой версту,
судьбу не попракая,
вгрызайся в пустоту
до тупика, до края.
Отсюда испокон,
чтоб не было так пусто,
туннель
бить с двух сторон
придумано искусство.
И не ленись, не стой,
спешь на шум работы
и справишься с бедой,
и нет другой заботы.
Вот так.

Пиши, пиши...
Скажу тебе открыто:
туннели для души
еще не все пробиты.

Еще немало, брат,
такого есть народа:
от головы до пят —
скалистая порода.
И вот когда рванет
скалу такую сдельщик
и свет в нее войдет —
тогда ты наш.
Туннельщик.
Теперь пиши: артель
живет как надо, дружно,
бьет на светло туннель,
другого ей не нужно!
Пусть слог как из газет,
ты доверяйся слову.
Ищи, раз ты поэт,
за фактами основу.
Не выйдет — вновь начни
рубить свою породу.
Но помни — трепотни
мы не прощаем сроду.
Работай — будешь сметь
по праву, как рабочий,
без срама ты смотреть
всем дням грядущим в очи.

Мое, приятель, слово
одобрит вся артель.
Подписываюсь:
Сомов. Нагорное. Туннель.

6. БЕРКАКИТ

До поры, когда мамонты вымерли,
проломивши слюною гранит,
на поверхность рванул и вынырнул
из глубин
черный кит
Беркакит.

Долго-долго лежал он, окутан
ледяною замшелой землей.
Подходили к нему якуты,
удивлялись ему: о-ой-ой!

А у камня, костром прокопченного,
нашептал им легенду лес:
чтоб кита загартунить черного,
великаны сойдут с небес.

И они пришли, великаны,
укротители мерзлоты,
всколыхнулась земля вулканом,
будто снова ожили киты.

Закачалась долина, вздыблена,
загорелась в рабочем огне.
Было долгим хвостом,
как рыбина,
эхо гулкое в глубине.

...Слушал грохоты старый Берка,
видя смерч,
что крутился, как бес.
И сказал он, сощурился, как беркут:
«Я не верю, что вы с небес.

Ваша сила — железная, — знаю,
не о ней наших предков сказ.
Я, потомок шамана Баркаля,
не признал вас...
Не знаю вас!
Что вы ищете? Мяса, хлеба?..»

Вышел Лебедев¹,
спутник звезд:
«Я недавно вернулся с неба.
Вот звезду оттуда привез».

Берка звездочку тронул — диво!
Пыхнул трубкою:
«Ну, смелей...»
«Небо звездное очень красиво,
но земля все равно милей.
Дорога она сердцу, мятая,
тракторами и танками мятая,
и цветущая, и в золе...
Тропки летчика и ората
по земле идут, по земле.
Виноваты разве солдаты,
что под танком болит она?..»

Берка звездочку тронул свято,
пыхнул трубкой:
«Не виноваты...»

Но болеть она не должна.
Я, потомок шамана Баркаля,
до небес не дорос... Нет сил.
Думал: зверь живет убегаю,
рыба — плаваю,
птица — летая...
Для чего? — сам себя спросил.
Для того лишь, чтоб жил я, мудрый?
Мучит совесть, глаза слепа.
Гляну в Берку,
а вижу тундру,
гляну в тундру —
вижу себя».
Смолк якут.
Вечер полнился звоном,
и почудилось: видит Земля,
как летит
листочком зеленым
конус звездного корабля.

7. ДВИЖЕНИЕ

Движение ввысь — не просто бег.
Оно — всесущего основа.
Как в теле дух,
восходит век
к движению мысли,
сердца,
слова.

Ведь бег дорог — известный бег
авто, метро, протуберанцев,
и не сорвать, не бросить в снег
потертый ватник первых станций.

Любови движение — тайна мук,
полет двоих,
дрожанье тала,
стремление душ,
сплетенье рук,
неслышной музыки начало.

Родное слово, зренье, слух —
движений радостные силы.
Их триединство, как треух, —
носить я буду до могилы.

...Этой исповедью дороге
распрощался я скоро с ней,
успокоившись на пороге
новых далей
и новых дней.

Но гудело вокруг движение
вещим голосом предупрежденья:
бойся признаков замедленья,
замедление — преступление.

Страшный миг —
под откос сорваться,
да страшной
на месте
стоять,
не уехавши — возвращаться,
не покинувши — покидать.

Стихнет скорость — убудет вера.
Стаснет вера — и разум умрет.
Неуверенность — вид барьера
на пути движения вперед.

Жизнь — движение от края до края.
И когда утомляется дух —
смерть ползет из библейского рая,
где в затишье
овца и пастух.
Не ягнота — ракеты среди лилий.
Всходит призрак нейтронных бед.
Бег — противник иллюзий,
идиллий,
светливых подделок под бег.

Как глубинный родник не сужается,
не замедлится жизни разбег.
По дорогам Земли продолжается
Революции бег!

8. ВМЕСТО ДАТЫ И МЕСТА НАПИСАНИЯ

Строка последнего листа...
Отсчет годов — не от Христа,
от духа Человека:
под шпалами
дороги века
шестидесятая верста.

¹ Космонавт Валентин Лебедев был на БАМе со студенческим строительным отрядом МАИ.

ПАТРИОТИЗМ, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, УБЕЖДЕННОСТЬ — ТОЛЬКО СЛОВО, ПРОВЕРЕННОЕ ЭТИМИ ВЫСОКИМИ КАТЕГОРИЯМИ, СПОСОБНО И ДОЛЖНО ВОСПИТЫВАТЬ МОЛОДЫХ.

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
Герой
Социалистического Труда,
лауреат
Государственных премий

мелькнет смятение в глазах ленинградца-блокадника, когда куски недоеденного хлеба сваливают в столовой в ведро отходов; вскрикнет невольно в кинозале деревенская женщина, глядя, как горит в фильме о войне пшеничное поле. И как жгуче хочется, чтобы эта боль была знакома молодым, чтобы ею высвечивали они свои душевные порывы. Чтобы не зачерствели в привычке жить не черствой — изобильной — жизнью.

Если бы рядом с кварталом современных домов оставляли один-единственек

начинающих — что ж, грамотность не порок, если не покрывается ею безответственное, неглубокое отношение к теме, поверхностный интерес к действительности. Писатель, литература — и жизнь. Нужно остро ощутить всю многооттеночность, сложность, диалектичность их взаимосвязей и взаимодействий. Созревание замысла любого произведения, накопление материала — это, в сущности, накопление внутреннего напряжения, которое ищет выхода, это концентрация радости сердечной, которой хочется поделиться с

это — «земля»? Когда мы пишем его с большой буквы, то разумею целую планету, ставшую обителью великого множества живых существ и, может быть, единственную в своем роде среди иных миров, составляющих Вселенную.

Как бы сужаясь, слово это — «земля» — заключает в себе и большое поле, и крохотный крестьянский надел на нем, и просто горсть того загадочного праха, не имеющего для нас какого-либо определенного запаха и вкуса, из которого, однако, в конечном счете рождаются все запахи, все вкусы, все виды

СЛОВО СЕ СЛОВО

старенький, ветхий — «из оттуда», из прошлого, вот тогда он постоянно напоминал бы живущим на поднебесных этажах о пути на сегодняшние высоты, что проделал наш народ.

И обидно, когда иные молодые соратники по литературному ремеслу почитают на лаврах этого восхождения, когда совсем невелик оказывается их обзор — как будто на хилый холмик забрались.

Добро, счастье, красота, мир... Мы, писатели, боремся за них своим оружием — пером, наше слово охраняет завоеванное в этой борьбе, призывает человека не измельчить эти понятия, не быть душевно глухим к ним, а слышать, ощущать всем естеством. Такое слово необходимо людям, как хлеб, как вода, и потому, если не насытит оно, не напоит, — нам, литераторам, отвечать.

Молодую литературную смену сейчас часто призывают к ответственности за слово. Над мерой этой ответственности вступающему на путь писательства надо очень серьезно призадуматься. Ведь можно научиться правильно ставить слова, красиво ладить из них фразы, да и тему подыскать из «штучковых» — вот, глядишь, и возмнитесь кому-то, что пришел конец его литературным перепутьям, настало начало пути. И пускаются иные в путь, да дороги не разбирая. Потом остановятся, аукнут, а в ответ жиденькие голоса околотитературных инфантильных особ. И вроде бы кроили себя по правильным меркам: не «в тиши кабинетов» сочиняли жизнь, а торили тропки к ее горячим точкам — да не вышла она живой в их произведениях. Не шумит, не волнуется в них море людское.

Наверно, просто хорошо усвоенной лозунговой грамоты — «Учись у жизни, молодой литератор».

«Живая жизнь — родник творчества» и т. д. — недостаточно, чтобы забила она, жизнь народная, в произведениях людей, входящих в литературу. Да и вообще больно уж кренит в гладкопись иных

людьми, или боли душевной, которую надо снять. Тут активным началом выступает жизнь. Это она награждает писателей тем волнением, без которого наше дело не идет, она усаживает за стол. И слово писателя, когда это настоящее слово, есть его дело, а писательство — способ участия в жизни, созидания ее.

Мир и человек бесконечно сложны, и ежели литератор поставит перед собой задачу заведомо непосильную — выразить все проявления этой сложности, то вряд ли выразит хотя бы одно выпукло, ощутимо. Конечно, чутким ухом художника ему дано улавливать звуки мира, его сердце восприимчиво к страстям человеческим, но для себя все-таки он должен навсегда определить одну, пусть единственную, но «пламенную страсть». И тогда его перо никогда не выведет холодных строк, слова будут горячие — из пламени. Они будут закаленными борцами, созидателями. И обязательно окажутся тогда среди них те, обостренная ответственность за которые станет высокой меркой собственно творчества.

Для меня такие слова — «земля» и «хлеб».

Их родственные узы можно сравнить разве лишь с материнскими и сыновними. Земля, впрочем, родит не только хлеб, но почему-то именно хлеб, слово это — «хлеб» — мы непременно ставим рядом с великим словом «земля». Мне не однажды приходилось размышлять и про себя и публично о том, найдет ли человечество в своем языке другое какое-нибудь еще слово, как

жизни в немыслимом сочетании и разнообразии. Постоянно преображаясь, слово «земля», как, впрочем, и слово «хлеб», становится по метафорой, то основанием мудрой народной присказки или поговорки, то символом, обозначающим и крайнюю бедность — «безземельный», и неслыханное богатство — «землевладелец». Неизменно неся на себе огромную социальную нагрузку, слова эти часто становятся в заголовки политических, философских, экономических трактатов, художественных произведений, революционных лозунгов, воззваний и, наконец, декретов.

Биография моя начиналась с этих слов — «хлеб» и «земля». Их высокий, трудным трудом познаваемый, смысл взращивал я в своей душе, как самый дорогой колосок на большом поле жизни. И мое постижение России — тоже постижение поля.

Случалось, что отец брал меня с собою смотреть хлеба — это великий праздник для землепашца. Смотрят хлеба обычно по воскресным дням, ранней-пре ранней порою и в то время, когда можно уже определить с известной долей точности, быть урожаю или не быть.

Село мы покидали вместе со стадами коров и овец, покидали еще затемно, а когда подымались на гору, из-за этой самой горы навстречу нам выкатывалось огромное огненно-красное солнце.

Отец, умиротворенный, веселый, как и солнышко, тихо, незлобно понукал

Часто, задумываясь над такими прекрасными понятиями, как Доброта, Счастье, Красота, Мир, до боли душевной ощущаешь несправедливость того, что не везде еще на Земле ими определена жизнь человека. Не каждому дано наслаждаться жизнью при современном миро-порядке: где-то этой радости лишают из-за цвета кожи, где-то считают судьбы людские подвластными нескольким кнопкам — а ведь человек красив, зачем же уродовать или убивать красоту? Зачем уродовать природу, которая хранит чудо жизни, дыхание земли? Бесчисленны такие болезненные вопросы в современной многосложности, но так и нарывали бы они, разрастаясь в раны, если бы назначение наше сводилось только к пассивному созерцанию — но нет, мы знаем: мир жаждет борцов, жаждет созидателей. И я живу среди таких людей — в нашей стране.

Много высот и высоток пришлось брать первооткрывателям социализма, не меньше благородных и трудных сражений предстоит поколениям, идущим вослед. Но тем яснее всегда будет высота наших достижений для каждого советского человека, чем чаще — ежедневно, ежечасно — будет обращаться он к памяти земли своей. А сколько рубцов, сколько ран, сколько страданий закалили эту память...

Светло и просторно живет нам сейчас, и многие слова из словаря лишений: «голод», «холод», «бесправие»... — стали архаичными для нынешних людей. Но присмотришься — и увидишь, как

нашу Карюху, она бежала нешибкой рысью, то и дело нагибалась, чтобы прихватить росного пырейка; из-под ее ног часто выпархивали стрепеты и улетали на восток, красные в солнечных лучах и прекрасные, как жар-птицы.

У своей полосы отец останавливался — не заходил, заплывал, широко разводя руками, в стремительно поднимающуюся вверх рожь, выдергивал по пучку в разных местах, сравнивал, приносил, их мне в телегу, и я пьянел от неповторимого, единственного в своем роде запаха — уже и не травы, но еще и не хлеба.

О, поля моей Родины, кто от дней своего детства дышал этими вашими запахами, тот уж никогда не позабудет их, в каком бы краю ни оказался потом!

Мы ехали дальше, и всем троим было очень хорошо. Карюхе — оттого, что было еще прохладно, солнышко хоть и светило вовсю, но еще не обжигало круп, слепни не одолевали, комары разлетались. Отцу было хорошо оттого, что рожь не подвела. Мне — оттого, что еду вместе с отцом, что не старших моих братьев, Саньку и Ленку, взял он с собой, а меня, что уже отец дважды, закуривая, передавал вожжи мне, и что я уже успел выкупаться в росе, и что — самое главное — дорога еще вся впереди, мы еще не глядели просо, пшеницу, овес, и что по пути я примечу,

того хватало бы на большую артель волжских грузчиков, а потом не знаем, что с ним, высохшим и зачерствевшим, делать? Не думают о том и в столовых, в ресторанах, когда, демонстрируя свою щедрость, приносят на стол горы черного и белого хлеба...

И вот тут я останавлиюсь и скажу: взяв какие-то слова основополагающими, поставив их командирами в боевой порядок своего творчества, писатель обязательно ищет им в словаре жизни достойных боевых соратников. И вот для меня такие слова, подкрепляющие творческую думу о земле и хлебе: «рачительный», «бережливый», «хозяйственный» и, наконец, «разумный». Ведь неизмерима цена его, хлеба! Неизмерим труд человека на земле.

Конечно, каждое произведение несет в себе частички биографии писателя. И, может быть, кому-то покажется, что наблюдение за колосками, за пробуждением природы, за хитрым крестьянским трудом, за тем, как настроена была наша Карюха в солнечное весеннее утро или после тяжелой пахоты, — все это не сможет составить панорамную, да позволят так мне выразиться, биографию произведения.

Действительно, если питаешь свое творчество чувством патриотизма — а его, думаю, расшифровывать не нуж-

подымающийся где-то неподалеку; и огромное небо над этим лесом с торопящимися куда-то тучами и парящим ястребком; и полевою дорожку с мчащимися по ней машинами; и шмеля, хлопотливо погружающего свое мохнатое тело в соседний цветок; и человека, вышедшего на поляну; и даже влажный блеск расширившихся зрачков в его глазах, которые все-таки никогда не перестанут удивляться этому вечно повторяющемуся чуду.

Человек, взятый отдельно, — это все-го-навсего крохотная капелька в людском море. И сердце человеческое, если оно не устало и не остыло, способно вобрать в себя и отразить — пускай по-своему — события громадной исторической значимости; события эпохальные, те, которыми определяются судьбы миллионов на многие годы вперед. И лучше, если для подтверждения нашей мысли обращаться к человеку не исключительной, а обыкновенной, будничной, что ли, судьбы, человеку, каковой по складу своего характера, по сложившимся обстоятельствам, по роду своей профессии, наконец, не должен вроде бы совершать каких-то там особых подвигов. Он явился на эту землю, чтобы просто жить на ней, и не знал — не ведал, что родился в стране счастливым по той причине, что тут он будет хозяином жизни.

Хозяин жизни — человек. Так должно быть, но так еще не везде есть в мире. И ведь с той давней-предавней поры, как наш предок осознал себя Человеком, то есть самым разумным существом из всех живых существ, он не переставал задавать себе вечный вопрос: как жить? Я думаю, его нужно уточнить, этот вопрос: как жить счастливо? Что надо делать для того, чтобы ты сам и вокруг тебя все были счастливы? Вот над чем

скакая, годами проверенная, имеет глубокие корни. Михаилу Шолохову принадлежат замечательные слова: «Мы с гордостью можем сказать, что являемся первыми ростками взращенной партией советской интеллигенции. За нами последуют десятки миллионов приобщившихся к культуре людей».

Волна за волной входили в большую советскую литературу новые писатели. И партия бережно и заботливо поддерживала их первые, еще робкие шаги, вовремя предупреждала от ошибок и, когда это было нужно, сурово критиковала, всегда стараясь направить их творческую энергию на служение своему народу, выполняющему титаническую работу по созданию нового общества.

Нет, не только в преддверии почетных рапортов съездам партии говорят о своей партийности советские литераторы — те, кто верно и вдумчиво следует и служит ленинской идее партийности слова, каждодневно, ежедневно руководствуются этой идеей в творческом поиске: и заглядывая в глубины человеческой души и рисуя панорамы свершений на полях и стройках.

Советская литература вправе гордиться тем, что она представлена на съездах партии своими делегатами с правом решающего голоса.

Когда мы, советские литераторы, говорим, что самым естественным образом связали свою судьбу — навсегда, безраздельно — с великой судьбой ленинской партии, то речь идет о той самой естественности, что предсказывали самые передовые умы, самые светлые таланты прошлого. Они мечтали, художники-человеколюбцы, о лучшей доле для человека на земле, светом своего разума отыскивая в потемках бесправных времен героя завтрашнего

Родина, создающая

где и кто посеял горох, примечу это с тем, чтобы потом совершать свои гороховые набеги наверняка.

Впрочем, я не ждал позднего лета. Уже сейчас, заметив сизовато-белесые листочки, спрыгивал с телеги, рвал эти листья и набивал ими рот. Они хранили в себе вкус и аромат зеленого гороха той поры, когда он бывает особенно сочен и сладок, то есть самой опасной для него поры, потому что именно в это время деревенские мальчишки штурмуют его, и никаким сторожам не справиться с ними.

Где-то в полдень мы возвращались домой. Рожь, привезенная нами, потом долго еще находилась в красном углу передней, под образами.

Случалось, однако, что отец возвращался с таких вот «смотрин» чернее и мрачнее самой черной тучи. Никто не смел ни о чем расспрашивать его: все понимали, что их ждет впереди.

И вот теперь я думаю: помним ли мы все это, когда сейчас, в наши дни, заходя в булочную, долго ощущаем хлеб, достаточно ли мягок он, дышит ли он под нашими капризными пальцами, и отворачиваемся от прилавка, коли хоть и мягок хлеб, но не пахнул на нас теплым духом печи? Наверняка не думает и не знает об этом вон та молодая мать, что внушает своему малышу, выйдя из магазина, серьезно и озабоченно внушает, что нельзя бросать недооцененную сдобную булочку прямо на тротуар — для этого, мол, имеются урны. Это для хлеба-то урны?! И думаем ли мы все обо всем этом, когда для семьи из двух-трех человек набираем хлеба, ко-

но, — то, безусловно, обязан ощущать пульс Родины. Видеть Родину во весь рост.

Но такое истинное писательское зрение приходит тогда, мне кажется, когда каждый из нас, пишущих, помимо огромной земли — России, — ощутит такой же огромной землей небольшой, порой не обозначенный даже на карте кусочек или краешек, близкий, родной, понятный — тот милый, возлюбленный уголок, к которому ты прикипел сердцем, душой своей.

Как в крохотной капельке утренней росы на травяном листочке при определенном освещении могут отразиться и земля, и небо, и солнце, и все, что на этой земле и на этом небе, так в жизни какого-нибудь селеньица, ничем с виду не примечательного, можно увидеть большую, сложную и напряженную жизнь всей страны.

Но чтобы увидеть, надо очень сильно любить и селеньица и людей, нашедших в нем кров, пищу, все свои великие, малые ли радости и страдания.

Только в таком случае у этих людей не будет от тебя секретов — душа их распахнется перед тобою, что называется, настежь, и ты, согретый ее теплом, вдруг как бы обретишь второе, самое острое, внутреннее прозрение и увидишь многое из того, что до того было скрыто от тебя, притом нередко как раз самое важное.

Теперь-то каждому известно, что крохотная капелька росы на лепестке утреннего цветка способна собрать в фокусе и отразить целый окружающий ее мир: и большой лес, темною стеной

мучительно размышлял передовой человек на протяжении многих и многих веков. И как только он приближался к истине, к пониманию того, что счастье на Земле может быть лишь тогда, когда Земля со всеми ее богатствами станет принадлежать тем, кто на ней трудится, — его бросали в тюрьму, ссылали на каторгу или заживо сжигали на костре. Человек между тем медленно, но все же неуклонно продвигался вперед, к лучшей своей доле. И, продвигаясь, он продолжал неутомимо спрашивать: как жить?

Об этом думали герои Чернышевского. Не звучал ли этот вопрос уже в самом названии его романа «Что делать?». Не вчера и даже не столетие тому назад было впервые произнесено слово «коммунизм». Это случилось гораздо раньше. Однако не вдруг, не сразу люди увидели в коммунизме единственный путь к человеческому счастью. Прозрение пришло позднее.

И люди, великим трудом своим приблизившие это удивительное время, его творцы и создатели, люди эти стали настойчиво и горячо спрашивать себя: а как мы будем жить при коммунизме? Это святое и гордое волнение рождает великопечные почины.

Лучшие образцы современной советской литературы доказали, что писатель-гражданин не просто отражает размах свершений, словом поддерживая тот или иной почин. Такой литератор есть и будет помощником партии в делах государственных. И эта взаимосвязь, неразрывная, поистине творче-

дня. Будили в «униженном и оскорбленном» гордость свободолюбия. И свершилось — настало время, когда поиски нового человека и борьба за него навсегда стали совместными: для партии, народа и художника, отдавшего себя целиком партийной литературе.

Прекрасно сознавать, что твое слово участвует в созидании начертанных в важнейших партийных документах свершений.

Думаю, это сознание — в душе и сердце молодых публицистов, которые участвуют в номере «Смены», посвященном социальному месту молодого литератора, его активной жизненной позиции. В номере, со страниц которого весомо звучит рапорт литературной смены XXVI съезду КПСС.

В Программе нашей партии читаем: «Коммунизм выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплуатации, от ужасов войны и утверждает на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов».

Счастье! Какое емкое слово! И словом же за него можно бороться. Борьтесь нам, литераторам.

Слова эти, охраняющие светлое понятие человеческой жизни, мы точнее всего напишем, прислушавшись к земле своей.

К земле своей прислушайся — и отзовись красивым делом, добрым словом. Сумеешь — забьется сердце счастливо и заживешь радостями и заботами Человека.

О герое

«Экспедиция «Смены»:
Западная Сибирь —
факты, проблемы, люди»

ПОДЗЕМ

Сергей
ЗАПЛАВНЫЙ

Поэт и прозаик Сергей ЗАПЛАВНЫЙ живет в Томске. Он — участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей, лауреат премии Томского комсомола, автор нескольких книг. Много и плодотворно работает в жанре публицистики.

Мама, — услышал Ильдус позади себя громкий мальчишеский шепот, — смотри, он на кенгуру похож!.. — Невольно обернулся и сразу обнаружил в толпе шагающих по летному полю пассажиров нацеленный на себя розовый палец.

Насмешник был весьма юн — лет шести-семи, не больше. На круглой голове торпачилась меховая шапка, скроенная наподобие шлемов времен гражданской войны, на ногах унты с рыжими обкладами. Ни дать ни взять мужичок-сибирячок. А вела его за руку худенькая неприметная женщина с русыми бровями-метелочками.

Ильдус почувствовал себя неуютно: бывало, друзья в шутку называли его башенным краном, циркулем, дядей Степой, но с кенгуру еще никто не сравнивал.

— Нельзя показывать пальцем, — чуть слышно начала выговаривать сибирячку мама. — Скажи словами: самолет похож на кенгуру. Только это неправильно — ничего общего.

Ильдус посмотрел на «Ту-154» словно впервые: а что, сравнение мальчишки не такое уж бессмысленное...

И сразу вспомнилась дочь. Почти три года сейчас Инне. Несколько месяцев не виделись, истосковался, намучился... Валюшка тоже. Стоит им детский голосок услышать, места себе не находят. Нельзя все-таки расставаться так надолго. Конечно, в Ишимбае, у Валиных родителей, девочке хорошо. Дед, Михаил Петрович, на пенсии, возится с внучкой. О бабушке, Зинаиде Васильевне, и говорить нечего — если не на работе, Инну с рук не спускает...

Так случилось, что, приехав в Стрежевой к зятю, Зинаида Васильевна застала внучку в постели — простыла, температура высокая. Разволновалась гостя: раз ребенок болеет, значит, за ним настоящего ухода нет. Начала присматриваться к тому, как молодые живут. Хорошо, слава богу, живут, но... То народ у них в единственной комнате толчется, дела производственные решают, то домой их не дожدهшься, особенно Ильдуса — на промысле готов дневать и ночевать. Зинаида Васильевна и сама по натуре человек деятельный, безотказный — всю жизнь учительствует, да не где-нибудь, а в школе трудновоспитуемых, но дети, справедливо считает она, от активности родительской страдать не должны.

— Как хотите, — сказала твердо, — а Инну я с собой заберу. Окрепнет немного, там видно будет.

Радостно Ильдусу от мысли, что скоро обнимет дочь, Зинаиду Васильевну, Михаила Петровича и за себя и за Валюшку.

А командировка у него нынче непростая. По итогам года бригада Ильдуса признана лучшим комсомольско-молодежным коллективом Министерства нефтяной промышленности СССР, награждена переходящим Красным знаменем. Первое место в цехе подземного и капитального ремонта скважин разделила она с бригадой Евгения Глазунова. И вот теперь Ильдус с Глазуновым летят в Москву — на слет победителей социалистического соревнования среди основных профессий министерства. Через Томск. На обратном пути можно будет побывать в Ишимбае. Вернее, обязательно побывают.

У трапа Ильдуса нагнал Глазунов, спросил:

Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

— У тебя какое место, Галиевич?
Оказалось, лететь им предстоит в разных салонах.
— Ничего,— успокоил Глазунов.— В пути объединимся...

Место Ильдусу досталось удобное — у иллюминатора. Он снял цигейковый полушубок, шапку и, втиснувшись на металлическую полку, начал устраиваться. Главное, разместить ноги — для людей высоких самолет явно не приспособлен. Ну, ничего, в тесноте, да не в обиде...

Мужичок-сибирячок занял сиденье впереди и теперь с любопытством рассматривал входящих в салон. Он то жмурился, то улыбался неизвестно чему. Встретившись глазами с Ильдусом, мальчонка заинтересованно замер. И тогда Ильдус неожиданно для самого себя подмигнул ему: мол, на одном кенгуру катаемся, попутчики, а раз так, будем знакомы...

Убаюканный мерным гулом моторов, Ильдус задремал. И сразу во сне — лицо дочери. Рядом тут же угадал другое — жена. «Ну-ка, марш к бабушке,— поцеловала Инну Валушка.— Спать пора». Они остались одни.

Хотя нет, не одни. Рядом на сиденьях расположились товарищи. Смеются, шутят. А начальник цеха решил воспользоваться случаем и открывает внеочередное комсомольское собрание, щедро дает «ЦУ», пытается найти добровольцев, которые взвалили бы на свои плечи стенную печать... За окнами мелькают темные островки ракушечника, черемушника, плывут мимо заснеженные ноябрьскими выюгами болотные луговины Советско-Соснинского месторождения, журавлями танцуют у зимника станки-качалки...

И уже не самолет мчит Ильдуса, а вахтовый автобус. И не в будущее, а в недалекое прошлое — в тот день, когда он впервые обратил внимание на Валу Алентьеву. В Стрежевой Алентьева приехала после окончания Ишимбайского нефтяного техникума, начала работу оператором по добыче нефти и газа. Ильдус тоже. Только нефтяной техникум окончил он не в Ишимбае, а в Нефтекамске, до армии успел поработать в Альметьевске — машинистом на блочных установках по поддержанию пластового давления. В Стрежевом его сразу заметили. Избрали комсоргом бригады...

— Без стеной печати нам, ребята, ну никак нельзя,— обвел глазами молодых попутчиков начальник.— Самим же неинтересно. А?

Ильдусу неловко, что его упрекают. Ведь газета и впрямь не начальнику нужна.

— Я возьмусь,— сказал он.

— Я тоже,— поддержала его Валя Алентьева.

У нее оказался красивый почерк — ровный, ясный,

Ильдус взял газету, подчеркнутое место перечитал несколько раз. И правда, все сходится — фамилия, имя, должность, адрес. Как же так? Он — и вдруг лауреат? Хотя ничего выдающегося не совершил: добросовестно работал вместе со всей бригадой. И только. Почему же его одного отметили? Неправильно это...

— Поздравляю,— поднялся навстречу Ильдусу пожилой, но еще крепкий мужчина с хорошим лицом, чем-то похожий на Михаила Петровича Алентьева. — От всего сердца поздравляю, сынок... Садись, пожалуйста, здесь место свободно.

Ильдусу улыбались, Ильдусу кивали, а какой-то веселый очкастый парень своими показал большой палец: мол, молодец, лауреат, держи марку...

Пожилый мужчина оказался преподавателем Томского университета. Недавно вышел на пенсию. В Стрежевом бывал несколько раз вместе со студентами стройотряда и как лектор. Стрежевой ему понравился. Хороший город. Молодой. Молодежный. И название у него запоминающееся, символическое: стрежь — самая быстрая и ключевая часть течения реки. Правда, не все стрежевчане это знают, иные считают, что название свое город получил оттого, что стоит над Пасолом, глинистые берега которого издырявлены стрижиными норками. Не отсюда ль ласковое сокращение — Стрижи? Хотя молодые пацки до сокращений. Александровское, районный центр, промез себя величают Шуркиным, Светлую протоку — просто Светлой...

Поначалу Ильдус слушал собеседника рассеянно — все никак не мог успокоиться. Ильдус не знал, печалиться ему или радоваться. Наверное, все же радоваться. Отметим мастера — значит, отметили всю бригаду. И Александра Матаева, и Леню Морозова, и Сашу Ботяновского, и Валерия Серегина, и братьев Гребенюковых...

Бурильщик Матаев старше Ильдуса на десять лет. В цех подземного и капитального ремонта скважин он пришел через два года после того, как на месте будущего города был установлен камень с исторической для стрежевчан надписью: «Отсюда начинался Нефтеград. 23.VII.66». Трудно перечислить всех, кого обучил он с тех пор мастерству нефтепроходчика, для кого стал не просто старшим товарищем по бригаде, но и поводырем, советником, наставником.

Педагогический талант у Матаева от рождения. Стажеров он не гонит от себя, как другие, напротив, старается заполнить. Прощает им неумение, даже явные глупости. Невозмутимый, спокойный, доброжелательный. В случае чего остановит бурение, спустится с мостика, начнет объяснять подопечному, как сподручнее держать ключ КТГ, как правильно крепить насосно-компрессорные трубы... Не боится выбиться из графика, знает, что хорошее слово поможет сохранить рабочее настроение, нагнать упущенное.

— Чего там,— простодушно улыбнулся Леонид Морозов, крепкий, сразу видно, медвежьей силы парень. — И говорить не о чем. Ясное дело, поможем.

Как все сильные люди, второй бурильщик нетороплив, спокоен, добродушен. Но и горяч, самолюбив. Ильдус понял это в первые же дни совместной работы.

Все может стерпеть Морозов, только отставать не привык. Даже если обошел его не кто-нибудь, а сам Матаев. В работе Леонид обо всем забывает, ломится, как лось сквозь щабчик, могуче, без передышки. Перед праздниками или в весеннюю распутицу, когда другие расхаживаются, Морозов напора не сбавляет, наоборот, еще больше старается. Стоит укорить его: «Эх, Леня, что же ты отстаешь от Матаева?» — и он вахту свою загоняет до седьмого пота, пока не докажет, что Морозов — совсем не «эх, ты».

В Стрежевой Леонид приехал из Юрги: работал там на машиностроительном заводе, да судьба нефтяника ему больше приглянулась. С помощью Матаева вырос до бурильщика, медаль тоже получил. Ребята избрали его группкомсоргом.

На первых порах Морозов ходил за Ильдусом, словно нянька, — раз человек попросил помочь, надо помочь. Для пользы дела. Советовал:

— Ты на трубу руку положи. Вот так. По вибрации можно определить, работает турбобур или нет. Чувствуешь?

Потом в бригаде появился Саша Ботяновский, художавый, несильный на вид, но такой же неутомимый и безотказный, как Морозов. Всего за месяц освоил профессию второго помбура. С Леней они как-то сразу сошлись; теперь — не разлей вода, шагнуть друг без друга не могут.

Обустройство на новом месте капремонтники обычно не жалуют — не по специальности. Их дело — подготовить нефтяную скважину для работы или перевести ее с фонтанного способа на механический — на подкачку насосами; если надо, заглушить, если требуется, промыть песчаные пробки и механические примеси, выполнить всевозможные ремонтные манипуляции, причем на ощупь, в недрах земных, — да мало ли... А тут — погрузка-разгрузка, строительство площадки, установка передвижного вагончика — словом, нулевые работы. В основные показатели они не идут, а изматывают будь здоров. И времени требуют много. Кому охота на них себя изводить? Вот и радуются ребята, когда не их вахте выпадает основная перебазирка. Уклоняться от нее не уклоняются, но и сами инициативы не проявляют.

Морозов и Ботяновский — иное дело, эти и за нулевку берутся так, как за всякое дело братья привыкли. Капитально устраиваются, будто собираются на очередном кусте скважин закрепиться если не навсегда, то надолго.

Чего греха таить, было время, когда вахтовый

особенный. Как она сама. Почему раньше Ильдус этого не замечал? Ведь встречались чуть ли не ежедневно, вместе ездили на промысел, рядом сидели на собраниях...

С той памятной поездки и вошла в Ильдуса ни на что не похожая радостная тревога. Незаметно редакционная коллегия стенной газеты цеха переросла в семейную.

Теперь Валушка инженером АСУ нефтегазодобывающего управления «Стрежевойнефть» работает, Ильдус в том же управлении одну из семи бригад капитального ремонта скважин возглавляет.

Кто-то тронул Ильдуса за плечо. Ему показалось — Валушка. Он положил ладонь на мягкую руку, словно отвечая: погоди, сейчас проснусь. Открыл глаза и увидел над собой незнакомое женское лицо. Стюардесса. Она что-то говорит...

— ...Товарищ Глазунов просит к нему,— дошло, наконец, до Ильдуса.

— Хорошо. Я сейчас.

Он привел себя в порядок. Судя по всему, Женя затеял обещанное переселение. Ну что же, надо пойти посмотреть.

Глазунов встретил его ненормально торжественно. Громко, словно радиодиктор, объявил:

— Уважаемые пассажиры! Перед вами новый лауреат премии Ленинского комсомола Ильдус Галиевич Галиев! Прошу любить и жаловать. Между прочим, мой товарищ! — И протянул растерявшемуся Ильдусу свежий номер «Комсомольской правды». — Держи! Плакать от радости не надо. Вот твоя фамилия!

Есть люди, которые и в среднем возрасте выглядят молодо, лет на двадцать пять — двадцать семь. Именно таков Матаев. Приятно посмотреть на человека: красивый, подтянутый, одежка на нем сидит ловко, празднично, походка твердая, стремительная, на губах улыбка. Любит пошутить, побалагурить. Ну, словом, кадровый бурильщик. Именно на таких нефтяной Север держится. Награжден орденом «Знак Почета».

Вся бригада Ильдуса — ученики Матаева, сам Ильдус — тоже.

Обычно мастером бригады назначают самого опытного из ремонтников, того, кто и в помбурах походил и профессию бурильщика как следует освоил. Ильдус — исключение из правил, бурильщиком он не работал ни одного дня. Зато работал диспетчером, а в трудную пору подменял мастеров. Тогда-то и получил первые навыки буровой работы. Очень помог ему в этом начальник цеха Валентин Николаевич Аносов. И советом и делом. Натаскивал, не жалея времени. Потому что видел: бывший оператор по добыче нефти и газа серьезно берется за дело, понимает, что без детального знания нефтяной скважины, ее повадок настоящим специалистом стать невозможно.

Матаев дело Аносова продолжил. Он сам и его ученики встретили молодого мастера приветливо, без подвохов.

На первом же бригадном собрании Ильдус честно признался:

— Без вашей помощи и подсказки мне не справиться. Поэтому прошу набраться терпения и дать возможность подучиться.

вагончик бригады напоминал захлапленную, неудобную для отдыха временку.

— А что, комсорг, не пора ли нам собраться да потолковать, как живем, как жить дальше думаем? — предложил Ильдус Морозову.

— Само собой,— сразу понял его тот. — Мы с Ботяновским уже кое-что обмозговали. С тобой хотели посоветоваться...

Открытое комсомольское собрание бригады единодушно постановило: провести столько субботников, сколько потребуются, но сделать жизнь на промысле комфортабельной — себе на радость, другим на удивление. Как порешили, так и сделали: полы в вагончике перестелили, утеплили и покрасили. Стены обили плахами, украсили художественным выжиганием, отстеклили лаком... И тут оказалось, что Морозов не только бурильщик образцовый, но и художник хороший. Профессиональный, можно сказать, художник. В свое время окончил училище прикладного искусства. Чеканки делает — залюбуешься. Кому, как не ему, наглядной агитацией заниматься? На то она и наглядная, чтобы смотрели люди, радовались и учились...

Сам Ильдус по дереву резать любит, выжигает. Как-то представил себе дочурку, какой она станет через несколько лет, да так и изобразил ее — бегущей навстречу утреннему солнышку.

Нашлись в бригаде и шахматисты и лекторы-международники... О рыболовах, охотниках и говорить нечего.

Теперь в вагончике бригады зайти приятно — чисто, порядок. Машинист подьемника Иван Андреевич Марков шутливо предупреждает новичков:

— Ноги хорошенько вытирайте. Не в храм входите, но все же...

Хороший пример заразителен. Подражая бригаде Ильдуса, начали наводить порядок в своих вахтовых вагончиках специалисты и других подразделений промысла. А их на месторождении десятки...

Зимой в вагончике просторно— всего две вахты работают, сам человек вместе с мастером. Зато летом до шестнадцати жильцов набирается— четыре смены, да еще обслуживающий бригаду персонал. Бывает, особенно в паводок, без электричества сидеть приходится, еду согреть на паяльных лампах. Но и в такие дни Морозов не позволяет размагничаться: в красный уголок или в жилой блок в грязной одежде, несмотря ни на какие обстоятельства, войти не даст. Порядок есть порядок...

И еще одно открытое комсомольское собрание по просьбе Ильдуса провел комсорг. На этот раз разговор пошел о бригадном подрае. Постановили: дневные вахты обязаны подготавливать фонд работ для ночных, так как находятся они в более выгодных условиях. Это раз. Второе: наряды на все вахты должны заполняться равноценно— независимо от того, нулевыми, подготовительными работами занимались ребята или основными. (В бригадах подземного ремонта скважин это уже введено. Но там и объем работы другой— сменить насосы, оборудование, изменить параметры станков-качалок— вот, пожалуй, и все. А у бригад капитального ремонта обязанности сложнее, многообразней, неожиданней. Как у дежурных «Скорой помощи».)

Бригадный подрай окончательно сплотил комсомольско-молодежную бригаду Ильдуса. Произошло нечто похожее на то, с чем нередко приходится сталкиваться капремонтникам, когда они обнаруживают неисправность в колонне подземных труб. К месту повреждения в таких случаях обычно закачивают цементный раствор, делают так называемый мост— цементную пробку, оставляют ее на ОЗЦ (ожидающие затвердевания цемента; оно продолжается не менее суток), затем разбуривают... И труба, залатанная цементом, вновь начинает работать— даже лучше, чем прежде. ОЗЦ бригады длилось несколько месяцев, зато теперь она стала монолитом, которому не страшны никакие нагрузки...

Главный принцип: не чураться никакой работы— ни чистой, ни грязной. Конечно, чистой работы у буровиков не бывает: вечно измазаны нефтью, в цементном растворе, в болотной жиже. А раз так, настоящей работой они считают крупную работу. Например, когда, бывает, обрушивается подземное оборудование или падает в забой часть насоса. Для того, чтобы их извлечь, мастер по сложным операциям придумывает хитроумный зажим, каждый раз новый, и начинаются на километровых глубинах поиски, погоня...

Кто не испытал азарта, ответственности такого поиска, тот не сможет понять радости ремонтника подземных скважин, труд которого в нефтегазодобывающем управлении по праву занимает первую строчку «табели о рангах». Ведь от его расторопности и умения в первую очередь зависит ритм работы на промысле, нефтедобыча в целом...

Как раз перед отлетом Ильдуса в Москву выпала его бригаде чистая работа: подготовить к эксплуатации разведочную скважину, шесть лет назад давшую нефть. Вахта Морозова загостила нужный объем жидкости, чтобы заглушить ожидавшийся выброс. И все же фонтан ударил неожиданно, раньше срока. Черная струя взметнулась выше кран-блока, прожгла мазутными пятнами сугробы в округе, залила редкий чахлый кустарник...

Ильдус на обед собирался, одной ногой уже на подножку машины вспрыгнул. Рядом с ним— старший инженер. Переглянулись. Без слов поняли друг друга: надо подождать, наткнется фонтан на газовую шапку и сам захлебнется.

Но фонтан и не думал утихомириваться. Даже на людей бывалых действовал он устрашающе.

Не выдержал водитель ЦР-4, того самого «огнетушителя», который в случае выброса должен перекрыть путь нефти специальным раствором,— укатил прочь в неизвестном направлении.

И тогда Ильдус махнул Морозову:

— Давай сами!

И встал за пульт бурильщика. Не успел он подвести элеватор к план-шайбе— огромном металлическом диску с задвижкой, а комсорг уж тут как тут, подцепил крюк за патрубок, сделал отмаху: поднимай! Самое трудное— поставить диск на трубу, из которой хлещет нефть, и завинтить его. Но Морозову силы и ловкости не занимать: лезет в самое пекло, черный, только зубы да белки глаз видны. Поставил-таки план-шайбу на резьбу, сделал первый, самый трудный и решающий поворот...

Потом ребята с шутками-прибаутками помогали ему мыть голову соляной, оттирали снегом, согревали у «буржуйки». А Ленка кричал от удовольствия и просил:

— Трите шибче! Чтоб до желудка брало!

Вот это и есть чистая работа. Грязная— когда приходится таскать бревна, мешки с цементом, варить раствор, мыть полы в вагончике...

Не зря другие мастера завидуют Ильдусу:

— Ох и шустрые у тебя в бригаде хлопцы. Хватки!

— У вас вроде не хуже.

— Не хуже, это верно. И все же моим пока до твоих далеко...

И еще одна традиция родилась в бригаде— учиться. Четверо поступили в Томский политехнический институт, на заочное отделение. Среди них Ильдус. Не отставать же мастеру от своих помбуров...

На время сессии те, кто остается на промысле, работают с двойной нагрузкой— за себя и за своих товарищей...

—...Э, да я вижу, вы меня не слушаете?— улыбнулся Ильдусу сосед, преподаватель университета.— А я тут, знаете ли, свои молодые годы вспомнил. Расхвастался. Нам, старикам, порой кажется, что нет сегодня у молодых того накала, горения, беззаветности. Может быть, потому, что не с лучшими сталкиваться приходится. Конечно, многое нынче по-иному, но зато какой размах, какие гигантские работы вокруг. А ведь ведут их прежде всего молодые...

— Извините,— запоздало повинился Ильдус.— Действительно...

— Ничего... Родители-то ваши здоровы? Вот обрадуются! Кем они, кстати, работают?

— Тоже нефтяники,— ответил Ильдус.— Отец— мастер строительного монтажного участка. В НГДУ «Арланнефть». А мама на базе промышленного оборудования и комплектации работает.

— Династия, выходит?

— Династия. Сестренка за мной в Стрежевой приехала. В СЭН устроилась.— И, заметив непонимание на лице собеседника, Ильдус пояснил:— Трест «Стрежевойэнерго-нефть». А младший брат Рим после армии тоже к нам. Токарь он, в прокатно-ремонтном цехе сейчас. Так что все рядом.

— Замечательно... Очень рад был познакомиться... Будете в Томске, непременно заходите.

— И вы заходите, если будете в Стрежевом,— сказал Ильдус.— Я вас с нашими ребятами познакомлю.— И добавил убежденно:— Таких вы больше нигде не увидите...

Алентьевы встретили зятя радостно. Сообщили: повидаться с Ильдусом приедут из Салавата родственники дальние, ну и само собой, ближние, ишимбайские, тоже соберутся,— всего одиннадцать семей. Его радость— это и их радость. Молодец, сынок, что заехал. В письмах много ли напишешь?

Но больше всех ликовала Инна. Ревниво обвив Ильдуса ручонками, она твердила гостям:

— Это мой папка! Мой!

— Ясное дело, твой,— успокаивали ее.— Держи крепче, не урони.— И добавляли шутливо:— Он теперь бо-о-ольшой человек. Очень большой. Выше тебя.

Инна смотрела на шутников сверху вниз, потом начинала мерить ручонками, кто выше, папка или она. Ну, конечно, она. Когда он садится, Инна все равно оказывается выше всех...

Устав от всеобщего внимания, девочка задремала у Ильдуса на руках, и он, чтобы не потревожить ее, стал говорить тише.

С кем встречался в Москве? На слет съезжались лучшие нефтяники страны. Вот у кого надо учиться! Есть о чем рассказать своим ребятам, что перенять. В один из дней участников слета пригласили в ЦК ВЛКСМ, вручили дипломы, знаки «Молодой гвардеец пятилетки». Между прочим, среди награжденных оказались еще два однокашника Ильдуса. Один сейчас работает здесь, в Башкирии, другой, энергетик,— в Усть-Илиме... Были еще деловые контакты с представителями научно-исследовательских институтов. Обе всех встречах и не расскажешь. Одна другой поучительнее. Подзарядился теперь надолго, как аккумулятор...

В аэропорт Ильдус прибыл перед самой отправкой самолета— с тяжеленными чемоданами. В комнате контроля его попросили предъявить багаж для осмотра. Ильдус послушно отомкнул замки.

— Что это у вас?— удивилась женщина-контролер, увидев инструменты и набор небольших брусков-параллелепипедов непонятного назначения.

— Вот это ключи трубные. КТГ. А это сухари для ключей. Вставки. Чтобы трубу удобней цеплять.

— Слесарь?

— Да нет. Нефтяник.

— У вас, что же, там этого добра мало?

— Дефицит,— подтвердил Ильдус.— Спасибо, друг из личных запасов выделил. Вместе в техникуме учились. Он теперь старший механик капремонта.— И хотел добавить: «Может, слышали, Николай Молодцов?»,— но не добавил, вовремя спохватился— у аэрофлотцев свои заботы, свое братство, хоть и работают они с нефтяниками рука об руку, но всех поименно знать не могут.

— Интересное дело,— с уважением взглянула на Ильдуса контролер.— Обычно на Север городские деликатесы везут или модную одежду, а вы— ключи... Проходите, пожалуйста. И счастливого вам полета.

— Спасибо!— кивнул Ильдус.

Он вышел на летное поле и помахал рукой провожающим, Инне. «Кенгуру,— вспомнилось почему-то.— Кенгуру возвращается домой. Точнее, из дома— домой».

Кадры решают все!

Не новая, вроде бы примелькавшаяся истина. Справедливость ее никогда не вызывала у Ильдуса сомнений. Но и тревог не вызывала. Потому как в бригаде у него подобрались не кадры, а друзья-соратники, коллектив единомышленников. И коллектив этот, верил Ильдус, просуществует долго потому что крепят его не формальные производственные отношения, а общность интересов, единый взгляд если не на все, то на многое. Одного не учел Ильдус— последствий профессионального роста своих товарищей. Того самого роста, которого так настойчиво и последовательно добивался он сам с помощью Матаева и Морозова.

Стали бурильщиками, ушли на самостоятельную работу в другие бригады Валерий Сергеев и Евгений Гребенюк. Как найти им равноценную замену?

Раньше сам мастер подбирал кандидатов в помбуры. Оно и понятно: чистая работа— она на любителя. Без призвания к ней и подступаться не стоит— тяжелым грузом на плечи ляжет. На капремонте отработчики не нужны, не та обстановка.

Конечно, год на год не приходится, только увидел вдруг Ильдус, что на новичков в цехе незаметно дефицит образовался. А раз так, отдел кадров инициативу решил взять в свои руки, вспомнил про кадровую политику.

Раньше, может быть, и заартачился бы Ильдус, не согласился с предложенными учениками, а теперь попробуй не согласись, сразу скажут: «Зазнался Галиев, особого к своей бригаде отношения требует, хочет забрать к себе всех лучших. Этак любой в лауреаты выйдет. А еще член обкома комсомола...» Лавры и общественные нагрузки тоже, бывает, дают, лишают права на скидку, на равный подход...

Добился своего, получил четвертый разряд Саша Ботяновский— и сразу создалась в бригаде трудная ситуация. Вроде бы радоваться надо, переводить в первые помбуры. Но тут отдел кадров прислал Ильдусу не молодого парня, как он просил, а зрелого специалиста— и тоже с четвертым разрядом. Трое детей у него, человек заслуженный, бывалый. Вот и думай, мастер, кого первым помбуром ставить— Сашу или его?

Дело-то не только в престиже, в объеме, характере работы. Еще в несправедливых расценках. У второго помбура самая изматывающая, самая «беготня» в бригаде работа, а получает он не пятьсот, как первый, а триста рублей...

Пришлось Ильдусу просить Ботяновского еще поработать вторым помбуром. Так, чтобы понял: не мог мастер поступить иначе. Не имел права.

Прибавилось забот Ильдусу— не просто хорошую бригаду нужно сохранить, а прежде всего комсомольско-молодежную, ту, которая завоевала знамя ЦК ВЛКСМ «Герои пятилетки, ветераны труда— лучшему комсомольскому коллективу».

Недавно пришел в бригаду Тагир Халерахманов. Этот под стать старожилам... Чуть раньше— Валерий Пахомов. Славный парнишка. В Стрежевой приехал из Новокузнецка. Обжилась здесь. С наставника своего, Александра Матаева, глаз не спускает, в любой мелочи старается на него быть похожим. Такой же веселый, неунывающий. Во время самой трудной вахты песни распевает. Хороший признак— значит, приживется, станет хорошим бурильщиком.

Несмотря на все трудности, свои производственные планы бригада Ильдуса намного перевыполнила. Ребята мечтают повторить достигнутое— вновь стать лучшей комсомольско-молодежной бригадой министерства.

Мечтать тоже надо крупно. Или не мечтать вовсе...

Юрий ВЕРЧЕНКО,
секретарь Правления
Союза писателей СССР

Эту книгу с полным правом можно считать творческим отчетом молодых писателей и поэтов XXVI съезду КПСС. Она написана специально к партийному форуму и представляет собой попытку запечатлеть средствами художественного слова картину героических будней нашего современника, раскрыть великий смысл этой работы, подлинное значение гигантских усилий партии, направляющей созидательную мощь народа в русло коммунистического переустройства общества.

Примечательна история появления книги. Идея ее создания возникла на VII Всесоюзном совещании молодых писателей, состоявшемся в Москве весной 1979 года. Именно тогда в выступлениях молодых литераторов прозвучала мысль о необходимости создания документальных произведений, раскрывающих героический труд советских людей, богатый мир их помыслов и деяний, пафос социалистического образа жизни. Тогда же было высказано пожелание написать такую книгу силами участников совещания и посвятить ее XXVI съезду родной Коммунистической партии.

Идея навстречу этим пожеланиям ЦК ВЛКСМ, Союз писателей СССР совместно с издательством «Молодая гвардия» провели в июле 1980 года в Свердловске Всесоюзный слет молодых литераторов, который прошел под девизом «Молодые писатели — XXVI съезду КПСС».

Они съехались в Свердловск из самых разных уголков страны — с БАМа и КамАЗа, «Атоммаша» и Сумгаита, российского Нечерноземья и Урала, Тюмени и Томска. Так вот и встретились на уральской земле командир ко- рабля гражданской авиации из

Иркутска Валерий Хаирюзов и моторист-ремонтник с КамАЗа Евгений Кувайцев, электрослесарь шахты имени Ю. А. Гагарина Владимир Блажко из Донбасса и инженер Тобольского нефтехимического комбината Юрий Надточий, ответственный секретарь журнала «Гейрчин» Вагиф Ибрагимов из Баку и электрик Владимир Гузий с БАМа. Поэты, прозаики, очеркисты, они работают в разных литературных жанрах, у них различные творческие пристрастия, но всех их объединяет общее понимание цели и задач литературы, обостренный инте-

рес — был определен состав будущей книги, и молодые литераторы по комсомольским путевкам разъехались на важнейшие ударные стройки страны, чтобы в самой гуще жизни, в могучем потоке всенародных дел почерпнуть материал для своих произведений.

И вот она перед нами, эта книга, написанная молодыми литераторами. Сборник называется «Доверие» — в этом мне видится особый смысл. Партийная забота о молодых проявляется не только в том, что общество создает все условия для развития таланта,

человеческого строительства. За всю историю нашей страны не было еще столь значительным непосредственное влияние молодежи на самые разнообразные стороны экономической, духовной, нравственной жизни общества развитого социализма. Сбылись ленинские пророческие слова: «Именно молодежи предстоит на стоящая задача созидания коммунистического общества».

Читая книгу, невольно убеждаешься в том, что главный художнический интерес молодых литераторов сфокусирован на проблемах ударных строек пятилетки, на теме труда и духовной жизни молодежи, осваивающей богатства Сибири, Дальнего Востока, Урала, Крайнего Севера. Я думаю, что этот интерес обусловлен тем, что современная ударная стройка как бы синтезирует все важнейшие экономические, социальные, нравственные проблемы, характерные для нашего времени. Именно здесь, в самой гуще жизни, в борьбе страстей, в суровых условиях напряженного труда, ударных темпов, сжатых сроков, закаляется сталь комсомольских характеров, выверяется гражданская позиция молодого человека, нравственная суть его поступков и устремлений.

Ударная стройка — это, на мой взгляд, прекрасная творческая площадка для писательского поиска, жизненных обобщений, художнических открытий. Здесь более зримо проявляются приметы новых, коммунистических отношений, резче и контрастнее обнажаются современные производственные конфликты, так или иначе влияющие на становление личности молодого человека в условиях большой ударной стройки. И мне кажется, что главное достоинство сборника «Доверие» состоит как раз в том, что он несет на себе непосредственную печать времени, является живым писательским откликом на насущные проблемы дня, позволяет ощутить масштабы гигантских усилий народа, занятого созидательным трудом на необъятных просторах нашей социалистической Родины.

И еще одна мысль, рожденная знакомством с этой книгой. Как известно, крылья крепнут в полете. Для молодого литератора, вступающего на путь творческих поисков и открытий, нет ничего благотворнее, чем участие в общественно-политической жизни страны, ощущение непосредственной причастности к важнейшим свершениям партии и народа. Сборник «Доверие» еще раз подтверждает, что молодые писатели Страны Советов достойно принимают эстафету старшего поколения, полны решимости внести весомый вклад в осуществление планов, намеченных партией.

ДОВЕРИЕ

«Молодая гвардия»

рес к темам важного гражданского звучания, одинаковое желание сказать свое слово о нашем молодом современнике, стремление стать полезным народу, Родине.

Сразу после завершения слета, на котором состоялся взволнованный разговор об ответственности молодого художника перед обществом, о непосредственном его участии в важнейших делах партии и народа, совместно с издательством «Молодая гвар-

дминистрация» способствует гражданскому нравственному становлению молодого поколения. Занятия эта и в тех высоких и сложных задачах, решение которых партия доверяет молодым. Материалы сборника «Доверие» наглядно подтверждают, каким могучим стимулом творчества, источником неиссякаемой энергии является для советской молодежи доверие партии, поручающей молодым ответственной работу на самых решающих участках коммунисти-

ГАРМОНИЯ ЧУВСТВ В ЭПОХУ НТР, НРАВСТВЕННОСТЬ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА, ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ ИСКУССТВА И ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА — ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ.

Даниил ГРАНИН,
лауреат Государственной
премии СССР

те, — рассказывает писатель, — мои друзья и сослуживцы стали его героями. Восстанавливая и обновляя энергохозяйство города, мы создавали и новые приборы. Историю создания одного из них, страсти, разгоравшиеся вокруг него, я и хотел показать. Но, конечно, меня в первую очередь занимали люди, те, кто был занят созданием прибора. Начав писать, я стал по-иному видеть наши поступки, внимательней присматриваться к людям. Казалось, что лишь записываешь происходящее, на самом же деле были и отбор материала и изменение его.

— Тогда я, как и мой герой, бился над созданием нового элемента защиты электросетей. Сегодня это скромное

Ленинграде, Москве, Киеве, Новосибирске... Предмет пристального внимания писателя — человек в эпоху научно-технического прогресса.

— Кто-то шутя дал такое определение нашему времени, — улыбается Даниил Александрович, — ракета, запряженная в телегу. Что и говорить, образ запоминающийся. Действительно, рядом с ЭВМ у нас можно встретить человека, работающего зубилом, а то и ломом. Но наш современник — это уже далеко не тот человек, что был, скажем, сто лет назад, даже тридцать лет. И писатель имеет все основания рассчитывать на более активное соучастие читателя, на понимание ассоци-

когда у него нет ни переживаний, ни мечтаний, когда в нем минимум индивидуальности. В общем и целом именно такой работник для капиталистического предприятия самый выгодный. Именно капиталистического, потому что при всех сложностях, какие несет с собой НТР, в социалистическом обществе она остается не целью, а средством. Средством развития личности, реализации личности — гармонической, социально активной, стремящейся раскрыть себя.

Впрочем, на этой встрече я не стал скрывать, что наряду с грандиозными успехами техники и у нас встречаются хозяйственники, понимающие НТР как конечную цель наших усилий. В

ДВА КРЫ ПОДНИ

«Я глубоко убежден, что именно научно-технический прогресс придает новый, еще никогда не бывший смысл существованию художника в нашем мире. Художника-борца, художника, обличающего зло, ищущего идеал и защищающего те ценности, которые составляют радость короткой человеческой жизни». Эти слова Даниила ГРАНИНА — ключ к пониманию им гражданской позиции и социального места литератора в современном мире.

Начало каждой книги следует искать в жизненном опыте писателя, в его биографии, в богатстве накопленных впечатлений и переживаний. Школа, институт, Кировский завод — это первые строчки биографии Даниила Гранина.

Потом война, фронт. Он — комсорг батальона, командир роты тяжелых танков, некоторое время командует полком — в двадцать два года!

В литературу Даниил Гранин пришел тридцать лет назад. Пришел со своей темой — темой научного поиска. И это неудивительно. Отозванный как специалист в родной Ленинград уже из Восточной Пруссии, он восстанавливает разрушенное энергетическое хозяйство города. Затем аспирантура, работа над диссертацией... И проба пера.

«Он превосходно знал, этот инженер-электрик, среду, о которой решил писать. И как ясно, с каким благородством разрешалась трудная производственная проблема, перед которой рассказчик поставил своего героя. Рассказ был написан современником в лучшем и единственном для нас смысле этого слова!»

Так было воспринято в журнале «Звезда» первое произведение Даниила Гранина. Воспоминание это Всеволода Воеводина, работавшего тогда в журнале, точно доносит до нас ту уверенность, с которой входил Гранин в литературу. Впрочем, известность пришла позже, с публикацией романа «Искатели».

— «Искатели» я писал, работая в «Ленэнерго», потом в институ-

мое достижение в технике давно перекрыто новыми исследованиями, но мне оно все же очень дорого, и то мое состояние запомнилось на всю жизнь. Почему? Да потому, что в то время я чувствовал себя чуть ли не Ньютоном, я был Творцом, впервые создавшим то, что никто еще не делал.

Счастье творчества... Думаю, что чувство это многолико: творец не только сам художник (писатель, художник, ученый или конструктор), но и тот, кто прикасается к созданному произведению, постигает его смысл и красоту.

В чем она, цельность творчества Д. Гранина, если он пишет о молодых физиках и зрелых инженерах, о военных испытаниях, выпавших на долю его поколения, о времени великого Пушкина и Парижской коммуне? В верности теме человеческого мужества, стойкости, талантности, правдивости. В верности своему времени и своему поколению, выдержавшему все тяготы и притеснения через них нормы нравственной чистоты и коммунистической убежденности.

У этих книг нет счастливых концов. Но их герои — люди, безусловно, счастливые. Они борются с косностью, бездарностью, рутинной и, проходя через глубокие переживания, неудачи, утверждают в борьбе свое право на жизнь, на творчество, на гражданскую зрелость.

Каждый, кто побывает у Даниила Александровича дома, обязательно обратит внимание, что на книжных полках стоят ряды научных трудов, томов по истории науки, научно-популярная литература. У него, как и прежде, много друзей и знакомых в научном мире: в

акации неожиданных и далеких. Литература все шире пользуется кобальтовым способом изображения — через подтекст, отстраненность, внешне безразличный диалог, моделирование жизни, мира. Тут много сходного с современным методом научного исследования.

Сама система художественного мышления изменилась под воздействием развивающегося естествознания. Успехи науки привели кое-кого к старой теории о засилье рационализма, об угрозе искусству со стороны науки, которая якобы мешает полно чувствовать природу. В западной литературе, как правило, действует герой, все отрицающий, не имеющий положительной программы. Мы сегодня говорим о нравственности, на Западе писатель говорит о безнравственности. «У кого что болит...» Но герой западной литературы становится антигероем, вместо жизни с людьми и для людей показывается лишь «черный ящик» замкнутого существования.

— Даниил Александрович, вы много ездите, бываете за рубежом, часто участвуете во встречах с писателями разных стран. Например, встреча с американскими писателями в Батуми год назад была посвящена теме «Писатель и социальный и научно-технический прогресс». Как на этой встрече ставился вопрос о человеке в среде автоматизированного производства?

— Мне пришлось выступать на этой встрече. Я отмечал, что по ходу НТР человек становится функционален. И производству это удобно, для него лучший человек — машина. Он хорош,

азарте строительства, выполнения плана они теряют из виду, во имя чего это делается. Им кажется, что цель их жизни — построить эту станцию, эту дорогу, что это цель жизни всех работников, и ради этого можно приносить любые жертвы.

Функциональность обедняет и перекашивает человека. Роль литературы в этих условиях не уменьшается, а возрастает. Она отстаивает цельность личности и пытается сохранить внутренний мир человека. Она защищает среду обитания души, в какой-то мере препятствует вымыванию чувств в этой жизни, где все меньше таинственного, где все запрограммировано. Вот почему сегодня мы так горячо воспринимаем книги, где главное — нравственные проблемы, где велико внимание к духовной жизни человека.

Из всех видов искусств литература и музыка по-прежнему требуют наибольшей активности человека, активности фантазии, воображения, мысли. Они и наиболее интимны. Потребность в этой интимности заложена в сердце человека, и я верю, что эта потребность восторжествует.

Наука и искусство ныне имеют куда больше точек соприкосновения, чем раньше. Человек вообще стал образованнее, он мыслит и более научно и более логично. Он работает с Машиной, и для этого ему требуется и соответствующее образование и квалификация, но он и читает больше, растет и его «художественная» квалификация. В свою очередь, более научно мыслит и художник.

Значит, не следует разделять непреодолимой перегородкой рациональное

и эмоциональное. Знания не убивают эмоции.

Вот мы говорим о космическом мышлении современника, который сфотографировал обратную сторону Луны, побывал на ее поверхности, принес землянам образцы лунного грунта. А раньше Луна была пределом лирических посягательств влюбленных, мечтателей и романтиков. Раньше говорили как о всеобщем — «небо», теперь заглянули в глубины космоса. И что же, красоты стало меньше? А не больше ли? Сужается ли мир чувств? Вряд ли. Возьмите хотя бы телепередачи с первенства мира по футболу, репортажи с Олимпиады — сотни миллионов людей одновременно переживают события, происходящие в одной из точек земного шара. Это новое чувство я бы назвал чувством всемирности. Раньше оно было знакомо разве что ученым — географам и астрономам.

— Стал ли человек лучше (позволим себе такое «общее» определение), эмоционально тоньше?

— Лучше? Не знаю, не берусь судить. В отдельных вещах — безусловно. А так — и да и нет. Есть и потери. Утрачивается контактность, отзывчивость. Человек, с одной стороны, порой не знает, куда девать время, отсюда — разбросанность. А с другой — время душит: его и много и мало, мы все торопимся куда-то. Вопрос непростой,

ла института химической физики, например, и работу его научного сотрудника, не упрощая и вместе с тем не превращая повествование в научную популяризацию. А не объяснишь — непонятно: чего добиваются герои, из-за чего переживают? Читателю хочется стать полноправным участником споров, дискуссий, научной борьбы. Иногда встречаешь облегченные решения: герой шеголяет словами, взятыми напрокат из учебника физики, упоминает имена корифеев науки, а во всем остальном видно, что никакой это не ученый, измените терминологию — и он станет журналистом, боксером, кем угодно.

Сегодня научное творчество приобретает все в большей степени коллективный характер. На науку выделяют огромные средства, планируется развитие науки по отраслям, и даже эксперимент, задачи дифференцируются не только перед отдельными учеными или группами, есть темы, с которыми не справятся ни отдельные лаборатории, ни отдельные институты.

Нужно все больше прилагать усилий и чтобы постигнуть место своей темы среди работ коллег. Видится только часть, и на симпозиумах порой не понимают докладов по своей специальности.

Я же не могу писать о многотысячном коллективе, могу лишь о человеке в нем. Как развивается его талант, способности, не глушатся ли, может ли человек себя полностью проявить? Гетевский Фауст работал один. А меня интересует одиночка Иван Иванович, работающий среди людей, в коллективе НИИ, но самостоятельный... Потому что — глубоко убежден! — по-прежнему велика роль личности, говорящей в науке «А». Роль личности не убывает.

вая, отмечая огромную нужду в ней и гражданскую доблесть тех, кто честно, добросовестно вершит свой труд. По моему пониманию, он заслуживает не меньшего почета, чем подвиг новатора. Но о последних говорится много, в то время как героизм повседневности, привычного исследуется пока еще мало.

В практической деятельности ученого тоже немалую часть занимают чисто технические элементы: подбор материалов, измерения, вычисления... Но есть и праздники, и они не так уж редки. А кроме того, научный поиск всегда сопряжен с нравственным выбором. И нравственный опыт ученого не менее важен, чем его открытия. Моральные качества великих ученых имеют не меньшее значение для поколений, чем их чисто интеллектуальные достижения. Нравственное величие Эйнштейна, Резерфорда, Бора, Жолио-Кюри, Ломоносова, Циолковского, Н. Вавилова, Курчатова, Королева имеет самостоятельную ценность, создавая критерии служения науке, людям.

— Вам принадлежит несколько произведений, написанных на документальном материале: «Блокадная книга» и «Клавдия Вилор», повести о русском физике Петрове, французском ученом Араго, замечательном ученом и удивительном человеке профессоре Любимцеве. Все они написаны в последнее время, отмеченное значительным интересом к документальной литературе, ее заметными успехами. Что вы чувствуете как художник, работая над документальным материалом?

— Чувствую удивление перед сложностью жизни человеческой. Всякий раз себе говоришь — такого не придум-

сти — все это литература делала и делает. Но все так же ощущается нужда в позитивных идеях. Не хватает книг о благородстве, о красоте человека, о высоких жизненных его идеалах. Несмотря на отрезвляющую силу литературы «дегероизации», потребность в любимом герое-идеале не изжитая, она растет.

Мне как-то приходилось говорить об издержках нашей прозы: посмотрите, по какой простой схеме перевоспитываются отрицательные герои наших книг, в то же время на страницах совсем не встречается положительный образ человека, который бы по ходу действия «портился». А ведь в жизни так бывает: человек выбирает не стойкость, не правду, а малодушие, ложь. Он струсил, он озлобился. Что произошло с ним, как он сломался, переродился? Понять это важно и поучительно.

— Очевидно, здесь мы касаемся темы человеческого счастья, призвания?

— Расцвет личности — это прежде всего возможность найти себя, выявить свое призвание. Помочь в этом деле людям — трудная и благородная проблема коммунистического устройства жизни.

Впервые в истории человечества индивидуально переживаемая радость познания, радость созидания нового так полно соединилась с удовлетворением общественных нужд. Творческим трудом советский человек активно помогает людям, выявляя при этом лучшее, что есть в нем самом.

Творить можно в разных областях: воспитывая детей, конструируя фразу, играя в самодеятельности. Творчество в любых областях жизни увлекательно и прекрасно.

МАЮЩИЕ ВВЫСЬ

потому что мы стали другими. А что прибавилось, так это прежде всего ответственность. Ответственность перед товарищами, коллективом, обществом, страной.

Сколько сегодня у человека знакомых, не сравнить с прошлыми временами! Вряд ли кто-то много времени проводит наедине с собой, да и сможет ли?

А у Чехова издано двенадцать томов писем! У современного же писателя, даже плодovitого, и одного наверняка не наберется. Эпистолярный жанр уходит из литературы, исчезает. Мы встречаемся со знакомыми, много говорим по телефону, пишем поздравительные открытки, но это уже совсем иного характера общение.

Но мораль, нравственность стоит на тех же китах. Это вечные вещи. Иначе не было бы классического искусства. И литература, как раньше, так и теперь, занимается нравственными проблемами, исследуя любовь, несправедливость, подвиг, ложь, правду, красоту труда...

— Даниил Александрович, характер деятельности современного ученого сильно изменился, очевидно, он и в литературе отражается по-иному? Какие при этом приходится решать проблемы современному писателю?

— Достижения науки увеличивают и писательский интерес к ней. Но освоение этой темы сопряжено с немалыми трудностями: жизнь ученого — материал неподатливый. Попробуйте живо, доходчиво нарисовать де-

И коллектив — это собрание личностей.

Как и раньше, есть лидер, прокладывающий путь. Не может быть теоремы НИИ № 1, а есть закон Ома и теорема Пифагора.

— Дискуссию о физиках и лириках мы вспоминаем теперь с улыбкой. Но все же, Даниил Александрович, наука остается наукой, а внутри науки талантливы человек может создать атомный реактор, а может и атомную бомбу. Так показывает история. Так же, должно быть, и в литературе?

— Нет истинно художественных произведений, убивающих добро, коверкающих человеческую душу. Гений и талант устроены так, что направлены на благо человеку. «Гений и злодейство несовместны». Фашизм не создал и не создаст великих произведений, потому что он безнравствен. Есть подделки, спекуляции — это уже другое.

Я все же не делю людей на физиков и лириков. Меня волнует как писателя проблема творческого отношения к труду. НТР дает большие возможности для творчества. В то же время в массовом производстве много процессов, требующих труда однообразного, монотонного, ведущего к физической и, возможно, нравственной усталости. Хотя бы на конвейерном потоке. В чем здесь престиж, в чем удовлетворение? Наверное, должна существовать романтика и такой непривлекательной с виду деятельности, и долг писателя увидеть и показать ее. Не приукраши-

маешь! В эту подлинность необходимо окунаться. Поразительные события, сложные противоречия и чувства заключены в биографиях современников.

Если говорить о социальной роли литературы, о ее вмешательстве в жизнь, то ресурсы документалистики далеко не исчерпаны. В достоверных судьбах конкретных людей, в трудовых, судебных, любовных историях, которые разглагольствуют вокруг нас, есть возможность исследовать, понять невидимую трагичность, и боль, и красоту братьев по времени.

— Даниил Александрович, литература всегда пристально всматривалась в черты современника. Как, по-вашему, можно обозначить проблемы героя нашей сегодняшней прозы?

— Мне трудно принять «литературу умиления», когда автор как бы говорит: ах, посмотрите, какой человек, он требует любви и сочувствия, он хороший человек, а мы этого не замечаем. Здесь нет призыва к активным действиям: такая литература вызывает чувство жалости, тоски. Я за литературу, которая может вызвать чувство радости, гнева, протеста.

Правомерна любая причина, которая побуждает писателя к работе: и желание помочь крестьянину, и ненависть к расизму, и борьба с пьянством, и интерес к новым открытиям. Все оправдано, все достигает цели, если это литература, которая остается и перестает поколебаться.

Разоблачение ханжества, пустоты жизни, социальной несправедливо-

Нельзя обходиться без новой техники, новой технологии. Но тем более в этой автоматизированной, логичной жизни человеку необходимо искусство.

Научно-технический прогресс и искусство, его нравственное содержание — два крыла для человека. В их соединении, во взмахе обоих крыльев — равновесие, гармония человеческой души.

Когда-то в юности Даниил Гранин определил свой путь в жизни мечтой о работе инженера и ученого, зачитываясь биографиями великих исследователей. Позже он напишет о том времени: «Писатель казался мне человеком необычным, удивительным не только своей способностью создавать образы живых, осязаемых людей, но и своим могуществом: он все может, значит, за все в ответе, он проникает в души людей и выражает душу времени... те, кто пишет о моих сверстниках, о том, что творится вокруг нас, — вот с таким писателем мечталось встретиться. Такие люди, казалось нам, владели тайнами грядущего».

Что ж, эта встреча Гранина — солдата и инженера с Граниным-писателем состоялась. Встреча счастливая хотя бы потому, что его книги давно полюбили современники.

Два крыла — НТР и ИСКУССТВО — поднимут человека на новые высоты. В это страстно верит и несет свою веру современнику писатель Даниил Гранин.

Записал
Николай ГОРБАЧЕВ.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА В ОЦЕНКЕ МОЛОДЫХ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЕЙ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. КОНФЕРЕНЦИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ УРЕНГОЙСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ ЖУРНАЛА «СМЕНА».

Новому Уренгою от него предстоит двигаться по суше. Определите западное направление с небольшим отклонением к северу, отсчитайте в этом направлении около ста километров и остановите свой карандаш чуть южнее Полярного круга. Вот теперь приехали...

Аварии всегда случаются неожиданно. Но для этой даже специально нельзя было бы придумать более неподходящее время.

...Вообще-то температуре, как, впрочем, и самой погоде, на севере больше внимания уделяют приезжие. В Уренгое редко за каким окном увидишь

Генрих ГУРКОВ,
Валерий ЕВСЕЕВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные корреспонденты
«Смены»

Зимой, когда наступает долгая полярная ночь, луна здесь светит и в полдень. А летом круглые сутки перекатывается по небосклону, не заходя за горизонт, оранжевый апельсин солнца, высвечивающий ажурные силуэты лиственниц, отражающийся на кристально чистой поверхности бесчисленных озер и речушек... Фантастическая в своей неповторимости картина. Какие бы слова нашел для ее описания поэт, так влюбленный в петербургские белые ночи, где «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса»! Ни минуты для ночи не остается летом в одном из самых молодых городов нашей страны — Новом Уренгое.

Возьмите географическую карту. Найдите Карское море, его Обскую, а затем Тазовскую губу, впадающую в нее реку Пур. Поднимитесь по ней, пересекая Северный Полярный круг, километров на двести и остановитесь у маленькой точки с надписью Уренгой. Но это еще не конечная цель. Это старый поселок геологов и изыскателей. К

РАЗМЫШЛЕНИЯ
ПО ПОВОДУ ОДНОЙ
НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНОЙ
ЧИТАТЕЛЬСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

КНИГА В РУКАХ СИБИРЯКА

такой привычный в больших городах градусник. Здесь свои критерии оценки погоды. Местный житель просто выглянет в окно: если ветер срысывает дым из трубы, значит, девять метров в секунду. Это плохо — самолеты могут не прилететь.

Весной прошлого года одному из авторов этих заметок довелось быть в Уренгойском аэропорту на встрече первой группы Всесоюзного ударного комсомольского отряда «Молодогвардеец». Три десятка человек, в основном девушки — будущие отделочницы, с радостными возгласами, криками «ура» быстро высыпали из развернутого чрева грузового АНА на землю. И тут же сильные порывы ветра чуть не вырвали из их рук заранее приготовленные плакаты со словами «Даешь!» и «Мы не подведем!». Плакаты девушки в ярких курточках и беретиках, конечно, удержали. Но, хотя и прилетели они не с жаркого юга, а из сибирского Кургана, удивленно озирались вокруг: видно, не рассчитывали в конце апреля еще раз встретиться с зимой. Старожилы покровительственным тоном разясняли им: «Разве это мороз — пятнадцать градусов? У нас и зима-то нынешняя мягкая была. Когда до тридцати, это не холодно. Вот когда за пятьдесят да с ветром!»

Первая настоящая зима для этих девушек наступила, прошлой осенью. Впрочем, о том, что это

осень, напоминал лишь календарь. В Уренгое давно уже лежал снег. Был конец ноября, и пассажирам, прилетающим в Уренгой, стюардессы теплым аэрофлотовским голосом сообщали, что за дверями самолета их ждет мороз за сорок. К тому же ветер. А, как говорят бывалые люди, ниже сорока каждый метр в секунду надо считать за два дополнительных градуса мороза. Может, и не вполне научна такая арифметика, но лично нам, выходя на уренгойские улицы, даже в голову не пришло бы усомниться в ней.

В ту ночь, как мы узнали потом из официальных документов, было минус сорок восемь и ветер был семь метров в секунду. Ветер, находящий любую щелочку, чтобы обжечь лицо, чтобы выдуть из комнаты такое драгоценное в эту погоду тепло.

А утром в Новом Уренгое должна была открыться городская партийная конференция. Вторая в истории молодого города. Единственным помещением, способным принять всех делегатов, оказался большой зал нового спорткомплекса. Всю ночь авиационные машины подогрева, просунув рукава толстенных шлангов под занавешенную одеялом дверь, гнали в спортзал теплый воздух. Задача была простая, но в своей простоте почти нереальная — нагреть в помещении воздух хотя бы до той

температуры, чтобы делегаты смогли работать без тулупов и полушубков. И не потому, что избранные на конференцию люди были такими уж неженками. Напротив, среди делегатов — бурейщики и строители, геологи и шоферы, словом, люди, и при более сильных морозах не уходящие со своих рабочих мест на открытом, так сказать, воздухе. Конференция — тоже работа, но еще и праздник. Праздник подведения итогов, праздник, намечающий новые рубежи. И чтобы праздник получился праздничным, всю ночь гнали в самое большое помещение города теплый воздух — лучший подарок, когда на улице за сорок.

Аварии всегда случаются неожиданно. Но для этой, повторим, даже специально нельзя было придумать более неподходящее время. И не только потому, что в те дни приехали в Уренгой многочисленные гости, хотя каждому понятно, что неприятность, случившаяся в доме при посторонних, неприятность вдвойне. И не только потому, что она грозила омрачить праздники, а, кроме конференции, Уренгой готовился торжественно отметить 50-летие Ямало-Ненецкого автономного округа. И даже не потому, что в конце года на любом производстве и запланированных-то проблем более чем достаточно. Главное было в том, что в эти пусть не

ПРИМЕТЫ НОВОГО УРЕНГОЯ... ВНОВЬ И ВНОВЬ ПРИЛЕТАЯ СЮДА, ВГЛЯДЫВАЕМСЯ В НИХ. БУРОВЫЕ, ВЗМЕТНУВШИЕСЯ В НЕБО НАД БЕСКРАЙНИМ ОКЕАНОМ ТУНДРЫ. ТРУДНОЕ РОЖДЕНИЕ ГОРОДА — ТАМ, ГДЕ ПРЕЖДЕ ЛИШЬ ИНОГДА ПРОХОДИЛИ КОЧЕВЫЕ МАРШРУТЫ ОЛЕНЕВОДОВ. НЕПРИНУЖДЕННЫЙ, НЕКРИКЛИВЫЙ ГЕРОИЗМ БУДНЕЙ. СПОКОЙНОЕ ДОСТОИНСТВО ЛЮДЕЙ В ДЕЛАХ И РАЗГОВОРАХ. И — ПО-ОСОВОМУ ВНИМАТЕЛЬНЫЙ, ПРИСТАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС К КНИГЕ, КОТОРАЯ ЗАМЕНЯЕТ ЗДЕСЬ ПОКА НЕСУЩЕСТВУЮЩИЕ ТЕАТРЫ, ДВОРЦЫ КУЛЬТУРЫ, МУЗЕИ. НА ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, В ДОМАХ, ГДЕ МЫ ПОБЫВАЛИ, ВСЮДУ ПРЕДЕЛЬНО ОТЧЕТЛИВО ОЩУЩАЛОСЬ: КНИГА ЖИВЕТ ЗДЕСЬ. КНИГА РАБОТАЕТ. КНИГА — ТОВАРИЩ, СОВЕТЧИК, ДРУГ. КНИГА ХОДИТ ЗДЕСЬ В РАБОЧЕЙ СПЕЛКЕ.

самые «рекордные», но достаточно ранние морозы авария ударила по самому больному месту — по теплу.

Вышла из строя котельная, подающая живительное тепло в батареи домов. Вышла на короткое время, но этого хватило, чтобы северный мороз намертво сковал остывшую в отопительной системе воду, а сквав, шутя разорвал чугунные батареи. Можно специальными машинами отогреть одно, пусть и очень большое помещение, но что делать с сотнями остывших квартир, сразу же ощутившими на себе ледяное дыхание Арктики? Тут же в электрическую сеть подключились тысячи самых разнообразных — у кого что было — электронагревательных приборов. На все это энергии не хватило. Погасли окна в домах.

По темным коридорам горкома партии люди шли, ориентируясь, как на маяк, лишь на горящую в стеклянной банке свечу на полу. Но все находили нужные двери. И в каждой комнате при тех же свечах сидели нужные люди и спокойно делали нужное дело. Сейчас очень хочется подчеркнуть именно это слово — спокойно.

Можно многое рассказать о круглосуточной работе моментально созданного штаба по ликвидации аварии. Можно подробно описать поистине героические усилия людей, которые в тяжелейших условиях провели восстановительные работы. Но... как ни неожиданны всегда любые аварии, большей частью почва для них создается самими же людьми, действия которых в предаварийный период полярно противоположны понятиям «героизм» и «самоот-

верженность». Не наша задача и не наше право — делать выводы из этого урока. Думается, это квалифицированное и точнее сделают сами уренгойцы. И сделают так же быстро, как быстро сумели они ликвидировать все последствия аварии в котельной.

Мы же хотим сейчас вернуться к подчеркнутому выше слову, к слову «спокойно». Да, именно так, спокойно, продолжали жить и работать в этих если и не чрезвычайных, то очень неприятных условиях уренгойцы.

Спокойно, без лишних эмоций и не дожидаясь никаких указаний, обладатели теплого жилья потеснились и приютили у себя тех, чьи квартиры были «разморожены». Спокойно и по-деловому продолжали работать практически все службы города. Ни на минуту не сдвинув заранее составленного графика, состоялись все городские мероприятия. Спокойно и уверенно звенели под сводами спортзала голоса пионеров, пришедших приветствовать участников торжественного заседания, посвященного 50-летию Ямало-Ненецкого автономного округа:

*Вы на карту посмотрите
И Ямал на ней найдите.
Потому что здесь наш дом,
Мы на Севере живем.*

Это спокойствие — выражение уверенности и обстоятельности северян, качества, которые неожиданная ситуация лишь помогла нам разглядеть лучше.

Если и были в те дни в Уренгое растерявшиеся люди, так это, признаемся честно, авторы этих строк. Но не известная дискомфортность привела нас в это состояние, а показавшееся совершенно нереальным редакционное задание, с которым летели сюда.

Какая там читательская конференция! — думали мы. До разговоров ли о литературе людям в этой обстановке!

— Что значит, не до литературы? — удивился первый секретарь горкома партии Евгений Федорович Козлов. — Вы разве где-то увидели паникующих уренгойцев? А ежели бы такие и были, то их-то в первую очередь на конференцию нужно было бы и звать. Да вы только несколько минут у крыльца библиотеки постоит — сами все поймете.

Мы постояли. На двери объявление, оповещающее, что из-за аварии библиотека не работает. Тем не менее снег на крыльце вытоптан, как на автобусной остановке. И при нас то и дело поднимались по ступенькам люди, очевидно, совсем не разделяющие мнения, что в каких-либо особых ситуациях можно забыть о книге.

И конференция состоялась. Состоялась в том же спортзале, самом в те дни теплом месте города. Но и до нее и после мы встречались со многими самыми разными людьми. Их мнения дополняют услышанное нами на встрече с любителями книги. И потому этот материал не просто отчет о читательской конференции, а своего рода мозаика, состоящая из мнений, вопросов, рассуждений и наблюдений, мозаика, тему которой сформулировать можно, пожалуй, так: книга на переднем крае.

Немного статистики... В настоящее время в библиотеке имени журнала «Смена» записаны 2857 взрослых читателей, 642 читателя, относящиеся к категории «юношество», 1087 читателей-детей (до 14 лет). Фонд библиотеки — 31000 книг.

Заведующую читальным залом Светлану Шевченко мы застали в промерзшем насквозь помещении библиотеки. Все столы и стелды, находившиеся в опасной близости от лопнувших радиаторов, были отодвинуты, все книги, оказавшиеся под угрозой затопления, перенесены, ни одна не пострадала.

Светлана посетовала, что не застали мы заведующую библиотекой Надежду Бендас: отправилась Надя отдыхать на Кубу, купаться в теплом Карибском море. И будет не раньше как через неделю. А у нее, у Нади, вся более детальная цифирь собрана. Впрочем, проблем нет: конечно, и Светлана дела библиотеки достаточно основательно знает. «Вы только не против, если я о том скажу, чего нам здесь не хватает?»

«Дорогие товарищи уренгойцы, я думаю, вы со мной согласитесь: не все книги у нас еще есть. Взять художественную литературу. Многие классические произведения и пользующиеся спросом книги современных писателей имеются в одном-двух экземплярах, очередь за ними беспросветная. Книги по краеведению, по истории Сибири, Севера мы вообще не держим на абонементе — все они в читальном зале, и все они на полках не стоят. Мало у нас литературы для студентов-заочников, а ведь сколько ребят учатся в техникумах, в институтах! Как было бы важно для нас, если бы ведущие вузы страны прислали свои учебные программы и пособия! Почти ничего не можем мы предложить из

научной фантастики. Очень мало произведений зарубежной классики — даже «Ромео и Джульетты» нет в нашей библиотеке. Большая Советская Энциклопедия у нас в старом издании — если бы удалось достать новое! Очень нужны словари Даля, Ожегова. Постоянно требуются брошюры с основными ленинскими работами: «Что делать?», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и другими. То число экземпляров, которым мы располагаем, явно недостаточно... Извините меня, товарищи из «Смены», за то, что я вам сразу столько наших забот и пожеланий высказала. Может быть, напечатаете об этом в журнале и поможете нам решить какие-то из вопросов».

Из выступления Светланы Шевченко на читательской конференции. Оно было поддержано дружными аплодисментами участников конференции.

Справка, полученная в горкоме комсомола... На 1 октября 1980 года в Новом Уренгое работало 6685 человек в возрасте до 30 лет. Из них 5583 человека имели среднее и среднее специальное образование, 448 — высшее и незаконченное высшее.

Когда мы попросили поднять руки тех участников читательской конференции, кто выписывает литературно-художественные журналы, то руки подняли все. Как нам подтвердили, подписка проводится в Новом Уренгое практически без ограничений.

«Вот только «толстый» журнал для нас оказывается недостаточно толстым», — сказала Валентина Богоудинова, инженер производственного объединения «Уренгойгаздобыча».

Да, читают здесь много. И потому, что уровень образованности жителей Нового Уренгоя высок: характер работы в районе освоения крупнейшего газового месторождения требует повышенной «уплотненности» кадров квалифицированными специалистами. И потому, что динамичный, уверенный в своих силах и своем будущем, постоянно связанный с учебной молодой народ определяет здесь духовную атмосферу — не каждому, к примеру, дают путевку во Всесоюзный ударный комсомольский отряд, а отрядовцы — заметная группа в среде уренгойцев. И, наконец, есть еще одна причина, по которой читают много: девать себя вечером в Уренгое пока еще некуда. Нестабильно, вопреки всем многократно звучавшим обещаниям и заверениям, работает телевидение. До сих пор не построен культурный центр — недостроенная кирпичная коробка его уже стала притчей во языцех для новоуренгойцев. Трудно попасть на киносеанс в клуб — единственный пока, и уже давно тесный для города. Так что книга для здешнего человека значит все же несколько больше, чем для горожан из более благоустроенных мест, в которых предлагают целый набор развлечений и занятий после работы.

И, наверное, справедливо будет, если вновь спросим мы наших читателей, тех, кто вместе с всем миром создавал библиотеку имени «Смены», подумав: нет ли у нас возможности помочь библиотеке лучше и полнее отвечать требованиям, которые к ней предъявляют условия и обстоятельства растущего молодого города, «города с комсомольским билетом», как сказал кто-то из наших уренгойских собеседников. Книга — везде книга. Но, право же, здесь ее ценность возрастает неизмеримо.

ИЗ СТАРОГО БЛОКНОТА

62-й километр второй очереди магистрального газопровода Уренгой — Челябинск... На большой площадке среди достаточно редких в этих местах кедров аккуратными рядами выстроились разноцветные жилые «бочки», на каждой из которых «фирменная» надпись — «Бригада Радионова». В «бочках» живут по шесть — восемь человек. У бригадира Александра Федоровича на двоих с начальником сварочно-монтажного участка Семёном Яковлевичем Токмаковым целый вагончик. Не потому, что начальство, а потому, что здесь и прорабская, и диспетчерская, и зал заседаний.

Пока Токмаков, энергичный, остроумный и молодой руководитель, отсутствует, сидим на его «половине» и осматриваемся. У стены обтёпанный диван, напротив — стол под клеенкой с цветками. На белых оконных занавесках тоже зеленые листочки. Вершина холостяцкого уюта. В торце вагончика кровать, над ней полочка с бумагами. На тумбочке радиодетали. Сама рация (металлический прямоугольник и телефонная трубка) подает голос со стены: «62-й, 62-й, ответьте...» Под потолком голая яркая лампочка. На столе электрический никелированный чайник. Рядом с тумбочкой, на табуретке, ведро с питьевой водой. Один стул. Вот и все. Впрочем, больше и поставить некуда. И все же чувствуем, чего-то не хватает. Еще раз осматриваемся: так и есть, ни одной книги. Когда возвращается хозяин, осторож-

но заводим разговор на эту тему. Он заразительно смеется, поглядывая на тумбочку:

— Все, что угодно, на виду оставить можно: деньги, любые вещи никто не возьмет, а книгу дочитать не успеешь, потом ищи по всем «бочкам». Просто голод на чтение настоящий.

ИЗ ВЗЯТЫХ НАУТАД ЧИТАТЕЛЬСКИХ ФОРМУЛЯРОВ БИБЛИОТЕКИ...

Надежда Васюк, штукатур-маляр СУ-35. Заполнены двенадцать страниц формуляра, каждая из которых в среднем «вмещает» 15 книг. В. И. Ленин, Ю. Бондарев, К. Тренев, И. Гончаров, Г. Николаева, П. Загребельный, Ю. Рытхэу, А. Коптяева, С. Сартанов...

Сергей Каргин, мастер УМ-8. Г. Марков, В. Солоухин, М. Лермонтов, А. Толстой, В. Белов, Ф. Шиллер, Н. Островский, книги по архитектуре...

Тамара Андреевна Свиначенко, работник дирекции по обустройству Уренгойского газоконденсатного месторождения:

— Однажды в отпуске услышала по телевидению выступление поэта Олжаса Сулейменова. Приехала домой, в Уренгой, — и сразу в библиотеку. Иду и думаю, найду ли здесь заинтересовавшую меня поэму. Мне предложили целый том Сулейменова. На книге была дарственная надпись уренгойцам от студентки из Казахстана. Большое ей спасибо. Большое спасибо всем, кто прислал в нашу библиотеку книги.

«Домашний адрес — трасса».

Из читательского формуляра Антонова Ивана Григорьевича, машиниста «Комацу».

По национальности Иван Григорьевич чуваш. Образование среднее. Об этом мы узнали, знакомясь с его формуляром. А полистав густо исписанные странички, получили представление о том, что человека интересует. Всего не перечислишь, но вот короткая выписка: «Очерки истории Сибири», «История городов Сибири», «Сибирь сегодня», книги академика Алексея Окладникова, Ювана Шесталова, Константина Лагунова...

Интерес к местам, где живешь и трудишься, — дело естественное и от географических широт и долгот в принципе не обязательно зависящее. Но есть все-таки определенная закономерность в том, с какой пристальностью и настойчивостью проявляется этот интерес в Новом Уренгое. Вдумайтесь: ведь еще десять лет тому назад здесь простирались безлюдная тундра. Постоянных жителей не было — лишь иногда через эти места проходили кочевые маршруты оленеводов. И вот появились люди, для которых суровый и щедрый край должен был стать домом. Надолго? Они сами не всегда могут ответить на этот вопрос. Пожимают плечами, улыбаются: «Посмотрим». Есть такие, кто шелкает на бухгалтерских счетах, прикидывая коэффициенты северной надбавки, суммируя «полярки» и усердно заполняя строки в сберегательной книжке. Не будем глаза закрывать, есть такие, для кого вышеупомянутая книжка важнее всех остальных. Но определяют ли они характер отношения людей сегодняшнего Севера к собственной жизни, к людям рядом с собой, к проблемам сложным и неоднозначным, с которыми сталкивается новосел Приполярья? Сколько раз ни бывали мы в этих местах, сколько бесед ни вели, каждый раз появлялись в блокнотах авторитетные суждения тех, кто прожил и проработал на Севере много лет. Вот такие, например: «Рвач здесь не уживется. Долго — не уживется. Он трудный, этот рубль сибирский. И если ничего человек, кроме рубля, не видит, уедет он». Это сказал нам Вячеслав Самарин, один из первопроходцев Нового Уренгоя, в прошлом бригадир монтажников, а сегодня председатель объединенного стройкома треста «Уренгойстройгаздобыча».

Время подтверждает: уезжают те, кто мерил здешнее свое пребывание лишь финансовой арифметикой. Остаются другие, чья жизненная философия этой нехитрой арифметикой не исчерпывается. И как определили, для скольких людей в достаточно неуютных еще сегодня здешних ситуациях умная и честная книга подсказала путь к решению: «Да, быть здесь. Быть здесь, потому что трудно, но интересно».

Читательские формуляры библиотеки имени «Смены»... Листаем их и думаем о той очень важной общности, какую нашли мы в записях о книгах, прочитанных электросварщиком Михаилом Васильевичем Моревым, учительницей Ниной Александровной Митиной, каменщиком Виктором Бояркиным, школьницей Людью Комаровой и многими, многими другими. Сибирь, Север — какие вы? Как

* Бульдозеры и трубоукладчики японского производства, используемые на крупных стройках Севера.

узнать вас лучше? Ведь здесь трудимся, здесь живем...

Надежда Продайвода, мастер СУ-49 треста «Уренгойтрубопроводстрой», член горкома комсомола:

— Не скрою, все мы с особым интересом ищем книги, журнальные и газетные очерки, в которых встречаются слова «Тюмень», «Уренгой». Но зачастую это написанное настолько поверхностно и одинаково, что, честное слово, становится стыдно за авторов, поочередно «открывающих Америку». Наверное, хватит уже писать о том, что на Севере зимой снег, а летом комары кусаются. Мы ждем глубокого анализа проблем, ждем интересного, талантливой рассказа о людях, которые здесь работают. Поговорите с нашими старожилами, первопроходцами — это же готовые сюжеты для повестей и романов. Не надо думать, что читатель на Севере «проглотит» все, что ему дадут, нет, он здесь не менее, а может, более взыскательный и требовательный, чем на Большой земле. Надо помнить, что для нас пока книги заменяют все — и театры, и музеи, и концерты.

ИЗ СТАРОГО БЛОКНОТА

Рыжеволосый и рыжебородый, весь в веснушках, шофер, несмотря на молодость, оказался неразговорчивым. Впрочем, его можно было понять: дорога не оставляла ни секунды на что-то постороннее. Наш КраЗ тяжело шел «по колено» в сплошном месиве из воды и грязи, то ныряя в невидимые ямы, то вдруг, подчинившись шоферской интуиции, словно бы осмелев, прибавлял скорость и окружал себя веером брызг, то снова, чуть ли не к нулю прижав стрелку спидометра, на ощупь искал уже не существующую колею. На двадцать километров пути ушло почти полтора часа.

И только бросив усталое «приехали», шофер позволил себе полюбопытствовать, кто мы такие. Узнав, что вез журналистов, весьма иронично усмехнулся:

— Опять трудовой энтузиазм расписывать будете... Чем пустые блокноты сюда везти, лучше бы книг хороших захватили, а то ведь за день наломался, а почитать ничего толкового нету.

Евгений Григорьевич Ананьев, писатель (Тюмень):

— Когда я впервые познакомился с ребятами из отряда имени XVIII съезда комсомола, а было это сразу же после их приезда в Уренгой, меня поразило такое открытие — у многих была тайная попытка что-то писать. Конечно, с точки зрения литературы это были не пишущие, а скорее мечтающие люди. Но так или иначе, а чуть ли не каждый второй пытался, если можно так сказать, выразить себя на бумаге. Сейчас, когда жизнь их вошла в русло, таких попыток стало значительно меньше. Тому можно найти немало объяснений — и возрастных, и трудовых, и бытовых. Но меня все же тревожит такая мысль: а не потеряли ли мы что-то, оставив те первые литературные попытки без внимания, без поддержки? Конечно, наивно было бы думать, что все бравшиеся за карандаш могли стать писателями — так не бывает... И все же...

На сегодняшней встрече много говорится о том, что нет пока книги о современной Сибири, за которой стояли бы в очереди, нет произведения, ставшего в литературе таким же событием, каким стала в нашей экономической и социальной жизни Тюмень. Это, к сожалению, действительно так. Но давайте вместе подумаем: кто же может быть потенциальным автором такого произведения? Скажем откровенно, маститый писатель в эти места на продолжительное время не поедет. Не потому, что он тяжел на подъем, и не потому, что его пугают какие-то бытовые трудности. Совсем нет. И многие большие писатели приезжали в ту же Тюмень и потом публиковали свои интересные очерки и наблюдения. Но для того, чтобы написать не очерк, а большую книгу, надо, чтобы эти места были твоей жизнью. А у известных писателей уже есть своя тема, и изменять ей настоящий художник вряд ли захочет. Вот и получается, что о молодом крае, естественно, должны написать и, конечно, напишут именно молодые. И, может быть, кто-то из них уже живет здесь, в Уренгое.

Именно поэтому мне кажется необходимым создать в Уренгое, при библиотеке имени журнала «Смена», литературное объединение. Не будем формулировать его цель слишком выпендрено — подготовка писателей, скажем проще — воспитание читателей. Но квалифицированная читательская среда может стать той почвой, на которой взрастут именно те побеги, которых мы все давно ждем.

Было время — кочевал по газетным и журнальным страницам, царил в «производственных» рома-

нах и повестях этакий архивусленный трудовым процессом герой, который время от времени то ли сокрушался, то ли кокетничал: книжку, мол, некогда в руки взять. Убеждены: не уважение, а в лучшем случае сожаление вызвал бы сегодня такой «герой» у современного рабочего современной большой стройки. Произнесет кто подобное, наверняка спросят: как же ты довел себя, человек, до такого дикого состояния?

...В гости к Евгению Пенкину, плотнику, одному из бойцов отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ, давнему нашему знакомому, мы пришли раньше хозяина. Появился он минут через пятнадцать, развел руками: извините, ребята, пришлось помочь товарищу, в комнате у него трубы порвало...

Живет Женя Пенкин в том же общежитии № 13, в котором в ночь на 1 мая 1978 года поселили отряд. Мы по общежитию походили, вспомнили, как было, посмотрели, как стало. Кое-что изменилось существенно. Главное, что бросилось в глаза, — появилось много семейных комнат. Больше ста свадеб отпраздновали в отряде. У семидесяти мальчишек и девчонок в метриках строчка: «Место рождения — Новый Уренгой».

Изменились комнаты общежития. Появились в них пеленки и ковры, стенки с бари и стереосистемы. И в каждой комнате, где побывали, книжные полки. Мы к ним пригляделись — нет, не «престижные» издания, с корешков которых ритуально сдувается пыль, чем общение с книгой для многих исчерпывается. Здесь — книги зачитанные, потрепанные, побывавшие в дороге. Книжки-друзья. Книжки в рабочей спецовке.

Станислав Бут, председатель Совета ДСО «Труд» треста «Уренгойгазстрой»:

— Больше всего я ценю книги оптимистические. Вот у нас сейчас в Уренгое экстремальная ситуация, и можно, конечно, расписать ее черными красками. Но можно взглянуть на ту же ситуацию с другой стороны: показать людей, которые продолжают работать, показать тех, кто борется за ликвидацию последствий нынешней аварии. Ведь мы все равно победим, мы все равно отсюда не уедем. И пусть об этом знают все. Пусть и какой-нибудь артист, отдыхающий в Сухуми, прочтает об этом и сам захочет приехать к нам...

Кому надо доказывать: многие прекрасные литературные произведения начинались с газетной корреспонденции или журнального очерка. Встречаясь с читателями и героями того, что написано или будет написано, литератор и журналист при всем различии поставленных творческих целей идут одной дорогой — пытаются разобраться в реалиях жизни, в сути происходящего. Ждет своего романа Уренгой. Но уже написаны многие и многие строки во всех жанрах журналистики, появились рассказы, повести. Были среди авторов подлинны первопроходцы — честь и хвала им. Были и такие, кого здесь называют острым словом «первопроходцы», такие, кто спекулировал на актуальной теме, на интересе, без преувеличения, всенародном к тому, что происходит в Великом Зауралье. Отселялось одно от другого, и быть иначе не могло. Но остается, как заноза, читательская обида: как же так, ведь приезжал человек, все ему показывали, рассказывали, о деле говорили, о трудностях, о радостях и бедах, о героизме и бесхозяйственности, о том, с чем воюем здесь и чего добиваемся. А появилось на свет что? Какой-то розовый кисель. Люди превратились в этикетки отштампованные пластмассовые стаканчики — одинаково живут, одинаково примитивно думают.

Юлия Николаевна Журавлева, заведующая гостиной «Русь»:

— В Уренгой сейчас приезжает много гостей, хотя слово «гости», может быть, и не совсем точное в данном случае. Люди в основном приезжают по делу — специалисты из множества организаций. Приезжают и «пишущая братия», как любят себя называть сами журналисты, литераторы. К ним у нас отношение особое — ведь каждому интересно потом прочитать, что же напишут они о местах, ставших нам близкими. Ритм жизни у этих людей, действительно, как в песне поется — «трое суток не спать, трое суток шагать». Мне даже порой их жалко становится: что же вы так мотаетесь, говорю им. «Некогда нам», — отвечают, — время поджимает». Век наш, конечно, стремительный, и время дорого всем и всюду. Но, с другой стороны, много ли поймешь и узнаешь за несколько суток? Вот и появляются потом наскоро слепленные очерки и репортажи. А нам хочется прочитать об этом крае то, что, может быть, мы и сами о нем не знаем. Хочется получить такую книгу о Севере, чтобы можно было с гордостью послать ее своим друзьям на Большую землю — вот, дескать, где мы работаем,

вот какие вокруг нас люди да дела. Но чтобы такую книгу написать, надо не трое суток помотаться, а неспеша, обстоятельно пожить здесь, осмотреться, во всем разобраться. Может быть, пожилым уже писателям тяжело это будет, а молодежи, как говорится, сам бог велел. Но ведь ни одного молодого писателя не встречали мы у себя в гостинице. А принять будем рады. Хотя и не пустует никогда наша «Русь», но для того, кто решится приехать сюда пожить, поработать, всегда место найдем. Так что ждем в гости не на три дня!

Александр Кукушкин, фотокорреспондент многотиражной газеты «Газ Уренгоя»:

— Не только литераторы, но и газетчики, приезжая на большие стройки, мечтают создать здесь нечто значительное. Некоторые «варятся» в этой гуще и год, и два, и больше, а выше банальных истин не поднимаются. Мне вообще кажется, что московские, — впрочем, дело не в том, что московские, — приезжие литераторы пишут о Тюмени лучше, интереснее, чем наши, местные. Может быть, важнее все-таки свежий взгляд?

«Ждем проблемных литературных и журналистских работ, анализа и осмысления, а не восторженно-равнодушного чистописания, легковесного, неправдивого и уже в силу этого просто оскорбительного», — так можно было бы суммировать большинство выступлений, прозвучавших на нашей читательской конференции.

И вот о чем думалось в те уренгойские дни... Трудно представить, что каких-нибудь полвека назад Западная Сибирь была заштатной провинцией.

«Неподалеку от моего селения Татарское, в котором я живу вот уже как три года, я начинаю замечать выход на поверхность земли маслянистой жидкости... Из увала-горы все время сочится вода, такая, как будто в нее налили горячее, сверху покрытая слоем фиолетового цвета», — так писал в Москву всего тридцать пять лет назад тракторист с Тюменщины Иван Выхов. В ответ он получил рекомендации, как самостоятельно проверить характер наблюдаемых им маслянистых пленок, поскольку «посылка геолога на место выхода пленок для проверки их качества сопряжена с большими расходами и рядом других трудностей».

Это было всего тридцать пять лет назад, за два года до установки первой буровой вышки на тюменской земле.

Практически вся история открытия и освоения запасов тюменских недр — это история недавнего времени. И тем не менее она мало известна даже тем, кто сегодня живет и трудится на этой земле. В этом с горечью признавались многие выступавшие на уренгойской конференции.

После выхода на экраны фильма «Сибиряда» посыпались вопросы: «Так ли это было на самом деле?» Действительно, в основу сценария легла подлинная история. История, начавшаяся с объявления выговора начальнику партии опорного бурения за самовольный перенос места заложения скважины и закончившаяся сенсацией, которой уже и не ждали, — мощным газовым фонтаном. Правда, телеграмма, извещающая об этом важнейшем открытии, была тревожной: «Срочно. Тюмень. Нефтегеология. Выброс при подъеме инструмента. Давление на устье 75 атмосфер. Срочно ждем самолет». Чуть позже в заключении специальной комиссии Миннефтепрома СССР будет названа одна из причин аварии: «Широко распространенное среди рабочих и ИТР представление, что Березовская скважина ничего не даст и окажется безрезультатной...»

Вот так в сентябре 1953 года благодаря случайности, в общем-то неизбежной, подготовленной пятилетними поисками тюменских геологов, были развеяны доводы скептиков.

Уренгойская глава в истории освоения Тюменщины начала писаться в шестидесятые годы. И она не лишена фабульных хитросплетений. Впрочем, не станем пересказывать ее. Не станем — в надежде, что на книжных полках читателей все же появится книга, которую так ждут в Сибири.

Да, документы истории открытия тюменских богатств читаются как остросюжетный роман. Сколько отражено в них споров, столкновений мнений, искры от которых могли вспалить не один газовый фонтан, сколько ошибок и неудач и сколько потрясающих воображение, на первый взгляд, может быть, случайных, открытий запечатлели они! И заключительные главы этой истории — совсем не «эпи энд», счастливый конец, но гимн поиску, гимн труду и гению человеческому. Да и не заключительные они, эти главы истории, а начало новой книги.

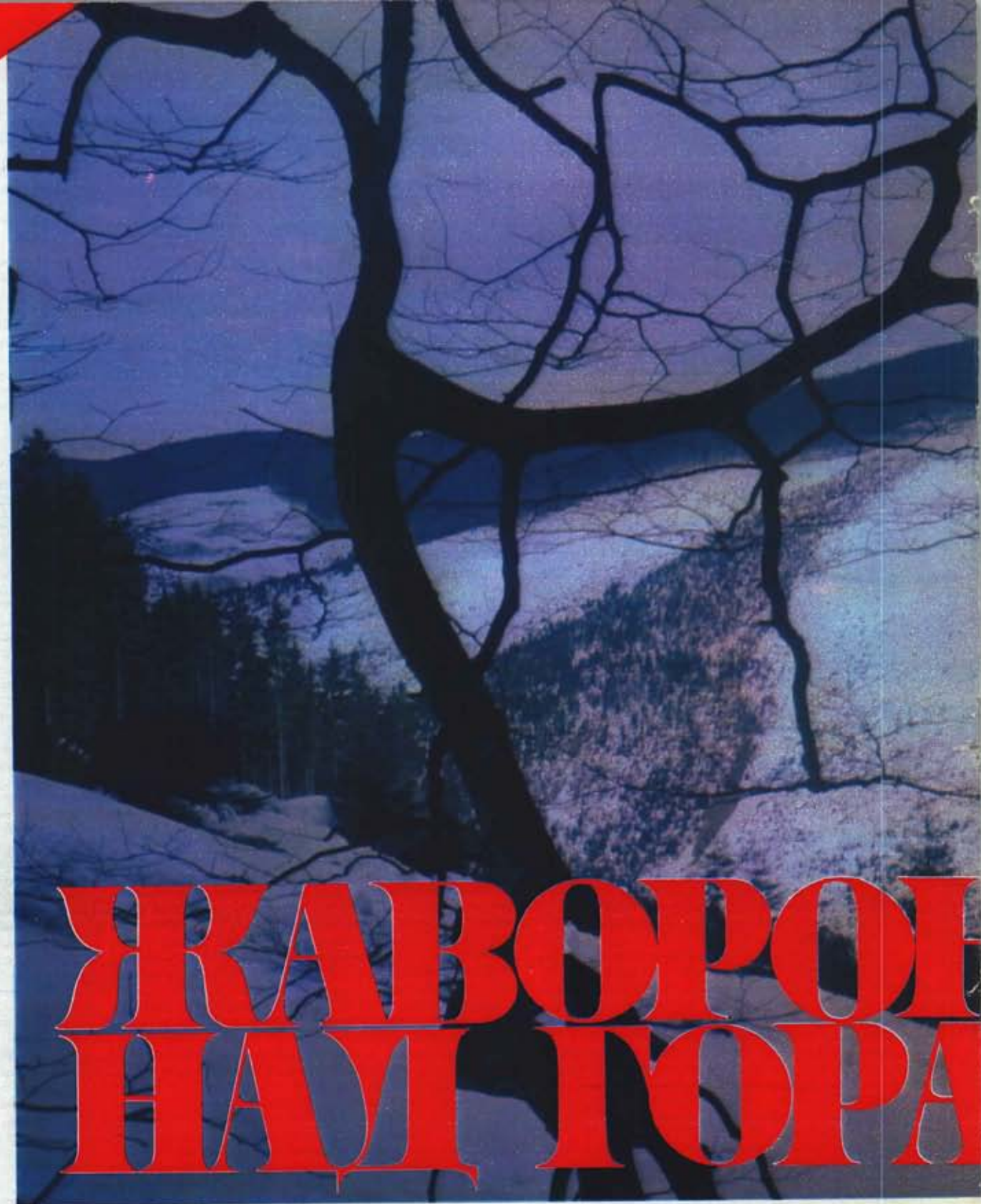
Книги о Сибири и о человеке.

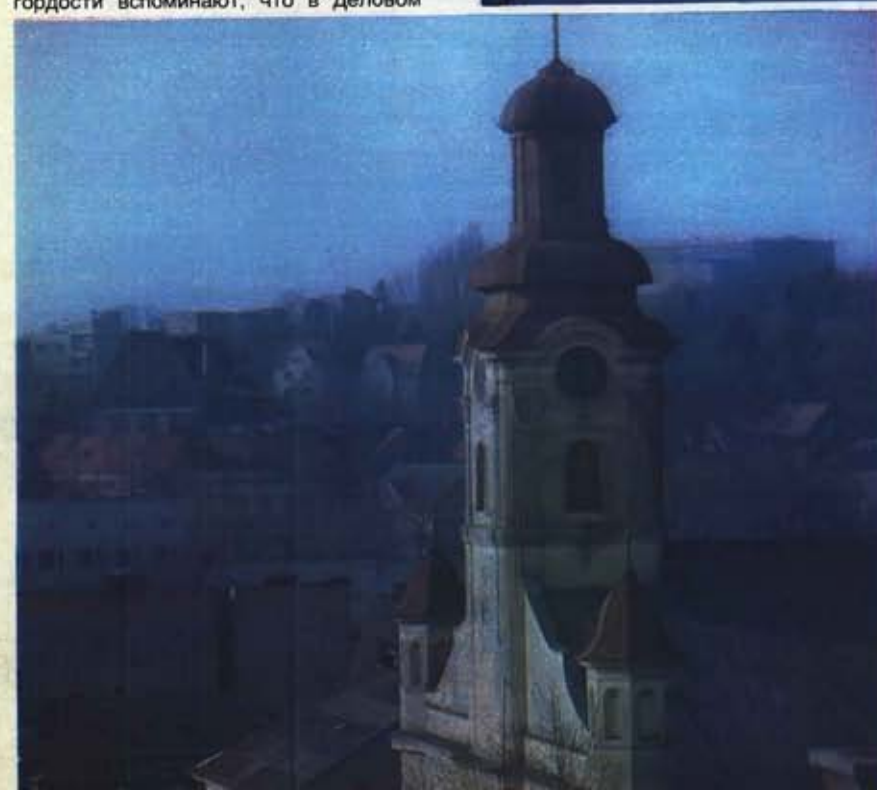
Степан ПУШИК,
лауреат премии
имени
Мирослава Ирчана

Есть в Закарпатской области небольшой горный городок Рахов. Если проехать от него вниз по реке Тиссе, берегом которой вьется шоссе, то около села Деловое увидишь небольшой четырехгранный обелиск, установленный здесь еще в 1887 году согласно специально произведенным измерениям. Это «Вечное место», иначе говоря, географический центр Европы.

Гуцульщина. Реки, горы, леса... В селе выращивают скот, в рыбном хозяйстве — форель, добывают мрамор, рубят лес, сейсмологи на станции слушают землю, туристам показывают старую церковь, в которой краеведческий музей, а потом ведут их дальше, к старым железорудным выработкам и не без гордости вспоминают, что в Деловом

ЖАВВРОН НАД ГОРА

ДРЕВНИЙ УЖГОРОД — ГОРОД-МУЗЕЙ.

часто бывали опришки — борцы за лучшую долю верховинцев, и в то время здесь действовал стекольный заводик. А ныне в селе много народных умельцев — резчиков, вышивальщиц. И еще на этой земле хорошо растут дети: в Деловом несколько матерей-героинь.

Эти же слова можно употребить для рассказа о любом другом прикарпатском селе. Вот, например, в поселке Перегинском около пятнадцати тысяч населения, и живет здесь семья Люклянов, где выросло десять парней — вместе с отцом футбольная команда, и не менее.

Микуличин, Тисов, Русов, Стецева... Обычные карпатские села. Но в Микуличине, например, когда-то работал украинский художник Корнило Устиянович. Трудно было прожить художнику во времена Австро-Венгрии, и он согласился расписать местную церковь. Талантливый был человек. Но... Когда пришлось принимать работу, поп чуть не скончался от инфаркта. Среди святых он узнал лицо самого Корнилы. Художник, сын поэта-романтика Миколы Устияновича, песни которого «Верховино,

свитку ты наш» и «Гей, браття-опришки» стали истинно народными, действительно написал себя. Не помнят гуцулы, получил ли художник деньги за ту работу, но предание живет, и художника знает не только Микуличин, но вся Украина. В Тисове выростала звезда оперной сцены, певица с мировым именем Соломия Крушельницкая, пленившая своим голосом Милан и Петербург, Сантьяго и Варшаву, Париж и Вену... Лучшие театры мира знали ее, приглашали, помнят о ней. В Русове родился и прожил большую часть своей жизни писатель Василь Стефаник. Это о нем писал Максим Горький: «...как кратко, сильно и страшно пишет этот человек...» Можно написать повесть о взаимоотношениях Крушельницкой со Стефаником, можно и призадуматься над их долей. А в Стецеве руководит колхозом дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Юстин Тодорович Личук, объехавший полмира в поисках работы и хлеба, но не Америка, а родная земля дала и ему и его землякам и хлеб, и славу.

Вот такие села в этом крае. А если говорить про города, то в них и славы побольше и песни про них сочиняют поэты и композиторы. Одни песни живут, другие умирают, но города растут.

Среди тысяч народных коломеек есть одна о прикарпатских городах:

«Коломия, Отыня, Заболотов, Снятин, Тисменица, Солотвино, Надворна, Деятин».

На Украине издана «История городов и сел республики». Каждой области посвящен отдельный том. Про них можно там прочитать целые очерки, но...

Но лучше все-таки хоть один раз побывать и все увидеть.

Когда стоишь в межгорье, то кажется тебе, что ты читаешь страницы полураскрытой книги, которая хранит тайны гор. О каждой вершине, о каждой долине, о каждой пещере, о каждой скале существует предание или легенда, а Карпаты в целом — это огромный, интереснейший роман в легендах. Читайте его... Но еще никому не удалось прочитать книгу гор от корки до корки, от «А» до «Я», потому что она изменяется не по дням, а по часам, и таких гор, какими видел их мой отец, я уже не увижу. В каждой книге есть начало и конец. В жизни человека тоже. Но есть ли у гор начало?

Ученые убеждают нас, что есть, что было оно 25 миллионов лет назад. Таков возраст Карпат.

Молодые горы. Они выросли из дна моря. Трудно поверить, что когда-то здесь плескалось огромное море, а ныне только озера Синевир, Несамовитое, Лебединое, Бербеняка, Маричейка остались по горам, и их называют «морскими глазами», и говорят, что если бы нырнул под воду, то только в Черном море вынырнул бы.

Горам миллионы лет, а тебе жить только десятки лет, но ты идешь в горы, покоряешь одну вершину за другой, спишь с пастухами на полонине, слушаешь голос кукушки в лесу, которая умеет свое «ку-ку» разделить на похва-

все это: Украинские, Восточные, Лесные Карпаты; прозаически: Львовская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Черновицкая области; поэтически — Верховина и Буковина, а для этнографов: Гуцульщина, Бойковщина и Лемковщина... Гуцулы, бойки, лемки — прозвища верховинцев-украинцев и не более, хотя иногда приезжий журналист любит пустить пыль в глаза, что это, мол, чуть ли не отдельные народности. Выдумки все это. Но правда, что живут здесь и русские, и венгры, и словаки, и молдаване, и поляки, и немцы, и евреи, и даже около 40 караимов сохранили свой язык в Галиче, не растворились в украинском море. И молодой караимский поэт Захария Абрагамович писал в начале нашего века, возвратившись из австрийского войска:

Черемош — граница, Карпатский хребет — граница. На Гуцульщине петух на три государства поет — это поговорка. Но она устарела. Родилась новая: дождались и мы той поры, что покатались паны с горы. Родилась она в 1939 году, когда западноукраинские земли воссоединились с Советской Украиной и вошли в СССР, в 1940 году была освобождена Северная Буковина, в 1944-м — Закарпатская Украина. То пятилетие — первый праздник на нашей улице...

Дождались и мы той поры...

Эту поговорку я записал от Евдокии Ивановны Юрчак из села Польш, которое стоит на берегу Золотой Быстрицы. И еще записал от нее 1000 поговорок и пословиц, и еще 129 сказок и легенд, и еще около 3000 песен. Отдельной кни-

А ВОТ И ТИШЕЖИИ
КОРО ВЕСНА

Фото Сергея ВЕТРОВА

Не заменит Лаба Днестра дорогого —
Могучего батька галицийских рек.

«От Львова начинается страна гостеприимства», — писал польский писатель Ярослав Идашкевич, возвратившись из Карпат.

«Чем ближе до гор, тем больше рабства», — писал в письмах венгерский поэт Шандор Петефи, путешествуя по закарпатской земле.

Прав был Шандор Петефи, прав Ярослав Ивашкевич, прав Иван Ольбрахт, права Анна Зегерс, и все писатели были правы, которые писали правду о жизни верховинцев, о страшной эксплуатации населения. «Разделяй и властвуй!» — и делили эту богатую, эту прекрасную землю венгерские, польские, чешские, румынские, австрийские, немецкие паны. И никто не имел права называть ее Украиной. Река Збруч — граница, река

**ЛЫЖИ ИЗ МУКАЧЕВА.
ИМЕННО НА НИХ
ДМИТРИЙ ШПАРО
И ЕГО ТОВАРИЩИ СОВЕРШИЛИ
СВОЕ ЗНАМЕНИТОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ.**

**ЛЕСА — ИСКОННОЕ БОГАТСТВО
КАРПАТ, НО ДРЕВЕСИНА
ДОБЫВАЕТСЯ ПО СТРОГО
РАССЧИТАННЫМ НОРМАМ,
ЧТОБЫ НЕ НАНЕСТИ УЩЕРБ
ПРИРОДЕ.**

гой выходят сказки этой женщины, которая в 68-летнем возрасте в 1969 году научилась писать. В последние годы ужгородское ордена Дружбы народов республиканское издательство «Карпаты» издало «Сказки Подгорья», «Сказки Буковины», «Закарпатские народные сказки». В каждом селе есть сказочки, но такие, как Евдокия Юрчак, Андрей Калин, Фома Плещинец, Михайло Голица, — корифеи.

Есть в Прикарпатье город Коломия. Его иногда называют столицей Гуцульщины, хотя я бы столицей назвал село Криворивню, которое зовут украинской Швейцарией. Здесь бывали все лучшие украинские (да и не только украинские) писатели прошлого. Бывают и современные. А Коломия, наверное, потому названа неофициальной столицей, что здесь есть прекрасный музей искусства и быта Гуцульщины, а сам город Коломия дал название целому жанру народных песен, танцу.

Кто ныне не знает коломеек! Эти песни напоминают частушки. Киевское издательство «Наукова думка» выпустило большой том коломеек — их в книге около 5000! Но это далеко не все песни-коломейки, которые живут в народе.

Посчитай листья зеленые в лесу, посчитай на берегу моря песок, посчитай звезды на небе и тогда узнаешь, сколько в Карпатах песен.

**ВЫСОКО В ГОРАХ
ТРУДЯТСЯ ЛЕСОРУБЫ.**

точка отсчета

ОТЧЕТ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ НА СОВЕТЕ ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЦК ВЛКСМ: АКТИВНАЯ ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ МОЛОДОГО ЛИТЕРАТОРА

В один из последних декабрьских вечеров прошедшего года в конференц-зал ЦК ВЛКСМ пришли молодые литераторы и кинематографисты, артисты и художники. Они собрались на очередное заседание Совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ, которое прошло под девизом «Творческая молодежь — XXVI съезду КПСС!».

Разговор получился интересный. Вынесенные вопросы волновали всех, потому что касались их жизни и работы.

Крепкая дружба связывает творческую молодежь столицы с рабочими коллективами ударных строек Западно-Сибирского газонефтяного комплекса. На Совете шла речь об укреплении творческих контактов с сибиряками, о разнообразии форм шефской помощи рабочим строек.

Со времени своего существования Совет был инициатором многих добрых дел и начинаний. На этот раз было решено провести в марте 1981 года Всесоюзную встречу творческой молодежи с воспитанниками детских домов. Участники одобрили опыт Центрального Дома работников искусств СССР и СГМ ЛКСМ Латвии о Дне творческой молодежи Латвии в Москве.

На заседании Совета состоялся творческий отчет прозаиков Валерия Хайрюзова, Николая Черкашина и поэта Юрия Полякова. Он был посвящен социальной позиции молодого литератора. О первых шагах молодых литераторов рассказали критики Юрий Лопусов, Владимир Коробов и поэт Сергей Минакамян.

Наверное, правильнее было бы говорить не об отчете. Слово это сухое, подразумевающее что-то неинтересное стандартное. На Совете же была атмосфера литературной мастерской. Собравшиеся вели обстоятельный разговор о книгах молодых, о философском осмыслении творчества, об активной жизненной позиции молодого литератора. Не с умения ставить слово за словом начинается писатель, а с духовной причастности к своему времени, к жизни своей страны, своего народа.

Талант — величина векторная. И его направление зависит от того, насколько боль и радость людей прошли через ум и сердце писателя, насколько он неравнодушен к окружающему миру.

По-разному складывается судьба художника. Од-

ни начинают сочинять, лепить, рисовать с детских лет. Другие идут к призванию не сразу, через другие профессии.

Лауреат премии Ленинского комсомола Валерий Хайрюзов родился и живет в Иркутске, работает командиром корабля АН-26 Иркутского авиаотряда. Летает на местных линиях трассы БАМа. Он автор двух книг прозы — «Непредвиденная посадка» и «Опекун». Герои его произведений — летчики. Валерий пристрастен к натурам незаурядным, непористым. Он не боится ставить их в самые сложные обстоятельства, потому что верит в силу их духа, благородство порывов. Так, главный герой его повести «Опекун» Степан Осинцев берет на воспитание троих ребят. Автор рисует его образ скупыми мазками. «Я их воспитаю», — только и говорит Степан председателю исполкома, когда решается вопрос о ребятах. Но, несмотря на сдержанность писателя, его позиция определена: он восхищается благородством своего героя, любит его. Поэтому в повести он показан человеком действия, высоких нравственных качеств. И такое увлечение писателя характерами волевыми, решительными — в традициях русской советской литературы. В одной из своих статей А. М. Горький писал: «Всю мою жизнь — я видел героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят целью себе освобождение всех сил человека для творчества, для украшения земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека». Такому подходу как раз и отвечают герои Хайрюзова. Они разнотипны, непохожи. Их трудно подчинить какой-то одной схеме. В нее не войдут даже самые любимые, самые положительные его персонажи. Но если приглядеться, можно найти в них что-то общее, объединяющее. И главной их чертой является социальная активность. А это качество, в свою очередь, имеет обратную связь, предполагающая социальную активность самого писателя, его страстность по отношению к миру. Валерию многое удается. И работа в авиации помогает ему в творчестве. Судьба летчика знакомит его с судьбами современников — строителей БАМа. Например, встреча с Алексеем Гоголем, парнем, которого он однажды вызволил из «пробки», довез до Усть-Кута, стала основой его очерка «До Нижнеангарска

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

всего час лету». Этот трудолюбивый, скромный паренек после службы в армии работал на самых трудных участках Магистрала, сумел успешно закончить политехнический институт. Распахнутость его души, его неуспокоенность и внутренняя целеустремленность не могли не обратить на себя внимания Хайрюзова.

О своей творческой позиции Валерий говорит так: «Когда берешь на борт пассажиров, их нужно довести. Ты отвечаешь за их жизни. Когда берешь перо, ты уже отвечаешь за нравственную безопасность читателей. Это тоже большая ответственность». И еще мне припомнилось суждение Валерия: «Как-то летел по линии дня и ночи. Слева уже был мрак, справа еще сиял свет. И вот тогда я подумал, что и наша жизнь проходит по линии дня и ночи, по линии добра и зла. Оступился, совершил подлый поступок — приблизился к мраку. Как важно не сбиться с курса, быть всегда в зоне света и добра!»

Повесть «Почтовый круг», которую Хайрюзов недавно закончил, продолжает его линию в творчестве. Она тоже посвящена летчикам. Ее социальный заряд усилен достоверностью ситуаций, эмоциональным накалом авторской интонации. И если проза Хайрюзова своей фактической основой, сво-

Песни, сказки, легенды, заклинания, обряды, пословицы и поговорки записывали в Карпатах Яков Головацкий, Иван Вагилевич, Юрий Федькович, Михайло Павлык, Иван Франко, Владимир Гнатюк, Владимир Шухевич, Ольга Кобылянская — еще и еще можно называть имена выдающихся людей прошлого и современности, без которых трудно представить себе Карпаты, а их без Карпат.

В Буркут, где родники с минеральной водой, приезжала лечиться Леся Украинка. Если бы фольклорист и этнограф Владимир Гнатюк не пригласил Михайла Коцюбинского в Криворивню, в украинской литературе не было бы повести «Тени забытых предков». Советский кинематограф не имел бы этого удивительного фильма о жизни гуцулов.

Часто люблю перечитывать письма М. Коцюбинского из Криворивни за июнь 1911 года. Вот письмо к Максиму Горькому на Капри. В нем такие строчки: «...на июль решил ехать в Карпаты, к гуцулам. Предприятие дешевое и не без пользы. Все время провожу в экскурсиях по горам, верхом на гуцульском коне, легком и грациозном, как балерина. Побывал в диких местах, доступных немногим, на «полонинах», где гуцулы-номады проводят со своими стадами все

лето. Если бы вы знали, как величественна здесь природа, какая первобытная жизнь. Гуцулы — оригинальнейший народ, с богатой фантазией, со своеобразной психикой. Глубокий язычник — гуцул всю свою жизнь, до смерти, проводит в борьбе со злыми духами, населяющими леса, горы и воды. Христианством он воспользовался только для того, чтобы украсить языческий культ. Сколько здесь красивых сказок, преданий, поверий, символов! Собираю материал, переживаю природу, смотрю, слушаю и учусь...»

Да, смотреть, слушать природу, учиться у нее писатель будет всегда. Для человека, работающего со словом, природа — верная подруга, помогающая лучше понять жизнь, обогатиться новыми впечатлениями, прочувствовать своеобразие любого уголка нашей бескрайней Родины. Встречи с природой всегда прекрасны. Помню, как я, побывав с делегацией украинских писателей на новгородской земле, был поражен красотой Валдая. Но и, не скрою, очень приятно мне было видеть, как новгородский прозаик Юрий Красавин, приехав к нам в гости, стоял, очарованный величием горного водопада.

Их много на горных реках! Водопады называют шипунами, буркалами, но чаще всего гуками.

Хотите, поведу вас туда, где белыми гривами с порогов-камней падает чистая вода. Там воздух чистый и свежий! Стоишь и чуешь, как с ветром разговаривают ели, и видишь, как ветер колышет высокую траву. А вода шумит! Нет, это звенит скала, ставшая порогом, а вода не сдалась, перепрыгнула препятствие, закипела на холодном камне, стерла его, отшлифовала...

Это Манявский водопад — у села Манявы, где стоит старый скит-монастырь — многолетний оплот православия, в котором писатель-полемист Иван Вишинский бывал, в котором опришки отдыхали, посетив с дарами монахов. Теперь в скиту организован музей.

Здесь партизаны-ковпаковцы держали бои с фашистами, нефтяные вышки уничтожали. Здесь все истории дышит.

Мне нравится этот девственный дикий уголок. Волнует меня эта непокоря, эта сила, это движение стихии. «Не можешь, камень, остановить речку, не можешь», — шепчет душа.

А вода падает с шестнадцатиметровой высоты! Гремит!

А я знаю, что за горой, в Бухтивце, такой же водопад-гук.

Брызги отбиваются от каменного дна — встает столб водяной. Солнце лучами раздвинуло ветви зеленой прасме-

реки-пихты, посмотрело, стоит ли скала, и замерло, увидев синюю птицу.

И дальше в горах по Белому и Черному Черемошу еще десятки таких же водопадов. Голоса у них однотонные, как и их названия. Гуки! Но тонкое ухо улавливает, что каждый из них поет свою неповторимую песню. Песню Карпат.

Вот два серебристых красавца у села Шешоры! Но не они прославили село. Живет здесь народная ткачиха Ганна Васылашук. Она лауреат Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко. И за что честь такая художнице? А за то, что необычные рушники тклет она: на сюжеты песен, стихов, поэм.

В тридцатые годы в ее селе родилась песня «Гуцулка Ксеня». И эта песня изображена на рушнике Ганны Васылашук. Две звездочки — это парень и девушка, синий цвет — это ночь, темный — измена, а зеленый — речка Черемош. Смотришь и вспоминаешь сравнение Михайла Коцюбинского: вода — зеленая кровь гор.

А Государственную премию Ганна Васылашук получила за рушники на темы стихов Тараса Шевченко. Издан «Кобзарь», иллюстрированный репродукциями ее рушников.

Дом этой удивительной женщины недалеко от водопадов. Она знает много

им документальным истоком, остротой коллизий начинает порой выполнять прямо публицистические функции, то произведения другого обсуждавшегося на Совете прозаика, Николая Черкашина, имеют обратное развитие. Они публицистичны изначально, и публицистика ведет автора к художественному освоению материала. Николай Черкашин — журналист. И приход его в прозу через журналистику многое определил в его творчестве, начиная от актуальности и злободневности поднимаемых тем и кончая особенностью языка и стиля. И это вполне естественно. «Работа в публицистике, — писал Н. Грибачев, — прежде всего необходима самому писателю для обогащения содержания своего творчества и совершенствования формы. Никакой другой жанр не вводит его в гущу кипящих событий так, как публицистика, никакой другой не вооружает таким знанием заводного механизма современности, никакой другой, как она, если относиться к делу серьезно, не требует такого владения образностью, метафористикой, афористичностью, точностью слова при краткости речи — тут ведь на игре воображения, на «придумках», как бы они красивы ни были, далеко не уедешь — все реально и своеволия не допускает. Художники хорошо понимают цену письма с натуры для роста мастерства, для творчества вообще, публицистика же не только

НИКОЛАЙ ЧЕРКАШИН

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

пишет с натуры, но и вскрывает внутреннюю сущность явления в его соотносительности с громадой современного бытия, как бы дает второе, проникающее зрение...»

Не сразу писатель может найти свою тему, сжиться с ней. Порой он долго ищет ее, нащупывает. Николаю Черкашину повезло. Тема современной армии стала для него ведущей. Сначала он поглядел на армию как бы со стороны, а потом приблизился к ней вплотную, почувствовал ее изнутри. И стал писать серьезно и глубоко, зорко всматриваясь в технику и людей, управляющих ею. Он побывал во всех родах войск. Но сильнее всего привязан к подводникам. С них к нему пришла любовь к армии, к ним его постоянно тянет.

Черкашин неплохо изучил современное оружие, и в его, по меткому определению Коробова, «пружинистой прозе» легко уживаются технические термины. Конечно же, техническая осведомленность вызывает у читателя чувство доверия. Главный же объект исследования Черкашина — человек. Его внутренний мир, его проблемы. Он у писателя является душой техники. Его прежде всего подраывает он, даже если пишет о нем не прямо. «Подводная лодка спит вполглаза, тем осторожным сном, каким испокон веку коротали ночи и за

частоколом казачьих острогов, и в казематах петровских фортеций, и у лафетов на бородинских редутах, и на площадках красноармейских поездов, и в домах брестского укрепрайона...»

Поэту Юрию Полякову не пришлось так хорошо узнать армию, как Черкашину. Он намного моложе его. Правда, время срочной службы обогатило его как гражданина. В армии он впервые прикоснулся к теме военного подвига, к теме памяти.

Юрий вглядывается в прошлое не как беспристрастный наблюдатель, а как сын вчерашних фронтовиков.

*Душа как судорогой сведена,
Когда я думаю о тех солдатах наших,
Двадцать второго на рассвете павших
И даже не узнавших, что война!*

В стихах он нашел ту пронзительную интонацию, то искреннее слово, благодаря которым они затронули и его сверстников и людей старшего поколения. За цикл, посвященный подвигу советского народа в Великой Отечественной войне, Ю. Поляков получил премию Дней Маяковского, учрежденную ЦК ЛКСМ и Союзом писателей Грузии.

Юрий часто возвращается к этой теме, работает в архивах. И такое упорство не остается не вознагражденным. Он разыскал неизвестные документы о жизни и творчестве поэта-фронтовика Георгия Суворова. Эта увлеченность не может не пойти на пользу его поэтическому творчеству.

Думается, за беспокойный характер, за тягу к поиску комсомольцы Московской писательской организации избрали Юрия своим вожаком. У комсомольской организации немало проблем. Она проводит выступления на предприятиях, старается не пропустить ни одного важнейшего события. В общем, находится в поиске — ведь только он, неутомимый поиск, может помочь молодым литераторам найти себя. И больше всего забот у Юрия. Но он старается вояку, потому что знает — общественная работа поэту не помеха. Поляков еще очень молод. Ему еще предстоит много увидеть и узнать. Но он обладает остротой чувств, остротой восприятия мира. И это говорит о его неравнодушии к жизни — качестве, которое необходимо любому, будь он поэтом или прозаиком...

Совет, на котором отчитывались Хайрюзов, Черкашин и Поляков, еще раз показал, что в литературе, как и в жизни, происходит постоянный процесс обновления. Приход нового поколения приносит с собой новое эмоциональное насыщение слова, новое видение и осмысление мира. Литературная смена ищет свою тропу в искусстве, старается обрести свой голос, поднять свою тему. И в этот момент так необходимо помочь молодым определить точку отсчета, почувствовать свое место в непрерывном творческом процессе, чтобы до конца остаться верными своей художнической дерзости, находящейся в тесной связи с гражданской дерзостью мысли, с активной жизненной позицией.

Им помогает комсомол.

Анатолий ИВАНУШКИН.
Фото Альберта ЛЕХМУСА

легенд и преданий, родившихся в этих местах. Слышали ли вы, например, что в карпатском фольклоре живет предание о пастухах лесных зверей? Медведей, оленей, косуль, зайцев пасут лесной мальчик и лесная девушка. Он пасет в понедельник, во вторник, в четверг, а она — в среду, в пятницу, в субботу и воскресенье. Он плохо пасет. В эти дни охотники убивают дичь, волки режут оленей. Но когда девушка пасет, тогда нечего ходить на охоту ни человеку, ни волку.

Оказывается, и в древние времена был закон, когда можно было охотиться, а когда нельзя.

Недавно я прочитал, что самое старое дерево — это кедр. Растет оно в Японии. Ему более семи тысяч лет. У нас тоже растут кедры. О них не говорят, о них не пишут того, что о тисе, который растет три — пять тысячелетий.

Когда-то в Карпатах шумели тисовые рощи. Об этом говорят названия городков и сел: Тисменица, Тисов, Тисменичаны, Тисовка, Тисовец, Затисовка... А теперь только в Угольском лесничестве в Закарпатье, в Качуровском лесничестве на Буковине да около Колымы, в Княздворе, сохранились деревья тиса угледного.

В Княздворском заповеднике выра-

шивают сотни тысяч деревьев. Тысячелетних здесь пока нет, но были.

Точно страшная эпидемия прокатилась по Карпатам и уничтожила «железные» деревья. Вена, столица Австро-Венгрии, требовала от верховинцев платить налог тисовой древесиной. Княз-дворский лес весь изрыт окопами, блиндажами. Военные укрепления строили тоже из тиса. А еще вам расскажут, как во время второй мировой войны союзники немцев — венгры-хортисты рубили тис в заповеднике и ценную древесину отправляли по железной дороге в Венгрию. Тис не боится влаги, вот поэтому из него делали все подводные сооружения.

Когда война убивает самую большую ценность — человека, то что уж говорить о редкостном дереве?

Был в Косове резчик Марко Мегедниук. Он любил тис, это нестареющее дерево, как материал для своих изделий.

Удивительный человек был Мегедниук. Италия, Франция, Польша, Чехословакия покупали его резбу, а сам он умер в бедности. Да разве только он один такой был?

Основателем гуцульской резбы по дереву принято считать Юрия Шкрибляка. Он жил в селе Яворове в девятнадцатом веке.

Как-то к нему приехал из Польши пан и попросил:

— Сделайте мне, пожалуйста, четыре кресла и один стол, но украсьте гуцульским орнаментом.

Шкрибляк сказал:

— Хорошо! За стол и за кресло я возьму с вас по двадцать крон...

— Так мало?!

— За второе кресло сорок крон.

— Хорошо.

— За третье восемьдесят. За четвертое сто шестьдесят.

— А это почему так — за стол двадцать, а за кресло сто шестьдесят?

— Стол и кресло, дорогой пан, мне будет интересно делать. Я буду ждать, волноваться, что получится. Второе кресло я еще кое-как закончу. Но делать и резбить третье и четвертое будет для меня каторгой. Это же надо один и тот же узор, одну и ту же работу повторять четырежды...

Пан не понял резчика и ушел, не простившись.

Но сыновья Шкрибляка, Василий, Николай, Федор, поняли, что их отец говорил о творчестве. Три сына Юрия Шкрибляка стали народными умельцами.

С этого корня вышли известные во всем мире Юрий и Семен Корпанюки, заслуженные мастера народного творчества. Их резба экспонировалась на

многих выставках. Шкатулки, баклажки, топорники, кувшины, письменные наборы, обложки, тарелки из дерева, украшенные сухой резьбой, инкрустацией, хранятся в лучших музеях страны.

В конце шестидесятих годов в Коломне состоялась родовая выставка мастеров Шкрибляков. Более шестидесяти художников: резчиков, мосняжников (мастеров-чеканщиков), ткачей, вышивальщиц — выставляли свои работы в музее.

Были на той выставке интересные шкатулки, топорники из металла, сорочки, ковры и лижники... Лижник — это шерстяное одеяло. Его ткut вручную из шерсти. Потом такой ковер на сутки бросают в воду. В мельнице есть специальное приспособление — валило. И вот вода «валяет» одеяло. Чистая вода кипит под искусственным водопадом, и кипит в ней одеяло. Шерсть встает. И получается удивительное творение. Под лижником можно спать и на морозе.

Можно называть фамилии резчиков, мастеров-ткачей, мастеров по выжиганию узоров на деревянных изделиях, мастеров, которые делают металлические топорники, палки, пряжки. Но ни с чем не сравнима гуцульская керамика.

Керамика — это глиняная книга. Глиняное письмо, закаленное в огне, оказалось долговечным — ему тысячелетия.

Но кафель бьется. Его топтали лошади, уничтожали танки, пушки...

Сейчас косовская керамика переживает свое возрождение. Ожили жбаны, куманцы, миски, вазы, игрушки. Михайло Кикоть, Василь Аронец работают в Косове. Здесь же творят женщины — Валентина Джуранюк и Надежда Вербивская. Интересные молодые мастера работают в Ивано-Франковске — Василь Вильшук и Михайло Мурафа.

Много удивительных цветов в гуцульской керамике.

Есть желтый цвет — будто золотое солнце над горами.

Есть зеленый, потому что горы зеленые. Вечнозеленые ели, сосны, кедр, тисы...

Есть темно-горячий цвет, будто кровь, которая течет в нашем теле.

А еще люблю я закарпатскую живопись. Кашшай, Бокшай, Мыкыта, Эрдели — пусть не обижаются художники, что не называю их по имени. Привычно как-то стало повторять только фамилии, которые знают и в Киеве, и в Москве, и в Токио, и в Париже. У каждого свой стиль, своя манера, свое место. Но на их полотнах Карпаты. Мои и ваши Карпаты.

Любят художники писать праздники. Трудно назвать закарпатского, прикарпатского или буковинского живописца, который не изобразил бы проводов пастухов на полонину, весенних праздников, открытие навигации на карпатской реке или же свадьбу. Свадьбы в Карпатах особенные. В каждом селе свой сценарий — настоящая народная опера, в которой исполнителями являются все

ПО КАРПАТАМ

**МОЖНО ПУТЕШЕСТВОВАТЬ
НА АВТОМОБИЛЯХ, НА ЛЫЖАХ,
НО ЛУЧШЕ — ПЕШКОМ.**

без исключения гости. А гостей сходится много — от ста до шестисот. И веселятся где два, где три дня, а то и целую неделю.

Говорят в Карпатах: кто не принимает стрел любви, того убивает стрела смерти.

Осенью свадьбы в Карпатах.

А весной зовут пастухов альпийские луга — полонины. И пастухов, и доярок, и мастеров по переработке молока провозжат села на все лето. Полонина, словно тундра, — здесь лето короткое. Зато сочные травы растут, ягод, грибов много, в зарослях альпийской сосны и можжевельника прячутся волки, рыси и медведи. Есть здесь и ползучая — нет, не береза — ольха, которую леличем называют.

Полонина — летнее пастбище на макушке горы. Здесь ходят стада коров, отары овец и табуны лошадей. Полонина — это начало горной реки и начало молочной реки. Непереводимое слово — стая. Это жилище пастухов, доярок, мастеров по переработке молока. Самый главный мастер — ватаг. Он был главным человеком на пастбище вообще. Теперь его зовут заведующим полониной.

Раньше полонинники жили в колыбах, спали у огня, а теперь стая — это и колыба и общежитие. В одной половине есть радио, телевизор, кровати, а во второй — горит, не гаснет огонь, и здесь перерабатывают молоко.

Ныне провода на полонину — праздник. Его видел Чингиз Айтматов и восхищался этим зрелищем. Писатели Сергей Сартаков, Дмитро Павлычко, Василий Субботин, Нодар Гурешидзе во время Дней советской литературы в Прикарпатье тоже были участниками праздника в селе Верхний Ясенив Верховинского района. Со всех горных сел сошелся и съехался на полонину народ.

**ЧЕРЕЗ КАРПАТЫ ТЯНУТСЯ
ЛИНИИ ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧ,
НЕФТЕ- И ГАЗОПРОВОДЫ —
«РУКИ» ДРУЖБЫ — ВО МНОГИЕ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ СТРАНЫ.**

СТАРЫЕ ЗАМКИ... ВОЗЛЕ НИХ ОСОБЕННО ОСТРО ОЩУЩАЕШЬ САМОБЫТНОСТЬ ЭТОГО КРАЯ.

В гуцульской одежде подъезжали к трибуне председатели колхозов с рапортами. А потом — театрализованное представление, но не актеры играли, а сами колхозники. И главный ватаг был, и огонь горел, и бануш варили. Бануш — это мамалыга на сметане. А мамалыгу зовут в Карпатах кулешей. Из кукурузной муки она.

Неблизкий путь на полонину. И по двое суток идет скот на летнее пастбище. Но вот ватаг открывает дверь стаи и говорит:

— Добрый день, стая, как ты зимовала?

А в полонинской стае заспанные зимние ветры...

Я только несколько полонин назову, где мне приходилось бывать, ночевать. Это Веснарка, Дуконя, Старостая, Луковица, Попадья, Озерный, Радул, Ретеска, Ластун, Копылаш, Чемирный...

И вспомнилось, как мы приезжали на полонину с концертом. Пели, танцевали. Пограничники наши веселились с нами, и огонь горел на полонине. Я пошел вдоль границы, а потом сошел вниз и смотрел, что по всем горам горят огни, и где-то со звездами разговаривала вода. Я сошел вниз и увидел чуркало. Так называют родник, из которого по желобку сбегает вода. И еще такие родники зовут головицами. Правда, интересное название? Голова речки, голова потока.

СЛАВЕН ЭТОТ КРАЙ И НАРОДНЫМИ УМЕЛЬЦАМИ. КЕРАМИКА — ТРАДИЦИОННЫЙ ПРОМЫСЕЛ ЗАКАРПАТЬЯ.

наверное, самый первый памятник Т. Г. Шевченко у Сокильской скалы, нависшей над рекой, и написали там слова поэта: «Борітеся—поборите!». Этот памятник уничтожен во время первой мировой войны, но десятки других памятников стоят по селам и городам.

Стоит памятник в поселке Печенежине и народному герою Карпат Олексе Довбушу. Он родился в чужой хате, в детстве пас чужой скот, а потом вместе с братом Иваном восстал против панов-поработителей. Семь лет из его жизни — это сплошная легенда. Ни о ком другом не создал народ столько песен, столько преданий, сколько про Довбуша. Да это и понятно: на земле героя создает певец.

Рассказывают, что Олекса мальчишкой сделал себе пистолет, когда пас скот на полонине, и убил из него черта. Вот за это от волхва получил в награду такую силу, что от его движения горы дрожали, а от свиста кедры падали. И никакая пуля не брала его.

Собрал хлопцев-опришков Олекса и пошел мстить панам. От богатых брал — бедным давал. Его ловили двухтысячные отряды польских, молдавских, венгерских жандармов, но не могли поймать. Друзья были у него надежные. А брал он в отряд таких, как и сам, бедняцких сынов, но смелых. Приказывал новичку положить руку на пень и замахивался топором, будто рубил. Испугался — уходи. Присягали ему на топор и ружье. Он брал крепости, убивал панов, награждал бедных, но и его нашла смерть.

Его судили мертвого. Сам коронный

гору Довбушанку. Там тоже, говорят, клад Довбуша зарыт. Сегодня на Довбушанке работают нефтяники. Первые нефтяные колодцы появились у гор еще в начале девятнадцатого века. Но только за годы Советской власти у нас выросли собственные прекрасные кадры нефтяников.

Сейчас прикарпатские бурильщики добывают нефть в Тюмени и Туркмении. Каждые две недели летят туда самолетами на пересменку карпатские рабочие.

Через горы пролегают великие дороги двадцатого века: газопроводы «Союз», «Братство», нефтепровод «Дружба», этиленопровод от венгерского Ленинвароша до украинского Калуша, через перевалы шагают электрические линии энергосистемы «Мир»...

И еще мои Карпаты — огромный гостинный дом. И зимой и летом едут в горы гости — едут на турбазы, в дома отдыха, в санатории, профилактории, в пансионаты. Крылатые лыжники прыгают с трамплинов. Летом пионерские горны поют о мечте.

Припоминается такой случай. Приехала к нам делегация писателей. В каждом населенном пункте встречали их с песнями, дарили цветы, сувениры. Машины и автобусы трогались и мчали в горы. И вдруг в одном селе выбежал из двора человек с пустым ведром. Он хотел перебежать дорогу, но водитель переднего автобуса посигналил, и он остановился, пропустил. Но тут же снова метнулся на шоссе, но и другой водитель остановил его. Перед носом третьего автобуса хозяин все же перемахнул через дорогу, и автобус затормозил. Водитель открыл дверку, поздравил его.

— Почему ты такой человек? — спросил.

— Какой?

— Такой, как не все.

— Ты суверенный?

— Да нет... Я гостей везу, везде их встречают с цветами, и только ты один такой нашелся, что перебежал дорогу с порожним ведром. Что о нас гости подумают?

И умчался автобус. А тот человек долго стоял у родника-чуркала, смотрел вслед автобусам, а чистая вода бежала и бежала...

А где-то уже встречали гостей голоса трембит.

Трембита стала символом Карпат. И не случайно летом прошлого года Олимпийский огонь в Черновицах встречали трембиты.

Доброму гостю принято ворота открыть, руку подать, улыбнуться. Думаю, что нравится гостям, как приветствуют друг друга у нас в горах.

— Как вы дужи? — спрашивают.

Хочется перевести это приветствие, но потеряется вся поэзия. «Как ваше здоровье?» — это не то.

Отвечают:

— Добре. Как вы?

Загорался день, когда мы прощались с полониной. Кое-кто уже спал.

Ровно в пять часов утра ватаг вошел в стаю и сказал:

— Вставайте, люди добрые, хочет денек быть!

И начался новый полонинский день. Его здесь ловят не за хвост, а за голову, иначе улетит, словно птица, и только оставит тебе из хвоста перо или вырвется из рук, как рыба, и ничего не оставит.

Я вышел из стаи посмотреть, как доят овец, коров, и увидел чудо! Подымалось солнце из-за низких гор и лесов — потому что полонина была высокой. И я подумал: только в горах может быть солнце у твоих ног; сюда, на полонину, приходят люди к солнцу в гости.

Тяжело подыматься на альпийский луг крутыми тропами, но тяжело и сходь вниз. Но мы сходили и слышали

шум Черемоша. И видели искусственные озера, в которых собиралась вода для того, чтобы поднять уровень Черемоша, когда пойдут плоты-дарабы.

Мне приходилось плыть со сплавщиками по Черемошу, и это уже на всю жизнь. Больше никогда-никогда по карпатским рекам не поплывут дарабы. Так люди решили: реки должны быть чистыми, сплав леса по Черемошу прекратить. И в 1979 году пошла последняя дараба. Остались воспоминания...

Побывайте в селах над Черемошем и везде встретите старых и молодых плотогонов. Так уже повелось: отец сплавлял лес — детей учил. Реки были дорогами, которые сами ходят.

Не забыть мне той дороги по Путилеречке и по Черемошу со скоростью двенадцать километров в час. Не забыть рассказов о судьбах плотогонов, о тех людях, которые из камней сложили,

НЕПРЕМЕННАЯ ДЕТАЛЬ ДЕРЕВЕННОГО БЫТА — ЦВЕТАСТЫЕ ДОМОТКАНЫЕ КОВРЫ И ДОРОЖКИ.

СТАРИНОЙ И КРАСОТОЙ ДЫШАТ ЗАПОВЕДНЫЕ УГОЛКИ УЖГОРОДСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ.

гетман Юзеф Потоцкий руководил разправой над Довбушем. Присудили: разрубить тело на 12 частей и развесить на столбах по населенным пунктам, охваченным опришковским движением.

Не напугали! Где ломается скала, там образуется новый родник.

Камни Довбуша, скалы Довбуша, пещеры Довбуша. И еще предания, что на каждой горе, в каждом селе он закопал клад свой.

Приходилось и мне подниматься на

Яковас
ШАДЯВИЧУС

Яковас ШАДЯВИЧУС — корреспондент литовского журнала «Яунимо грятос» («Ряды молодежи»), участник II Всесоюзного совещания молодых журналистов. Его очерки и репортажи были положительно оценены на творческом семинаре.

Отнюдь не любой нахал от истории возьмется оценить, в котором поколении наших прапрадедушек сформировалась древняя мудрость: «Любите, дети, дом свой...». И очень много значений вкладывали в эту вроде бы и нехитрую истину, в эти несложные слова. В наши дни сия же правду видим своими глазами, глазами своих современников...

Но все же давайте по порядку.

Вначале — любви дом, в котором живешь, — тепло его стен, его уют, его, быть может, и неказистый вид. Затем — любви село или город, которым судьба предназначила быть твоими. Трудись, не жалея живота своего, чтобы место, где ты живешь, после тебя стало еще краше, еще лучше, чем ты его нашел... Люби и Родину, которая тебя греет материнским теплом, которая тебя растит, учит и холит. Никогда — ни в большом, ни в малом, ни в мыслях, ни в делах — не изменяй ей: Родина на весь век дана человеку одна-единственная.

Да ведь и планета у нас всех одна!..

Вот ведь как получается — чем дальше живешь, чем размашистее шагаешь во времени, тем многозначительнее, шире эта нехитрая истина предков, тем больше, я бы сказал, силы, мощи она приобретает.

И все же, выставив как контрафорс — крепко и надежно — такое утверждение, должны мы согласиться и с тем, что сегодня многие истины из серии древнейших звучат вроде бы и иначе. Но, может быть, их суть осталась такой же, а изменилась лишь форма? И так эта замысловатая форма далеко убежала; что за ней не всегда и ту самую суть углядишь, не всегда за лесом деревьев найдешь...

Такие вот мысли роились в голове, когда, воткнув в портфель блокнот с записями, я вырулил на автомобиле со двора административного корпуса Ионавского ордена «Знак Почета» завода азотных удобрений имени XXV съезда КПСС.

А за воротами остались люди, которым я надоел разными расспросами, люди, которые завоевали честь быть членами коллектива имени XXV партсъезда.

Но давайте вернемся к вещам, с которых начали свой разговор, — о верности своему дому, своему труду.

Молодой рабочий достаточно твердо знает, что заводу — Ионавскому «Азоту» — всего десять с лишним лет, что его возводили тысячи и тысячи строителей, собравшихся почти из всех уголков страны. Знает молодой парень и то, что от факта лично его пребывания или отсутствия на заводе тут абсолютно ничего не изменится. И вот в таких-то обстоятельствах каково будет ему вырастить, сформировать в себе ясное понимание и твердую веру в то, что завод именно ЕГО! Что доброе имя завода, смены, бригады, в которых он трудится, — его личная честь и доброе имя.

Вот из этой-то мягкой глины я и пытался что-нибудь вылепить, когда беседовал с работниками двух комсомольско-молодежных смен (на этом заводе понятие «смена» соответствует понятию «бригада»), когда они излагали биографии свои и своих друзей, разъясняли, что им удалось сделать более или менее удовлетворительно, а что не получилось...

По правде говоря, не было бы точным утверждение, что смена, которой не так давно руководил Павел Пухляков, и сегодня осталась в таком виде, как, скажем, в те дни, когда заводу было присвоено звание XXV съезда КПСС. Да и сам Павел уже работает в другом цехе — метанолеводном — заместителем начальника цеха, многие его бывшие товарищи по бригаде сегодня трудятся в других подразделениях завода на ответственных должностях. В их бывшую смену за это время пришла зеленая молодежь, еще не остепенившаяся, не успевшая перенять у старших их трудовой ритм, слаженность. Поэтому сегодня и речь о тех временах, когда смена «Ц» 1-го аммиачного цеха под руководством П. Пухлякова так резко выделялась среди своих сверстников, что ей было присвоено имя бригады 60-летия ВЛКСМ. И давайте одновременно познакомимся и с другим коллективом — сменой «Ц» из цеха поставки пара (ЦПП), которая, по сводкам социалистического соревнования, считается сегодня одним из лучших заводских комсомольско-молодежных коллективов.

Казалось бы, вроде такая простая вещь — сравнение. Разграфим лист бумаги, построим рядом цифры: по сколько членов в каждом коллективе, какое в среднем у них образование, по сколько прогулов или других нарушений трудовой дисциплины сделали ребята, как участвуют в общественной работе — и увидим некую «математическую модель» рабочей конкуренции бригад.

Разумеется, так сделать в наших силах, но скорее всего и подобия ответа не получили бы. Все-таки все выстроились бы рядом колонки цифр, человек снисвелировался бы до некоей «среднематематической единицы», и, пожалуй, такую информацию смогли бы предложить отнюдь не страницам журнала, а ЖКД-дисплею компьютера. Мы же шли от другой темы — каким же образом завод становится любимым домом, местом, которому молодой человек предан до конца. Особенно такой молодой человек, который именуется «членом коллектива с еще нереализованными возможностями» или еще хлестче — «перспективным человеком». Как на таком (измеряя, разумеется, масштабами Ионавского района) гигантском предприятии еще не слишком много видений и переживаний молодой человек не теряет, не сникает, но в своем еще небольшом мире высекает искреннее, теплое чувство к этому исполниту...

А дом ведь вечен людьми, которых там находим, которые учат нас жить так, как живут сами, которые хотят, чтобы нашими жизненными принципами стали бы их жизненные правила, если последние правильны и честны. В этом смысле комсомольско-молодежной смене «Ц» цеха поставки пара очень повезло. Долгое время у нее перед глазами был отличный лидер — коллектив имени 60-летия ВЛКСМ. А истоки трудовой биографии лидера уходят в начало прошедшей пятилетки, в те дни, когда проходил XXV съезд КПСС. Вот именно тогда П. Пухляков и его друзья начали свое дело, увенчанное такой высокой комсомольской наградой. Очень своеобразно вспоминает этот период Чесловас Шерейка, бывший рабочий, а теперь и сам ставший начальником одной из заводских смен. К его словам стоит прислушаться хотя бы и потому, что этот человек пришел на Ионавский «Азотас» вместе с первыми рабочими — в 1965 году, когда производство лишь только-только налаживалось. Именно с тех пор он стал трудиться аппаратчиком на том же рабочем месте. Трудиться так, что совсем недавно ему была доверена слабая, отстающая смена, в которой с приходом нового, молодого руководителя дела заметно пошли на лад. Вот о чем говорит Чесловас:

— Вы только не подумайте, что до того, как у нас был создан комсомольско-молодежный коллектив, я работал как симулянт, с прохладцей. Нет. С производственными заданиями и до тех пор, когда решили объединиться в комсомольско-молодежный коллектив, и после этого никаких проблем не было. Но когда познакомился с Павлом Пухляковым, когда коллектив в определенном смысле сформировался на основе комсомольской организации, когда внимание стали обращать не только и не столько на выполнение элементарных — плановых заданий (это ведь само собой разумеется), сформулировали себе единую, привлекающую всех и каждого цель — добаться до первых строчек в

сводках социалистического соревнования. Правда, цех не новый, оборудование — тоже уже давно не последнее слово техники, но милостей от него никто не ждал. Мы понимали: если из-за каждой мелочи пригласить ремонтников — первые места увидим как свои уши. Искали пути, как овладеть смежными специальностями, чтобы при необходимости и друг друга могли заменить, чтобы вообще смена работала стабильнее, «солиднее», что ли. А учеба — штука такая, в которую только трудно «вцепиться». А потом, когда входил во вкус новых знаний, отказался от них почти и невозможно. Ведь в жизни столько интересных, важных вещей, а мы даже и не подозреваем об их существовании. Тут имею в виду не только профессиональные заботы...

В комсомольско-молодежной смене мы довольно быстро сблизились, стали друзьями не только в цеху, но и по обе стороны заводской проходной. Примеров этой дружбы так же много, как и жизненных ситуаций, когда человеку нужна помощь — дружеская, бескорыстная. А она нужна и в час утраты и в час радости — приболел ли кто из домочадцев, дождалась ли семья пополнения, в новую квартиру ли переселились. Так мы жили и работали. Не просто было удержаться впереди — все время чувствовали за собой дыхание остальных комсомольско-молодежных коллективов. Поэтому к победам «не привыкли», доброе, помогающее делу напряжение чувствовали постоянно...

Анатомией методов победы в социалистическом соревновании это высказывание не назовешь, точно так же, как нельзя было бы так охарактеризовать и мысли самого Павла Пухлякова, что и он во имя общей цели должен был совершенствовать свои инженерные знания, что много душевной боли перенес, пока каждого из членов смены смог назвать близким человеком. Павел считал необходимым рассказать и о том, что в смене работал такой парень — Антанас Варейкис. Любил выпить, и прогулы у него из-за этого случались. И так и этак друзья старались его наставить на путь истинный, но либо уж слишком безвольным был Антанас, либо слишком твердую волю имели его собутельники, но смена была вынуждена с этим парнем расстаться.

Налицо победа коллектива? Видимо, нет, просто житейский эпизод. Ведь в жизни практически не бывает стереотипных ситуаций: ощущаешь и радость приобретения друзей; приходит и боль, когда всеобщим вниманием окруженный человек не умеет жить иначе — честно, благородно, наконец, трезво...

Каждая победа приходит своим тернистым, тяжелым путем, точно так же, как и поражение, — с болью, с кровью, большой или малой. Но, глядя на смену П. Пухлякова, давайте заметим и то, что эти люди за все время общей работы, пусть и не отдавая себе ясного отчета, все время учились любить завод, учились быть ему нужными, учились найти себя, найти свое место в больших цехах, напичканных разнообразнейшей техникой. Сегодня, когда со дня создания коллектива прошло почти полных пять лет — близится следующий, XXVI съезд нашей партии, уже не так легко проследить, у кого же учился, с кого брал пример коллектив имени 60-летия ВЛКСМ. Конечно же, такие люди обязательно были, и, хотя не упоминаем здесь их фамилий, благодарны мы им безмерно. Но зато у нас есть другая прекрасная возможность — проследить, как у известного, заслуженного коллектива учился сегодняшний лидер — смена «Ц» цеха поставки пара.

Простому говоря, ЦПП — тепловая электростанция. Ее главная задача — поставлять не электроэнергию, а тепло, специально подготовленную воду, пар. Значит, не приходится говорить о том, что ребята из ЦПП учились секретам профессионального мастерства у производителей удобрений. Но вот какую своеобразную историю рассказал Кястутис Славинскас, заместитель начальника ЦПП.

Недавно в смене «Ц» произошел следующий конфликт. Начальник смены, то есть руководитель комсомольско-молодежного коллектива, отказался принять к себе в смену рабочего из другой смены. Таким поступком Эугениус Гайгалас оскорбил человека — между прочим, честного, квалифицированного специалиста. А все дело в том, что в бригаде с новичком не были знакомы, значит, и не доверяли

СТАРОЙ ИСТИНЫ

ему. Конфликт не вышел за рамки местного значения, в дело вмешалось руководство цеха, и рабочий в бригаде «Ц» мог трудиться столько, сколько было нужно.

И Славинскас и руководитель заводской комсомольской организации прямо предупредили, что они могли бы привести десятки противоположных примеров, когда смена показала истинную самоотверженность, гражданственность, когда люди вели себя честно, благородно, отрекаясь от всего мелкого, прагматичного. Но вот ведь какое непростое дело — перенять от бывшего лидера действительно все человеческое, чем тот богат. Вот ведь как оказывается сложно никогда с другим не поступать так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой...

Почему один человек трудится честно, хорошо, а другой — в таком же цехе, на таком же заводе так отлынивает от работы, что прямо в глазах рябит? Сложный это вопрос, который и так и сяк люди вертели еще со времен античных философов. Но не пойдем на поводу у заманчивого экскурса, а заглянем в некоторые современные статистические выкладки. Они нам скажут, что тот рабочий, который все время похвально трудится, который хорошо информирован о делах своего коллектива, понимает значимость своей операции, знает свое место в сводках социалистического соревнования, заслуженно и своевременно поощряется — всегда выполняет и перевыполняет свои производственные задания, какими бы сложными они ни были. Среди же рабочих, где на вышеупомянутые вещи значительно меньше обращают внимания, которым и общественные организации уделяют меньше внимания, лишь 91 процент выполняет и перевыполняет производственные задания. И, наконец, среди людей, у которых и разные формы поощрений непопулярны и заинтересованность в работе неудовлетворительна, производственные задания выполняют чуть более половины работающих — 67,3 процента.

Своеобразная система — вроде заколдованного круга, не правда ли? Когда труд спорится, когда тебя замечают и поощряют за удавшиеся дела и справедливо критикуют за то, что не получилось, — значит, и вообще дела идут лучше. Но заметим — это случается лишь тогда, когда о своем деле знаешь намного больше, чем о дороге домой мимо пивного ларька, — вот тогда, оказывается, и больше нравится трудиться, да и лучше получается. Вот тут-то самое время вернуться к рабочему месту молодого парня. И оглянуться — а кто же рядом, кто вместе с тобой радуется удаче и грустит, когда на тебя не обращают внимания? И опять же никакого общения не может быть «в одни ворота». В жизни получается по принципу: «Как ты со мной, так и я с тобой»...

Но ведь два человека — друг против друга — и между ними тысяча загадок, сто недомолвок, десятки противоречий... А если друг против друга по десять человек — загадок уже десять тысяч, а сколько невысказанного, сдержанного в себе...

В зале тихо гаснет свет. В воздухе рождается таинство...

«Какое, к черту, таинство может быть в зале Паневежского драматического театра, известного на всю Европу, — скажете вы... — Ведь тут уж «отсидели» свое десятилетия, если не сотни тысяч зрителей со всех концов страны».

Но все-таки — да, таинство — ну, пусть не в воздухе. Ну, пусть между вон той симпатичной блондинкой и ее рыжеволосым кавалером. Пусть наши ребята из двух лучших бригад — сегодняшней и той, что гремела раньше, — каждый погрузился в свои мысли, в свои глубины — значит, в свои тайны...

В каких-нибудь документах будет записано: была организована коллективная экскурсия в Паневежский театр. Но бог с ними, с документами.

Вслушайтесь, всмотритесь, в зале сидят рабочие, крепкие парни и думают...

О мирах, которые скрывает занавес, гений артистов и драматургов? Может быть.

О чем-нибудь очень интересном, теплом, очень милым?

Наверное, и об этом тоже.

Занавес, как испуганный голубь, взмывает ввысь. На сцене радуются, страдают...

В театре идет спектакль, идет представление.

...Вряд ли ребята по дороге домой из театра много говорили. Я думаю, что скорее всего молчали, просто радуясь тому, что рядом — друг, что рядом — человек, ставший еще ближе, ставший еще более неотъемлемой частью действительности.

Смена «Ц» ЦПП вместе с Пухляковым и его друзьями создала одну стрелковую команду, грозную в тире любому сопернику. Вряд ли необходимо дальше доказывать, что и с поводом и без повода, и по случаю и без случая, и в минуту радости и в час печали эти люди ищут друг друга — хотя, конечно, и некоторая разница в возрасте чувствуется, и, наверное, сфера интересов у старших товарищей шире — в конце концов они и больше сделали и побольше прожили. Но есть один, главный общий знаменатель, есть один общий фундамент. Этот фундамент — любовь к дому, в котором живешь, работаешь, это сознательная привязанность к труду, которым зарабатываешь хлеб на суточный.

Стасис Ярамичюс, секретарь комсомольской организации ЦПП, работавший в смене «Ц» электромонтером, голосом, не допускающим возражений, утверждает:

— Не так давно с нами работал Миколас Зрельскис. Сейчас он служит в Советской Армии. Кончит службу — вернется в нашу смену, ведь здесь научили его профессии, здесь, как я понимаю, дело у него ладилось.

— А откуда ты знаешь, что он вернется? Может, потянут лучшие заработки, более современные цеха?

— Вернется. Во-первых, потому, что обещал, а я ему верю. А потом, взгляните хоть на Ионаса Лукошенкина. Он тоже отслужил, тоже обещал вернуться к нам. И сейчас он один из активнейших в смене...

Дальше сомневаться уже нельзя было. Вернется к ребятам в смену Миколас, вернутся и другие; все время будут сюда стремиться...

...Идет, предположим, Человек. И видит — плачет

такой махонький мальчуган возле авоськи — мама издолго в магазине застряла. И Человек паренька облакал, успокоил.

Значит, ему близко и понятно чувство матери? Значит, он терпеть не может чужой боли, чужих слез?

Значит, он пытается всегда поступать честно, так, чтобы потом не болела душа за низкий, пакостный поступок?

Значит, каждый свой день, каждое мгновение он старается провести так, чтобы не было совестно перед самим собой?

Нет, я не хочу здесь поставить знак абсолютного равенства между честным, благородным, высоким человеком, с одной стороны, и тем, что и как он каждый день делает, как трудится, — с другой. И даже так: не всегда первый член равенства равен второму, но второй первому — всегда! Помните знаменитый парадокс: «Если земля мокрая, то не обязательно это значит, что идет дождь. Зато если идет дождь, земля будет обязательно мокрой». Так и тут: если человек отдается труду в самом высоком смысле этих слов — он всегда личность. Но не всегда, а даже очень редко бывает наоборот.

Очень образно и просто сказал об этом Лукошенкина:

— Пусть каждый с таким желанием, как мы, приходит в «Азот», пусть каждый чувствует себя такой неотъемлемой его частью, как мы, и тогда многие из тех, кто видит себя не слишком нужным жизни, исцелятся от этого гнетущего, тяжелого состояния...

Вот мы и добрались еще до одной ступени, прописной, старой истины о любви к своему дому. И, не надеясь сказать короче, лучше, точнее, чем это сделали наши пращурь в какой-нибудь неблагоустроенной пещере каменного века, рискуем добавить: «Люби свой труд, дитя; труд, который сделал и делает тебя существом человеческим. Люби место, на котором твой труд вливается в труд твоих учителей...»

Ну вот, все же пытаюсь дополнить древний памятник. Прошу прощения, больше этого делать не буду — кажется, все понятно и так.

ИСТИНА, КОТОРАЯ РОЖДАЕТСЯ В СПОРЕ.

Фото Алексея ФЕДОРОВА.

Татьяна
УСПЕНСКАЯ

Москвичка Татьяна УСПЕНСКАЯ по образованию — педагог, долгое время преподавала в школе. Ее первая книга называется «Общая лыжня», до этого же писательница много и успешно занималась переводами с языков народов СССР, выступала в центральной прессе с очерками.

Впереди шел мальчишка. Независимая спина. Руки в карманах. Торчат уши.

Узкий переулочек, сдавленный домами, простреливается из конца в конец ранним солнцем. Неба совсем мало — худенькая голубая полоска, прозрачно дрожащая в солнце. Кажется, что солнечный и голубой свет только для этого моего переулочка.

Уши мальчишки просвечивают на солнце, как у кролика. Сейчас догоню и прижму их, теплые, к голове. Или возьму за руку и поведу с собой — в школу. Как похож этот мальчишка на семилетнего Славку — те же розовые уши и острые локотки!

Мальчишка свернул во двор, и переулочек сразу опустел.

Я остановилась. Чем плох нырнувший во двор мальчишка? Почему бы снова не взять первый класс, как приказывает директриса? Симпатичнейший розовоухий экземпляр... Разве плохо научить его думать, писать сочинения, любить траву? Ведь и правда, у меня не закончен университет. Может быть, Анастасия Григорьевна права?

Солнце летит сквозь меня, как сквозь пустоту, и голубизна светится самостоятельно, вне моей жизни, и дома стоят незбылемо, как стояли много десятилетий до меня, им безразлично, что сейчас во мне.

Разве так уж важно, первый или четвертый класс, когда все равно ко мне придут дети? Полюбила одних, полюбила других. Зачем бессонная ночь? О чем буду говорить с директором? Это же прекрасно — начать все сначала!

Был август, я ходила по домам, знакомилась с ребятами. Открыл дверь отец. «Учительница?». Насмешливые недоверчивые глаза уперлись в меня: вот этой доверить сына? Нахмурилась, чтобы стать старше. Славка сидел на полу. Перед ним возвышался дом из кубиков. Голые коленки — углами — в разные стороны. Ноги тоненькие. Оттопыренная нижняя губа. Очень внимательные, отцовские, глаза исподлобья. Встретившись с ними, испугалась: что смогу открыть этому мальчишке, если ровным счетом ничего не знаю о том, как строится дом? На письменном столе чертежи, книги. «Если не буду слушаться, меня исключат, да? Так папа говорит, а он сам не слушался!» — вдруг весело сказал Славка. Дом из кубиков распался — еще выше и острее, углами, вскинулись поцарапанные и недоверчивые его коленки.

До сих пор передо мной кубики, рассыпанные по всей комнате.

Славке теперь одиннадцать. Вчера, расставаясь, он подарил мне странный предмет — железный ящичек с лампой над ним. Лампочка зажигается, когда солнце уходит за тучи. «Вместо солнца», — сказал смущенно Славка. — Это пока. За лето я такое сделаю! Лампочка горела всю ночь, а утром, когда я проснулась, она была холодна и бессветна. Случайность? Не знаю. Да это и неважно. Оттопыренная толстая нижняя губа, темные глаза с широкими зрачками. Что бы ни изобрел, что бы ни сделал... не это главное. Он дерется с друзьями понарошку! А вот по-настоящему, если придется, сумеет?

Зойка в первый класс пришла с белкой — доверчиво, сияя, протянула мне вместо цветов клетку. Я сразу поняла: белка — самое дорогое, что есть у девочки, и как могла ласковее убедила не дарить мне ее.

Зойка явно обрадовалась: все уроки не сводила с меня преданных глаз. Зойка — это две тугие косички с огромными бантами, круглые глаза, пух светлых бровей.

Первым в ее жизни появился котенок — черный, обшипанный, очень голодный. Он ел все, даже конфеты. Зойка прятала его в ящик стола, под кровать, в игрушечный шкаф. Выдал запах. Пахли отцовские рубашки и бабушкин фартук, пахла посуда и тетрадки. По дому запрыгали блохи. Зойка честно пыталась ловить их, но они упруго проскакивали между пальцами. Оказалось, котенок дерется задними лапами и страшно злится при этом. Закрывала от мамы кровавые раны. Щеки, руки, шея — Зойка забыла, как бывает, когда они не горят. И все равно ночами придумывала котенку имя. Топсик, Веник, Черт, Гуталин — имена не нравились. Расстроенная, засыпала, сжимая ухо неназванного котенка. Решила судьбу обоих штора, вдруг повисшая неровными лохмами, китайская штора. Бабушка три часа стояла за ней в очереди. Ни мольбы, ни слезы, ни убеждения, что котенок исправится, не помогли. Котенка унесла тусклая, длинная дворничиха с угодливыми губами.

Прочно поселилась в доме лишь черепаха. Но черепаха не дралась, не прыгала, не смеялась, и Зойка затосковала.

Во втором классе Славка с таинственным видом привел Зойку в полуподвал, вытащил из портфеля почти задохнувшуюся ворону. «Вот, — сказал он гордо, — это тебе». Зойка прижала ворону к груди, стала разглаживать перья. Почему-то всегда ее тянуло к самому несчастному и больному — у вороны был только один глаз. Ворона оказалась злой: все, что ей попадалось под руку, она колотила твердым клювом. Придумывать имя не захотелось, хотя Зойка честно кормила ее. Как, куда исчезла ворона, Зойка так никогда и не узнала. Бабушка сочувственно разводила руками, уверяла, что вороны не видела, не трогала, и что, мол, ворона ей самой очень нравилась. Мама поддакивала.

За вороной следовали белка, уж, ящерица. Поживут, поживут и исчезают. Только черепаха все жила — незбылемая, как шкаф или стол. Бабушка поила ее молоком, приговаривая ласковые слова. Зойка черепаху ненавидела, именно из-за черепахи она не могла завести настоящего друга. И потом черепаха была холодная, как пол. Ее неинтересно было гладить. И самое главное, ею нельзя было похвастаться, потому что всегда, когда приходили ребята, она застыла мертвым камнем. Ела она по ночам, редко. Зойка отдавала ее сама. Тут бабушка рассердилась, призвала дворничиху, с пристрастием допрашивала — черепаха больше всего устраивала бабушку.

Наконец, щенок. Он был непородистый, с длинными ногами, мягкими, переломленными посередине ушами. Щенок облизывал Зойкины туфли, щеки, руки и во всю пасть смеялся. Когда Зойка со щенком на руках возникла в дверях дома, бабушка торопливо сняла, потом снова надела очки. «Или я, или он», — сказала грозно.

— Бабушка, ну, пожалуйста, — захлебнулась Зойка. — Он же маленький!

— Он растет, Зоя. — Мать тоже умоляюще смотрела на бабушку.

Зойка не плакала. Они со Славкой долго ходили по дворам и домам. Никому не нужен был щенок. А щенок тыкался Зое в щею, сопел, жевал бант. Спать Зойка уложила его в подъезде под батареей. Но он запрыгал за Зойкой, с восторгом хватая ее за ноги и платье. Мама, оглядываясь на кухню, из которой доносился постук кастрюль и сковородок, сунула Зойке кость и горбушку. Зойка долго потом стояла в квартире, прислонившись ухом к двери, прислушивалась: щенок урчит, разгрызая кость, царапает дверь, скулит.

Утром щенка не было ни в доме, ни во дворе. А дворничиха улыбалась, глядя, как Зойка ищет его.

Увидев своих ребят снова, я ощутила немилосердную потерю. И так защемило во мне, так холодно, пусто стало в солнечном переулочке, что я почти побежала к школе. Не хочу других детей, не хочу одиночества, не хочу начала, не хочу повторения — уже случившихся уроков и задач! Не хочу расставаться со Славкой и Зойкой.

КОНФЛИКТ

Рисунок
Владимира
ДЕЛБЫ

Солнечный свет пронес меня по переулку и влетел вместе со мной в школу, осветив махом портреты отличников и фамилии учеников, погибших в войну, гроздя вешалок и разноцветные квадраты пола. Осветил и с захлопнувшейся дверью исчез.

Кабинет Анастасии Григорьевны был пуст. Неужели она еще не пришла? Часы показывают полдосьмого. Рановато. Но ведь сегодня — 1 июня, сегодня десятиклассники пишут сочинения.

Я поднялась на второй этаж. Может быть, она в кабинете завуча? Журналы и тетради хранятся там.

Не давая себе ни минуты опомниться и боясь раздумать, шагнула в полуоткрытую дверь.

Анастасия Григорьевна, стоя вполоборота ко мне, листала журналы, что-то выписывала в свою тетрадь. Она не заметила меня, и я, перестав дышать, застыла у входа.

Единственный раз попробуй быть объективной, забудь об обидах, поставь себя на ее место — молила я себя. И неожиданно увидела себя ее глазами: сопливой девчонке без диплома подавай среднюю школу.

Будь я на ее месте, может, я тоже остудила бы пыл выскочки, я сказала бы: «Повтори-ка, что первый раз едва получилось. Отработай-ка приемы, методику. Короче, стань сначала профессионалом, а потом чего-то требуй! Дети не кролики, на них нельзя экспериментировать».

Анастасия Григорьевна кажется мне очень большой: крупные плечи, длинные ноги, широкая кость... Но ее крупнота не делает ее безобразной. Скорее наоборот — Анастасия Григорьевна красива. Красиво ее ширококостное, с некрупными чертами лицо, красива статная фигура. Это если подойти объективно. Особенно хороши у нее волосы — пышные, седые, они падают вокруг лица локнами.

И я тушу в себе неприязнь к ней. Не она — я виновата в наших несложившихся отношениях, я лезла на рожон, не желая понять ее, не умея разобраться в случившемся. Я видела только то, что она выгнала Лидию Петровну на пенсию, что она не такая, как Лидия Петровна — первый и любимый мой директор. У Лидии Петровны в кабинете жили звери из пластилина, самолеты, корабли, ветряные мельницы, проволочный Дон-Кихот. Кабинет Анастасии Григорьевны гол. У Лидии Петровны в кабинете вечно толпились бывшие ученики разных возрастов... Не надо о Лидии Петровне... Сегодня директор — Анастасия Григорьевна — вот что нужно понять. И еще нужно понять, что ничего требовать у нее я не имею права. Я могу только просить.

Она обернулась наконец ко мне, выпрямилась и... улыбнулась.

Я растерялась. Она никогда не улыбалась мне.

— Вы ко мне? Проходите, садитесь, — голос ее был всегда тих, и сейчас, тоже тихий, он глушил меня своей дасковостью. — Садись. — А сама продолжала стоять, высокая и величественная, глядя на меня сверху вниз и улыбаясь.

Я нерешительно села. Села и она. Слава богу, она не возвышается больше надо мной.

— Ну, я слушаю, — терпеливо говорит она. А я не знаю с чего начать. «Умоляю», «прошу» — эти слова не для Анастасии Григорьевны. Ей нужна логика. А логика во всех ее видах и разновидностях не в мою пользу!

И я говорю совсем не то, что надо, отчетливо чувствуя — с этого начинать нельзя.

— Мне Лидия Петровна обещала дать возможность провести один и тот же класс с первого по десятый. — Понимаю всю бессмысленность этого заявления, неожиданно для себя я начинаю говорить вовсе не свойственным мне — канцелярским, холодным, но, как мне кажется, вполне логичным языком. — У каждого предприятия всегда есть план. План не может быть выполнен за год и даже за три, если план — масштабный и предполагает строительство города или научного центра. Человек — явление более сложное и неуправляемое, чем строительство, разработанное детально в чертежах. — Я поймала любопытство в серых глазах Анастасии Григорьевны и, воодушевленная, продолжала: — Я попыталась разработать план двойной: создание коллектива и создание личности, которая со временем должна занять свое место в обществе, — дееспособная, нравственно совершенная и профессионально квалифицированная личность. Если вам интересно, я могу изложить некоторые пункты моего плана.

— Песталоцци! Аристотель! Макаренко! — чуть иронично сказала она.

Но я не уловила в ее интонации обычной неприязни ко мне, наоборот, на ее красивом лице читалось внимание и любопытство.

— Так вот, понимаете, три года для осуществления моей задачи — маловато. Сами посудите. Математическое мышление, логический подход к явлениям науки и природы не могут быть воспитаны за годы начальной школы, математика не кончается, наоборот, она становится более глубокой. Это вы знаете без меня. Верно ведь? То же и с формированием личности. Я пыталась научить их работать, развивала в них чувство долга, воспитывала в них чувства гражданственности и братства... Но не каждый же человек сразу меняется. Нужно время...

Анастасия Григорьевна прервала меня:

— Вы извините, пожалуйста, я несколько в неловком положении. Все, что вы тут высказали, чрезвычайно интересно. Только сегодня экзамен, через десять минут придут учителя и дети. — Она говорила тем же тоном, что и я, но теперь я четко ощущала насмешку, иронию и в глазах ее и в интонации. Она раскусила меня! И откинула. Еще до того, как она произнесла, я знала ее приговор. — Не мне одной, директору, отменять приказы администрации. У вас три курса университета всего. Формально я не имею права доверять вам четвертый класс. Но даже если бы с формальной стороны все было в порядке, я бы вам все равно не доверила. — Она встала и ласково улыбнулась мне. — Мне кажется, что у вас не хватает профессионализма. Планы — вещь хорошая. Но ваша практическая деятельность никакого отношения к вашим планам не имеет, она чрезвычайно активна, вредна школе и детям. Она вовсе никаким законам не подчиняется. — Анастасия Григорьевна стояла и смотрела на меня сверху, уже перечеркнув меня, не видя, превратив в одну из фамилий, густо толпившихся в распахнутых перед ней журналах. — Мне кажется, что вы вообще к школе отношения не имеете и профессию эту выбрали зря. Но я не могу отказать вам в первом классе. — Она опять улыбнулась. — Я очень рассчитываю, что мы сумеем исправить сделанное вами за эти годы, — лупит она меня.

Ах, как любезно улыбается она и каким холодом веет от этой ее радужной улыбки! Странно, почему же я не могу встать и уйти? Меня словно парализовало, ноги чутинные застыли на полу, тело обмякло.

— А вы не допускаете разные методы преподавания? — спросила я, пытаюсь удержать в себе снова вспыхнувшую неприязнь к ней. Не ожидая ответа, не в силах молчать, понимаю, что окончательно туплю себя, медленно заговорила. — Мне видится все несколько по-другому. Вот вы стали директором школы, в которой, естественно, учатся дети, а ребята поделки, ребята портреты, сочинения, рисунки, которые для Лидии Петровны были важными проявления-

ями детей, играли серьезную роль в сложном процессе воспитания, из ее кабинета выбросили. Вы так любите слова «порядок», «научно», «методика», но на другом полюсе есть просто дети, которые растут. А вы их не любите. Может быть, вы для школы человек случайный?

Я встаю, по длинной красной дорожке пачусь к двери и прощальным беспардонным взглядом оглядываю ее красивую, статную, сильную фигуру, красивое, гладкое, еще молодое лицо. Да какая же она красивая? Торчком — пушистые волосы, вместо щек подушки, вместо плеч подушки — да ведь она ватная игрушка! И, уже распахнув дверь в ремонтирующийся коридор второго этажа, сквозь запах свежей краски, сквозь пыль известки, влетающей ветром в раскрытую дверь, сквозь слезы, подступившие к горлу, шепчу:

— Анги-ина!

Не хочу замечать пепельности, покрывшей ее лицо, смотрю только в стекляшки ее глаз и шепчу, не умея замолчать, впервые за эти годы освобождаюсь от гнета, от власти чуждого, ненужного мне человека:

— Анги-и-на!

Наконец, замуравов ее дверью, припадаю спиной к холодному дереву. Господи, что же я наделала?

— Ангина, Ангина, Ангина, — шепчу упрямо.

Ангину прозвали ее давно, я даже не знаю когда — двадцать, пятнадцать лет назад? Кто прозвал, не знаю — дети или учителя? Но сейчас так зовут ее все: и дети и учителя.

— Ангина, Ангина! — шепчу я.

Что же я наделала? Ни своего класса, ни другого, любого, мне больше в этой школе не видать!

У меня кружится голова. Я пытаюсь остановить кружение и смотрю на ведра с известью, на доски, беспорядочно валяющиеся на полу. Передо мною длинный коридор второго этажа, где учатся младшие классы и где прошли мои первые взрослые годы. Распахнуты желтые, чистые уже двери, а полы пока в извезде.

Как хорошо, что сейчас только около восьми часов утра, и ни рабочие, ни учителя, ни десятиклассники еще не пришли! Щелкают громко последние минуты тишины, а я никак не могу оторваться от двери, за которой Ангина. Где же моя сила, пришедшая ко мне в эти годы? Где моя выдержка? Где воля?

Быть может, это еще не конец, не смерть? Может быть, еще возможна борьба? В борьбе бывают и поражения — что поделаешь. Я смеюсь. Вот и у меня есть враг.

Но смех застывает гримасой, свернувшей набор мой рот. Какая борьба, когда у меня уже отняли Славу, Зою, Ваиза... В университет поступила — для них. Для них придумала литературные и музыкальные вечера на будущий год. И книжки подобрала, какие им читать. И в Третьяковке о лекциях договорилась. Как же я буду без них?

В гробовой тишине, в которой лишь ход времени, медленно иду по белому коридору, иду не оглядываясь и не видя веселых подновленных классов — мне больше здесь не бывать! Медленно выхожу на улицу.

Неба всего лишь яркая солнечная полоска. Но мне много даже ее, потому что она освещает пустоту моего будущего, пустоту переулков, она четко обозначает окна и стены, за которыми мои дети сейчас собирают чемоданы в летний отдых.

Пахнет пылью. Лениво скачет воробей, лениво тычется в пыль, взметывая серое облако, замирает в истоме, давая пыли осесть, снова скачет.

...Дома беспечно похотела по комнате. Тахта, письменный стол, окно, книжные полки — это все, что осталось со мной. Как пусто дома!

Я думала, дальше, всегда, до десятого, со мной будут мои дети. Совсем еще недавно я была так богата! А теперь «дальше» нет. Жизнь начинается с нуля. Целая эпоха — несколько лет радости — умерла.

Нельзя, не раскисай. Ты сильная.

— Я потянула ящики из письменного стола.

Вот они, письма наших общих лет, сочинения, рисунки, лепки, поздравления — все это разнообразное, кричащее на разные голоса ребячье творчество завалило и стол, и тахту, и пол.

В первом классе почерки у всех были старательные, круглые — схожие. И ребята казались мне чем-то одинаковыми: выражением лиц, фразами в тетрадках «Мама мыла Милу» или куцыми действиями простеньких задач.

Со второго класса начались сочинения и письма. Каждый писал о своем, свое. И буквы стали вырисовываться по-своему: одни сужались и лезли вверх, другие выпрямлялись, лищались привычного наклона, третьи, наоборот, валились набор, мельчали и весело стремились к точке. Буквы вырывались из-под моей власти, и характеры тоже высвобождались из-под моей режиссерской палочки, самостоятельно проявляя себя.

«Купаюсь и дерусь. Мама сердится. Читал «Два капитана». Здорово! Но все равно хочу быть инженером, как папа...» — растопырились, разбегались Славкины корявые, каждая — произведение искусства! — буквы. Буквы рассыпались. И я не сумела за все наши общие годы их собрать в почерк: каждая живет сама по себе. Особенно Слава любит букву «в». Толстая, выведенная почему-то жирно и значительно, она нагло лезет даже за самую верхнюю линейку. «Мы нашли каску, прямо до рта: А вчера она исчезла. Жалко, такой ни у кого нет. Мы с Андрюшкой поспорили, кто больше вырастет за лето. Каждый день отмечаем, только Андрей вчера опять встал на цыпочки. Вы уж ему скажите...»

Андрей, Андрюша — так я всегда мечтала называть своего сына.

А новенький мальчик с синими глазами, Андрей, мне совсем не понравился. Отвечал он здорово, лучше всех, рассказывал о лесе и называл не известные никому растения вроде кипрея, вроде гравилата городского, у которого корни, если их высушить, похожи на корицу и гвоздику... Он отвечал звонко, весело, словно лес для него раскрыт до последней букашки и последней травинки. Мы все, забывшись, слушали. Очнувшись я, когда он шел к своей парте. «Пять», — выдохнула я. А через несколько дней он на моих глазах дрался. Когда он дрался, нижние зубы налезали на верхнюю губу, лицо перекашивалось, он, не глядя, бил и бил с остервенением, в забывши, для него переставал существовать живой человек, он видел только места, в которые нужно было бить. Когда он играл в шахматы, руки, передвигавшие фигуры, дрожали, высокий лоб морщился, колючий взгляд дырил в доску вместе с противником. И снова нижние зубы лезли на верхнюю губу. Становилось промозгло и бессмысленно на душе, когда я смотрела, как он играет в шахматы. Однажды ребята бегали наперегонки. Он прибежал третьим и, возвращаясь на место, со всей силы, остервенело оттолкнул Зойку, попавшуюся ему на пути. Зойка шлепнулась и недоуменно, потерянн оглядывалась, что это мог сделать, а он шел себе спокойно дальше, подбавляя ногой пыльные маты и посвистывая. Много месяцев потом, когда он тянул руку на уроках, я отворачивалась. Прошел трудный год, прежде чем Андрей увидел чужие глаза и научился писать письма.

Он писал письма длинные и подробные, аккуратным почерком, каждое заканчивал одним и теми же словами: «Я такое узнал! Приеду расскажу!»

Зойкины буквы круглые, как ее глаза. «Любой зверь умеет думать и переживать, просто мы об этом ничего не знаем... Я хочу работать в зоопарке, чтобы все звери были всегда сыты».

Запах свежей краской, известкой, пылью, в которой прыгал воробей. Тебе, Ангина, не писали таких писем. Как же я без Славки, без Зойки, без Андрея?

Я держала в руках ребячьи письма, и ребята словно толпились возле, гомонили на разные голоса. Я снова была с ними, а Ангина оказывалась ни при чем. Как это ни при чем? Из-за нее я должна расстаться с ребятами и начать неведомую мне новую жизнь.

Собственно, почему она смеет решать мою судьбу? Только потому, что она директор?

Уныло понимаю, выхода у меня нет. Все разговоры с Ангиной приведут к еще большому конфликту. Чуда ждать нечего — детей моих она мне не даст.

А раз так, зачем я читаю письма? Нужно увязать их в пачки и перестать мучить себя.

Сперва разложу по годам.

Эта работа оказалась непосильной: писем было так много, что мне пришлось бы разбирать их целую неделю. Тогда я стала связывать их в пачки по двадцать штук. Скорее убрать подальше ребячьи голоса, рожцы, мысли, привычки...

Странно щемило сердце. Ощущение было такое, что я саму себя затягиваю бечевой и предаю так беспомощно и безжалостно забвению.

Одно легкое желтенькое письмо выпало из пачки. Это Вадька. Написал-то всего-то один раз, кажется, во втором классе. «В лагере мокро. Мы целый день играем в дурака. Вчера дождь перестал. Был футбол. Я вратарь. Больше ничего уминя не случилось». Он так и написал «уминя». Не доучила я Вадьку — ни задачи не научила решать, ни ошибки грубые из сочинений не выселила.

Высокий, рыжеволосый, в веснушках, Вадька словно появился в моей комнате, среди моего бедлама.

...Ему шесть лет. Он боится идти домой. Варезку одну потерял, торчит красный онемевший кулачок. Вадька дышит на него, сует пальцы в рот, но пальцы не отходят, не движутся. Хотя на минуту почувствовать их! Вадька стаскивает с теплой руки варезку, надевает на эту. Тут же ледяным огнем охватывает другую. Вадька хочет есть. Пожевал варезку — горько-соленая. Вадька хочет спать. Но он не может идти домой. Совсем разорвано пальто, через всю щеку — от правого глаза до подбородка кровоподтек, на лбу шишка. Сегодня Вадька воровал. Велели Дрында и Хлыщ. Подумаешь, ну, стащил-то всего три кочана. Капуста была белая и крупная. Он бы и не стал вовсе, если бы ему не пообещали эскимо. А потом показали фигу. Он потребовал — тогда его крепко побили.

Вадька залезает в чужие подъезды, тычется к батареям. Но согреться не успевают — обязательно кому-нибудь нужно входить или выходить. И Вадька выкачивается из подъезда. Ну и пусть. В тепле еще хуже болят ссадины, еще больше хочется есть и спать.

Все-таки решился: отправился домой. Надвинув шапку на щеку, боком пролез через кухню. Соседка косо ухмыльнулась: «Шатается полуночник. Мать с ума...» Но Вадька уже не слышал, он плотно закрыл свою дверь. Другая соседка наверняка спит, а то бы тоже вылезла — их двери рядом, а перегородка тонкая. Матери и отца нет, зато есть котлеты. Целых три! Потом нашел молоко. Наконец-то чуточку согрелся. И сразу начала печь щека. Стерпел, сдернул пальто, уселся зашивать его. Но иголка воткнулась в палец. Вот теперь Вадька заревел. Когда били, молчал. Когда есть и спать хотелось, молчал. Когда замерз, молчал. А тут уткнулся в подушку и загудел. Заглянула соседка: оказывается, не спит.

— Нашелся? Чего ж реवेशь? Мать носится по милициям. Пороть вас надо смертным боем...

Вадька уснул в слезах. Все лицо горело. Приснилось, как он бьет Дрынду, а потом двухметрового Хлыща. Снизлась капуста. Много капусты. Белая, крупная. Она катилась по полу. Она сыпалась с неба и болсно стучалась о его голову.

...Спустя три года, в одно из радостных наших чаепитий — кажется, мы праздновали чей-то день рождения — Вадька поведал мне об этом своем «подвиге». Мы с ним вдвоем мыли чашки. Лилась холодная вода, и под ее веселое паденье Вадька несвязно рассказывал.

Порвал ли он до конца с Дрындой и Хлыщом? Этого я не знаю. Я знаю, что у него до сих пор ошибки в сочинениях... Как же я брошу Вадьку?

Письма укладывались безмолвными пачками, с ними вместе умирала, переживая бечевками, моя прошлая жизнь.

В комнате сумрачно. Солнце приходит в нее днем, с двух-трех часов. В комнате холодно. Я одна, совсем одна в комнате. И тишина. Молчит телефон. Мои дети соблюдают чепуху и рюкзаки. С сегодняшнего дня они свободны от меня. Первое июня. Во всех школах и в нашей десятиклассники пишут сочинения, а маленькие дети уезжают отдыхать.

От меня они уезжают навсегда. Никогда больше я не увижу их.

Мне бы не мучить себя, не беречь, а руки сами тянутся к пластилиновым и желудевым человечкам, к кораблям, к тетрадкам с сочинениями. Теплая тяжесть дорогих вещей наполняет меня покоем: я снова с ними связана искренностью доверия. Стоит мне сейчас подойти к телефону, и я услышу каждого, кого захочу. Они со мной.

Открываю верхнюю в стопке тетрадь.

«Я буду геологом. Не из-за славы я пойду на риск, а бескорыстно: хочу приносить пользу людям собственным здоровьем, собственной силой. Нужно очень много работать над собой...» Летящие некрасиво, чуть суженные буквы. Фразы прерываются. Почерк, как поэмка. Стремительный, рвущийся к точке, он кружит мне голову. Верю: Ваиз будет сильным.

Низкие, ровные, четкие буквы: «Я хочу сделать искусственное солнце. Потому что хоть и через сто миллионов лет, когда я и миллион поколений умрет, все равно мне не хочется, чтобы земля и другие планеты солнечной системы стали мертвыми, как луна, и полетели в бездну. Я хочу, чтоб жила память людей. Поэтому я хочу сделать искусственное солнце. Но не временное, чтобы все равно потом начиналось все сначала, а настоящее!»

Андрей, Андрюша. Так я всегда мечтала назвать своего сына. Чтобы были у сына синие глаза, чтобы дрался мой сын понарошке, как Славка.

Снова беру в руки Ваизкину тетрадь. Он любит рисовать на промокашках, а я прячу их, эти промокашки. Розовые, белые, синие — ступеньки с первого класса. Вот наш переулочек. А вот снег и человечек стоит среди домов один. А вот пляска. А вот воробей. Да, еще была кошка с хитрой мордочкой. Вот она, кошка. Один ее глаз подмигивает мне. И весело торчат чуть закрученные усы.

Что же он теперь нарисовал? Посередине желтой промокашки — огромный круг, к нему приклеены белые, сужающиеся к концам лепестки. Ромашка!

Закрываю глаза и понимаю, что они уходят от меня навсегда, уходят в другую

жизнь. Нет, не буду я звонить ребятам, беречь их не буду. Еще одна наша встреча ничего не решит.

У меня дрожат руки, когда я аккуратно складываю тетрадки. Я перевязываю их бечевкой, прячу на антресоли. Собираю учебники и тоже перевязываю бечевой. Нужно все, имеющее отношение к детям, убрать подальше. Как много не успела я доделать, как много не досказала, не додумала вместе с ними, не дорешала!

И пусть. Я попрощалась с ними. Теперь пусть они без меня идут по коридорам и переулочкам. Я перевернусь на дневное, закончу университет не за шесть лет, а за пять, буду просто студенткой. А потом начну все заново.

Резко звонит телефон.

Кому я сегодня понадобилась?

— Скорее в школу. Тебя вызывает Ангина. Бе-е-шеная!

Это Ольга Семеновна, из соседнего класса.

— Что случилось?

— Она молчит. Ты беги, она велела: «Срочно!»

Каждый раз мне очень тяжело в кабинете Лидии Петровны видеть Ангину. Неохотно открыла я тяжелую дверь, заглянула. Ангина тут же привстала над столом и так застыла.

— Ну!

Я подошла, остановилась против нее.

— Ну? — переспросила она.

Я никак не могла понять, что означает ее «ну», ее замершая поза, ее налившаяся краснотой неподвижность.

Как всегда в отношениях с ней, я и теперь избрала наступление. Уселась в кресло независимо, положила ногу на ногу, уставилась на нее не мигая.

— Вы меня вызывали?

Мне терять было нечего: я твердо решила первый класс не брать, и в сумке лежало готовое заявление об уходе, которое, я была уверена, она молниеносно подпишет.

— Довольна? Устроила красиво? — Впервые я услышала ее истинный голос, истинный, беспримесный, ее крик. — Ты устроила? Организовала? Всех сорок подговорила? Подстроила?

Она осела внезапно в кресло, и синеватая краснота сменилась бледностью. Сейчас за директорским столом сидела старая, измученная, оскорбленная женщина. В опущенных плечах ее, в седых спиральках, как всегда победоносно вскинувшихся надо лбом, была такая неистребимая печаль и усталость, что вся моя независимость моментально исчезла.

Они вместе учились в гимназии, Настя и Лида, вместе стали преподавать в одной школе. Они обе любили одного человека... Мертвым грузом спавшая во мне информация неожиданно ожила сейчас. Почему я позабыла, что Анастасия Григорьевна — лучшая подруга Лидии Петровны? За что-то ведь та любила ее?! Что-то видела в ней, чего не увидела я, если всю жизнь была рядом?

Передо мной несчастная женщина. Почти физически я ощущала, как моя ненависть к ней прорастает жалостью. А когда ненависти, обиды на нее совсем не осталось во мне, я обрела способность действовать. Я не знала, что натворили мои дети и в чем я сама виновата перед ней, — но сейчас я готова была сделать для нее все, что угодно. Я вскочила, кинулась к воде.

— Анастасия Григорьевна, у вас с сердцем плохо. Давайте позову врача. — Я поднесла к ее дрожащим губам стакан с водой, ждала, когда она станет пить.

Из глаз ее сползли по бледным щекам мутные слезы. Она не стыдилась их, и они становились все обильнее и крупнее, эти мутные слезы очень старого, очень усталого человека.

— Анастасия Григорьевна! Милая! Успокойтесь. Все поправится. Вот, выпейте воды. Ну, пожалуйста, — без передышки говорила я, понимая, чувствуя лишь одно, что она — единственный на всем свете близкий человек Лидии Петровны и что судить ее, ненавидеть я не имею права. Я должна жалеть ее, несчастную! — Все устроится, я прошу вас, не плачьте, ну, выпейте воды, вот у меня валерьянка есть, случайно. Вы успокойтесь.

— Скажи только одно, — услышала я мокрый старый голос. — Это ты подговорила их пойти в роно?

Я растерянно выпрямилась. В роно?

— Кто ходил в роно? Ребята? Как вы сказали — «всех сорок подговорила»? Что ребята делали в роно? Что они в роно натворили? — испуганно спрашивала я, ничего не понимая.

— Мне приказали дать тебе твой класс. Но, — Анастасия Григорьевна снова налилась бурой краской, снова закричала: — но ты будешь вести всего лишь два урока из девяти, только литературу! Русский я тебе не дам! Так я и в роно заявила — образования нет, ты не справишься с русским! Я тебе все испорчу, все, ты у меня попляшешь. Что ты сделаешь за два часа в неделю? Ни-че-го!

Страх полз по мне холодом: глаза ребят уже казнили меня равнодушием: в самом деле, что я успею дать им за два часа в неделю? Рассказ прочитать — нужно час. Поговорить о нем — нужно минимум два урока. Сочинение написать — нужно два урока. Страх сковал меня холодной кожей.

С мольбой я склонилась к Анастасии Григорьевне, спросила:

— Как же... — замолчала.

Ангина сидела в кресле откинувшись, на бледном, еще не просохшем лице торжественно ненависть и злорадство.

Страх мой тут же растворился в ее ненависти и злорадстве, жалость к ней, сострадание, симпатия умерли. И я снова была свободна от Ангины. Почти равнодушно я поинтересовалась:

— А что они там устроили?

Раздельно, тихо, вкладывая всю сотрясающую ее ненависть, словно наслаждаясь ею, она сказала:

— Явились к девяти утра, потребовали самого главного и объяснили ему, что ты за фрукт.

Я испугалась. Этого еще не хватало!

— Что же они наговорили?

— Я, конечно, тоже объяснила, что к чему, — раздался дребезжащий радостный смех, — объяснила, какое такое отношение ты имеешь к педагогике...

Мне стало очень спокойно. Спасибо Ангине за ее стойкость по отношению ко мне. Как хорошо, что меня не будут мучить угрызения совести. Сама жизнь дарила мне опыт, потому что было главное в нашей встрече с Ангиной, была острая головокружительная радость — я остаюсь с ребятами. Неважно, на каком положении — я остаюсь с ребятами, потому что они, все сорок, тоже захотели не расставаться.

— Спасибо, Анастасия Григорьевна! — сказала я покорно. — Я очень благодарна вам.

— Подговорила, подстроила... — неслось мне вслед, но этот крик уже не был криком, голос Ангины был глух и растерян.

Михаил ПЕТРОВ

Михаил ПЕТРОВ заведует литературной частью Калининского ТЮЗа. Очерки молодого писателя часто появляются в газетах и журналах, он участник зонального совещания молодых литераторов Нечерноземья в Костроме.

ИВАН ИВАНОВИЧ

в земле

ЗА ГОРАМИ, ЗА ДОЛАМИ

Живет Иван Иванович Смирнов за горами, за долами, за широкими лесами, недалеко от истока Волги. Древние греки те горы называли Будинскими, русские летописцы те леса называли Оковским лесом, а коли вам сегодня доведется поехать туда, берите билет на поезд Москва—Осташков до станции Пено. А от Пено до деревни Ивана Ивановича рукой подать—километров пятьдесят. Если удастся втиснуться в автобус, за красотами вальдскими и не заметите, как доехали. Дорога идет по лесам, по холмам, берегами рек и озер. Озер тут не счесть. Не успеешь одному подивиться, сквозь темную хвою другое светится. А названия какие: Светлое, Черное, Видбинское...

Иван Иванович заведует сельским Домом культуры, в недавнем прошлом обыкновенным сельским клубом. Нечасто встретишь молодого мужчину, который нашел бы свое призвание в сельском клубе. А Иван Иванович работает на этой должности без малого пятнадцать лет. Как после службы в армии принял клуб, так и работает. И профессии менять не собирается.

Живет Иван Иванович в полутора километрах от Ворошилова, в деревеньке Малые Переволоки. Под столетними дубами стоит дом его, окна—на озеро. То нежно-голубое, то малиновое, с поволокой туманов, то блестящее и живое, как ртуть, то стальное, суровое, то черное и грозное, озеро Видбинское будто зеркало души здешнего края: чуть изменилась погода—дохнул ветерок или пал туман—озеро уже отразило перемену. Связь человека и озера здесь самая непосредственная. Нежной, тихой водой поливают огороды, зачерпывая ее с мостков, ласковую, животворную, и несут на коромыслах, роняя в прибрежные травы; в малиновой рыбу удят; на черную с тревогой поглядывают. «Ну, разгулялось. Хотела за водой сходить, схожу завтра, пускай поутихнет». И мнитесь: напейся из такой стихии, глотни от черной волны—сам разгуляешься не хуже озера. А Иван Иванович смеется: волна воду у берегов перебаламутила, как же ее, мутную, пить?

За пятнадцать лет слава о Ворошиловском сельском Доме культуры и его заведующем шагнула далеко за пределы Пенковского района. Здесь лучший в районе народный хор, лучшая агитбригада, лучшая комната боевой славы, лучший совет клуба. Правда, за эти годы скромный сельский клуб превратился в Дом культуры, а Иван Иванович попутно стал еще и директором сельского краеведческого музея, который он сам же за эти годы собрал. И какой музей! Коллекции редких монет, документы истории, иконы, старинные книги, предметы быта—сотни экспонатов, собранных Смирновым в родной округе. Музей занимает сегодня оба этажа бывшей дачи лесопромышленника Лина, его посещают тысячи посетителей в год. (Недавно приветствовали тридцатитысячного посетителя.) А Ивану Ивановичу все мало. Задумал посылки в деревне возродить. И возродил.

Таков Иван Иванович.

Приезжаю я как-то к нему осенью, а он копает в огороде картошку. Вилами. Это в то время, как вся деревня роется в земле копылами—орудиями труда, похожими на примитивную мотыгу. Кто жил в деревне, знает, как консервативна она в отношении хозяйственных дел. Коли повелось от дедов и прадедов копать картошку копылом—и будут копать копылом, хоть работать им тяжело и неудобно, а главное, малопродуктивно. Иван Иванович взял и сменил копыл на вилы. Теперь уверяет всех, что это быстрее, легче и картошки режется меньше, чем при копке копылом. Деревня пока приглядыва-

ется к новшеству, хмыкает, задирает новатора, а Иван Иванович копает себе невозмутимо, и я уверен: года через два-три копыл займет место в краеведческом музее.

Он знает самые сокровенные потребности крестьянина, все его думки, все: из-за чего тому не спится, что его заботит. Он знает это потому, что сам живет одной с ними жизнью. И у него хворает свинья, и он бежит в ночь, в полночь к ветфельдшеру, просит ее христом-богом, чтобы поделала болезной уколы, подняла на ноги; и у него огурцы требуют поливки, и картошку поражают болезни, и ему нужны на зиму дрова и сено...

Только не погрязает Иван Иванович во всем этом. После трудов праведных умоется чистой озерной водой, причешется, наденет белоснежную водолазку, отутюженные брюки, модные туфли и превратится из Ванюшки, как его называет мать, в Ивана Ивановича. И всякий раз Александра Михайловна отметит это превращение тем, что обратится к нему по имени-отчеству:

— Ты сегодня хлеба не покупай, Иван Иванович.

Наверное, нелегко даются ему эти превращения. Недаром Александра Михайловна сказала мне с грустью:

— Вот умру—бросит он дом и огород. Из-за меня

все держит. Меня жалеет. А у самого здоровье неважное. Особенно после операции.

Иван Иванович неизменно приветлив, сердечен и не подвержен греху уныния. Случилась беда—сгорел по халатности киномеханика Дом культуры. Ну, думаю, худо Ивану Ивановичу—ни посиделок не провести, ни порепетировать. Являюсь к нему с утешением.

— Как же,—говорю,—ты свои посиделки проводить будешь?

А он мне:

— А так же, как и проводили. В школе, в спортзале.

А ведь, кажется, какой простор для того, чтобы напустить на себя печаль, запустить работу, разбедить себе душу! Главное, ни у кого рука не подымется осудить,—клуба-то нет, сгорел.

СВЕТ НЕЗАКАТНЫЙ

Из детского увлечения Ванюшки Смирнова родился Ворошиловский краеведческий музей. Хотя удивительно ли, что детские страсти в дело жизни перерастают? Мальчишкой увлекся Иван Иванович

собираательством «царских» монет. Позеленевшая от времени денежка, за которую в сельмаге и коробка спичек не давали, обладала волшебной силой. Стоило разжать кулак и показать деду или бабушке, как лица их преображались и начинался рассказ о былом, стародавнем. Дедка с бабушкой принимались спорить, перебивать друг друга. Дед хорохорился, вспоминал о германской, бабушка молодела лицом и вспоминала о ярмарках. Говорили незнакомые слова: «бумаза», «кашемир», «лам-пасеты», «фамильный чай», называли незнакомые фамилии и имена — генерал Брусилов, Столыпин, Петя Дериглазов. На денежку можно было «купить» рассказ о свадебном обряде или о толстой барыне, супруге местного воротилы — лесопромышленника Ликина.

— Приезжали Ликины в Ворошилово на все лето. Отдыхали после петербургской зимы, для балов сил набирались. Барыня у него была толщиной в два обхвата. Бывало, увяжется за баринком на остров чай пить. К лодке сама спустится, а назад, в гору, подняться уже не может. Начинают двое мужиков на гору ее втаскивать. Вот такая здоровущая была...

Того мира с толстой барыней, ярмарками, девичниками, кашемировыми шальями давно не существовало, а вот монетка осталась и даже начинала блестеть, если ее хорошенько потереть о валенок или о печь. Старый, заржавелый светец тоже обладал свойством вызывать воспоминания о прошлом. Бабушка, глядя на него, пригорюнивалась и заводила рассказ о том, как парни и девки откупали на зиму у кого-нибудь избу, собирались в ней по вечерам и при свете лучины пряли, играли в игрища, плясали, пели...

А то запоет бывало:

А ко двору, а кто двору,
А я двору не точу,
С кем гуляю — не скажу,
Кого люблю — не объявлю...

Вот так из позеленевшей денежки, случайно найденной в сельнике, словно из волшебной горошины, и стал расти Ворошиловский сельский краеведческий музей. К монетке прибавилась другая, к другой — третья, к третьей — четвертая, веточка к веточке, побег к побегу, а на каждой веточке по песне да по рассказу, по сказке да по были, и скоро тесно стало коллекции дома. А тут как раз место заведующего клубом освободилось. Иван Иванович и пришел туда вместе со своей коллекцией...

Но не сразу и не вдруг детское увлечение осозналось важным делом. Сначала жизнь скорее препятствовала увлечению, томила его серым однообразием. Если уж в городе человек греху уныния и скуки подвержен, что говорить о деревне? Иногда взывать от деревенского однообразного жителя-бывающего. Долгое время неинтересными, какими-то обыкновенными казались ему люди, знакомые с детства, обыденными, недостойными внимания и участия казались их дела и заботы, примитивными — отношения и обычаи, устаревшими — деревенские праздники и игры. Все необыкновенное, значительное грезилось где-то там, за дальними далями...

Пока душа пребывала в этом сне, время не дремало.

Жил в соседней деревне Новоселье дедка, который делал гусли. Хорошие, звонкие гусли, не раз видал их Иван Иванович, и слышать приходилось. Когда-то, говорят, дедкины гусли большим спросом в округе пользовались. Но что гусли в век, когда и гармошки на чердаках среди старых валенок валяются? На старого мастера поглядывали с насмешкой, дескать, тоже мне Боян нашелся. Дошло до того, что мастер сам своего умения стесняться стал. Эх, того бы старика да теперь! Бегом бы к нему припустил Иван Иванович, в ноги бы поклонился: «Сделай гусли, дедушка». Спохватился, да поздно: нет уж звонкозвонных дел мастера в живых. И не год, не два ищет Иван Иванович гусли для музея — хоть плохонькие, хоть рассохшиеся. Да будто смерч по округе прошелся: тот гусли выбросил за ненадобностью, у того ребяташки изломали, у этого как стореги.

Улетели гусли.

И детям не показать, чем веселил и волновал сердце пращур, как он десять соколов на стадо лебедей напускал и как струны «рокатаху».

И стали эти упущенные гусли для Ивана Ивановича чем-то вроде символа ветхого отношения к жизни. Что-то упускал сам, а что-то и без его помощи на сторону улетывало.

Здесь, в его краях, пролетали когда-то торговые пути новгородцев. Озера здешние лежат на самом водоразделе. Одни питают северные и западные реки, другие — южные. Чтобы попасть с южного

уклона на северный, ладьи тащили волоком, в опасных местах ставили кресты каменные с письменами. До сих пор край этот помнит то славное время по названиям деревень — Малые Переволоки, Большие Переволоки. По валдайским рекам, по протокам везли мимо них купцы пушнину, воск, лес, украшения, орудия труда и оружие. Кое-что, естественно, падало с возу, оседало в ближних деревеньках. И вот через семьсот лет по этим путям пустилось на поиски предметов старины племя туристов, набивая рюкзаки рушниками, иконами, заливистыми валдайскими колокольчиками, старинными костюмами.

Однажды трактористы выпалили из земли кольчугу и щит. Кольчуга крепко изъела ржавчина, а щит был еще крепок, даже узор кое-где сохранился. Пока дошло это известие до Ивана Ивановича, доспехов и след простыл. Исчезла с опушки и палатка туристов. До сих пор сокрушается Иван Иванович о тех доспехах. Во сне видит: висят они при входе в музей рядом с секирами XVI века.

С туристами — любителями старины — у Ивана Ивановича особый счет. Не со всеми, конечно. С теми, кому история Родины, ее культура — пустой звук, кому ничем ободрали старинную церковь, влезть на чердак к одинокой старушке, у кого одни резоны в жизни — мада и корысть. У таких сердце не охнуло забраться в Отоловскую церковь, что в восьми километрах от Ворошилово, обшарить ее миноискателем, выдрать из иконостаса иконы, оторвать головки лепных ангелов от пилястр, разбить деревянные статуи святых, увести которые не хватило сил. Добрались и до резного иконостаса; о котором писалось, что это, пожалуй, единственно полностью уцелевшая торопецкая резьба по дереву, представляющая мастерство торопецких резчиков. Пришлось спасать ценности. Пешком по заколоченной и замуравленной дороге таскал Иван Иванович на себе из заброшенной церкви в Ворошилово достойные истории родного края, недобрым словом поминая моторизованного, экипированного справочниками «любителя» старины. Нес не домой, чтобы потом изображать из себя спасителя культуры перед кучкой знатоков, сокрушающихся о невежестве народа, нес этим же людям, у которых брал, чтобы поняли, какие ценности валяются втуне. И люди поняли. Не польстятся теперь на пятерик заезжего «спасителя» родимой культуры, сначала в музей принесут, покажут.

Видели бы, как горят глаза деревенских мальчишек перед какой-нибудь древней монетой, кольчугой. Здесь, в родной деревне, открывают для себя: не на равнине живем, на горе. И до нас жили, пели, страдали. Да такие ли еще обычаи были, да такие ли умельцы жили! И возвел их на эту гору Иван Иванович Смирнов. А что может быть для человека важнее чувства истории?

Но большинство наезжих знали цену предметам старины. В рублях, конечно. Ходит такой знаток по музею и мысленно ярлыки с ценой на экспонаты навешивает. А то жизни начнет учить:

— Чудак ты, Иван Иванович. У тебя тут вещей антикварных на два «Москвича». Охота тебе зарплату отрабатывать, бесплатно экскурсии проводить?

Нет, не переубедили его ни в чем «любители» старины, но «благодари» им Иван Иванович понял: история, прошлое народа, его настоящее и будущее не за дальними далями, а рядом, в родных Переволоках, Ворошилове, Заборье, в людях, которые растят хлеб и рубят лес. История открылась ему и в отслуживших век сохе и серпе, в заржавленном светеце и щегольской лампе из фарфора лесопромышленника Ликина, в прялке и ткацком станке, в лаптях и пробитой немецкой каске. И даже в такой сравнительно молодой вещи, как патефон, один вид которого вызывает у людей, переживавших войну, слезное волнение. Он открыл в вещах способность жить дважды. Все эти самовары, колокольчики, светцы, рушники, умерев для практической пользы, оказываются, имели способность воскресать, становясь предметами истории. Впечатление от этого было такое, словно пелена упала, и он будто после этого второй раз родился, наш Иван Иванович. Он почувствовал вдруг, как томится история в старых бабьих сундуках, задыхается в пыли деревенских чердаков, как унижена она на фресках деревенских церквушек гнусными надписями и рисунками. История сурово глянула на него с пожелтевших фотографий военных лет, светло улыбнулась с вышитых рушников. Он разглядел ее и в каменном кресте, который века простоял втуне на протоке около бывшей деревушки Заозерье. Много раз проходил мимо него Иван Иванович. Потом случайно в Ленинграде увидел точно такой же в этнографическом музее и узнал, что это редкий тип креста, который в далеком прошлом ставили рыбаки и купцы в труднопроходимых местах на

удачу. Приехав домой, Иван Иванович поспешил в Заозерье. А крест уже присмотрели туристы и ищут трактор, чтобы выкорчевать его из земли. История явилась ему настолько тесно сросшейся с этим миром, с людьми, с природой родного края, что продать ее или отдать в руки заезжего человека было бы предательством. Недаром, когда сотрудники известного музея захотели купить в Ворошиловском музее редкую икону, Иван Иванович вежливо отказал им. Объяснил, что там, в Ленинграде, она потеряет часть своей самобытности и красоты. Как морской камешек, изъятый из родной волны. Потому что писали икону здесь, на тверской земле, красками, взятыми из этой же земли, в свете белесого северного солнца. Здесь она и должна представлять свое время.

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Но не подумайте, что Иван Иванович занят только вчерашним днем. Нет, он смотрит и в день завтрашний, заглядывая далеко в будущее. В мечтах у него совершенно особый музей — музей, где нашли бы себе место родословные его земляков-ворошиловцев: хлеборобов и лесорубов, учителей и врачей... Хочется Смирнову, чтобы музей этот отразил жизнь каждого живущего здесь человека: кем он был, как жил, какими делами украсил свое имя, о чем мечтал. Вот так задумал Иван Иванович начать подлинную летопись своего края и хотел, чтобы летопись эта дополнялась каждым последующим поколением. Чтобы и через два и три века какой-нибудь праправнук Прокофьева мог прийти в музей, открыть летописи своего родового села и узнать, какое место занимает он сам на генеалогическом древе Прокофьевых, чем занимались Прокофьевы на протяжении последних двухсот — трехсот лет, какими талантами прославились, каковы были склонности. Может, он будет поэтом — так не радостно ли будет ему узнать, что прапрапрадед его Иван Григорьевич тоже был не чужд музам, сочинял частушки. И в другое время мог бы и поэтом стать, да война обездолила детство, да жизнь оделила непозитивскими заботами.

И хочется Ивану Ивановичу, чтобы отныне не в слабом лучинном свете устного предания протекала жизнь человека, а осветилась бы ярким светом документа — летописи. Только ли Рюриковичам иметь свои родословные? Мало ли в простых русских семьях бывало людей именитых, только забывалось все быстро. Не пришла ли пора начать историю каждого человека? Плохо ли будет, если каждый получит возможность поклониться своему корню, оглядеть уходящее в века, широкое древо своего рода? Это ли по-хорошему не укрепит его в жизни?

Занимаясь вчерашним днем, Иван Иванович ищет там не пепел, а огонь. Взять хотя бы такую страницу летописи родной округы, как война...

Не всякой вещи под силу стать символом своего времени, хотя время и отражается во всех порожденных им вещах. Суровы и аскетичны вещи войны. Суровы и аскетичны книги, опечатанные на серой, суровой бумаге, тусклой, тощей краской, суровы самодельные зажималки и копилки, сделанные из гильз. Но не они стали символами войны в Ворошиловском музее. Ими стали фотографии ворошиловцев, не пришедших с войны. А не вернулось их больше, чем живет сейчас в селах нашего сельсовета взрослых мужчин.

Сам Иван Иванович помнит войну как детский тревожный сон. Два-три воспоминания переплелись в его памяти с рассказами матери и деда, с семейными преданиями о подходе немцев к Ворошилову, о бомбежках, канонаде, о торопливых сборах беженцев. Война уничтожила самых близких — отца, дядю, двоюродного брата Мишу. Он не помнит никого из них. Ему не было и восьми месяцев, когда ушел на войну отец. Но иногда ему кажется, что он всех их помнит. Помнит, как провожали отца, как мать закапывала в огороде домашнюю утварь, как в доме деда жили немцы, как брат Миша копал себе могилу и как потом его расстреляли на глазах у плачущих баб — семнадцатилетнего кудрявого разведчика-партизана. Помнит потому, что не было дня в его жизни, чтобы мать не поговаривала о ком-нибудь из них.

Об отце она говорила всегда, как о живом, и всегда хорошее. Двоих сыновей вырастила одна.

— Хорошо, что Ваню Ваней назвали, — горько-радостно говорит Александра Михайловна, — как чувствовали, что война будет... Так письма ни одного и не получила, ни одной фотокарточки...

Иван Иванович сидит напротив матери, и по лицу его видно, что слова эти знакомы ему с незапамятного детства, как знакомы столетняя липа под окнами, как эта всхолмленная земля, как влажный

осенний ветер, возвращающийся сюда каждую осень, и мне приходит в голову мысль: «Не из этой ли материнской верности и тоски по несбывшемуся родилось его влечение к документам войны? Не отцовское ли неполученное письмо хотелось найти втайне от самого себя? Кто знает, может, когда они были в бегах, приходило-таки письмо, да не застало их дома?..»

Память о войне. О цене этой памяти узнавал, обходя дом за домом, деревню за деревней, собирая материалы для комнаты боевой славы. Письма и фотографии отцов, сыновей, мужей извлекались из семейных архивов как самое дорогое, что было в доме. Так же бережно относился к ним и Иван Иванович. Но случались и потери. По ним еще больше узнавал, как дорога людям память о войне. При пожаре в Доме культуры спорела фотография погибшего фронтовика. Фотография была единственная, Иван Иванович с трудом выпросил ее у вдовы для пересъемки. Когда вдова узнала о несчастье, она пришла на пепелище и стала плакать. Тот плач — в сердце Ивана Ивановича. Он в сердце вместе с образом другой односельчанки, которая приходит в музей глянуть на фотокарточку своего жениха, погибшего в первые дни войны.

— Дай-ка мне, Иван Иванович, моего Гришку посмотреть.

Иван Иванович подаст ей фотографию, она посмотрит, вздохнет по-бабьи, заплачет.

Иван Иванович сам порой не выдержит, уйдет за перегородку и постоит в волнении перед окном — так обожжет его это горькое свидание с юностью. Попробует представить, о чем думает, что переживает в эти минуты пожилая уже женщина, мать семейства, и разволнуется еще сильнее. Ему-то хорошо знакома тоска по несбывшемуся — детство прошло без отца, мать прожила без мужа. Правда, у этой женщины тоска, наверное, еще горше — прожила с мужем, есть дети.

Не с тем мужем.

Не от того дети.

Сколько таких незримых трагедий оставила война?..

Долго собирал фотографии своих земляков, их письма и документы Иван Иванович. А когда однажды солдаты глянули со стен музея на своих односельчан, стон прошел по округе. Не просто сын узнал себя в погибшем отце, а внук в деде — поколение живых глянуло в глаза поколению тех, кто защитил их жизни. Люди уходили из комнаты боевой славы потрясенные, со слезами благодарности на глазах. Они благодарили Ивана Ивановича, а он разглядел в их глазах еще и покой. Покой, рожденный тем, что память об их сыне, брате, отце, а значит, и о них самих не погибнет.

Экспонаты музея исчисляются сотнями. Комната боевой славы, экспозиции по этнографии, краеведению, коллекции антикварных предметов — богатству сельского краеведческого музея позавидует иной государственный. Но главное — не количество экспонатов, главное — кровная связь их с родной округой. Они и не экспонаты вовсе. Это сама память о прошлом. Ведь о каждой вещи, фотографии здесь известно все: когда и зачем была эта вещь сделана, кому и сколько служила, где жил или живет ее хозяин. Оттого-то в сельском музее и не бывает пусто. Оттого благодарные посетители испускают ежегодно по целой книге благодарных отзывов.

Зайдут школьники, сгрудятся у витрины с монетами или со старинным оружием — и выйдут на улицу с живым блеском в глазах.

Завернет старушка, задумается какой-то горькой думой, утрет уголок платка глаза и поспешит по своим делам — в магазин или домой.

Зайдет седовласый ветеран, остановится в комнате боевой славы у стенда, на котором молчат фотографии тех, кто не вернулся в родные Переволоки, Заборье, Ворошилово, глянет в глаза сверстникам, похороненным где-нибудь под Варшавой, Веной, Берлином, задумается и уйдет просветленный: не погибла память о его времени. О нем. И не погибнет, пока есть этот музей, хранитель и боевой, и трудовой, и национальной славы крохотного уголка России, что в сердце родной страны.

Память земли родной прежде всего, конечно, несет Иван Иванович молодежи. Ибо она, эта память, — одна из основ той высокой духовности, без которой трудно будет, даже вооружившись самой современной техникой, сделать на земле Нечерноземья предначертанное партией.

Сегодня в Ворошилове нет отбоя от туристов и коллекционеров, наезжают сюда искусствоведы, журналисты. И я там был, мед, пиво пил, по усам бежало, а в рот не попало. Приехал как-то летом на посиделки, а меня на смех — посиделки-то зимой бываю, летом здесь работают...

Калининская область

МУЗА В РАБОЧЕЙ СПЕЦОВКЕ

Литературное объединение «Высота» существует около тридцати лет. Частыми гостями здесь были Назым Хикмет, Михаил Светлов, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Василий Казин и многие другие известные поэты, прозаики, деятели культуры.

В нашем литобъединении начинала Татьяна Кузовлева. Совет по работе с молодыми авторами при Союзе писателей СССР присутствовал на занятии «Высоты», на котором обсуждалась рукопись сборника стихов монтажника Юрия Денисова. Прочитал эту рукопись Ярослав Смеляков, который и содействовал ее публикации. В издательстве «Молодая гвардия» вышли две книги молодого поэта.

Юрий Денисов первым получил премию за лучшую книгу года. Столяр Павел Маштаков, электрик Владимир Лякишев, высотник Вячеслав Комиссаров и другие окончили Литературный институт имени А. М. Горького. Вадим Ковда, Владимир Шленский, Сергей Суша, Валерий Пряхин, Альберт Федюлов, Альберт Кравцов выпустили в свет сборники стихов. Стихи экскаваторщика Виктора Смирнова-Фролова широко публиковались в периодике. В издательстве «Молодая гвардия» готовится его первый поэтический сборник.

Много добрых слов можно сказать о монтажнике Валерии Хатюшине, крановщике Георгии Петропавловском, архитекторе Вере Дмитриевой, лаборанте Борисе Агееве, студентке Ирине Путиевой, слесаре Николае Новикове, строителе Николае Кушнере.

«Высота» не только коллективно выступает со страниц печати, но и перед строителями в общежитиях, домах и парках культуры.

Идет постоянный поиск молодых талантов. С признательностью думаем о великом пролетарском писателе А. М. Горьком, который не только глубоко ценил беседы с подающими надежды молодыми писателями, но и стоял у истоков рабочих литературных объединений в нашей стране.

Михаил БЕЛЯЕВ,
руководитель литобъединения «Высота»

Петр ДЯТЛОВ,
первый староста литобъединения

Николай НОВИКОВ,
слесарь

Николай КУШНИР,
инженер-строитель

Твоя профессия

Отцовская шинель

Нет профессий ни простых,
ни сложных.

Выбирают их, как имена.
Полюбить из них любую можно,
А тебя полюбит ли она?
Вот хотя бы с простенькой поковки
По эскизу сделать молоток.
Если нет ни силы, ни сноровки,
Поломаешь голову, браток.
Попотеешь даже
И устанешь,
Без привычки это тяжело:
То напильник слушаться не станет,
То сломашь как на грех сверло,
То размер возьмет да и обманет —
Запорол! А натворил на грош.
Взял бы брак, унес его в кармане,
Разве стыд в кармане унесешь?
В деле все доступно, все возможно:
Подковать блоху, отлить слона.
Полюбить профессию несложно,
Вот тебя полюбит ли она?..

Была мишенью в перестрелке,
Горела в огненном кольце.
Теперь висит в избе на стенке,
Напоминая об отце.

Через свинцовые метели
Он в ней прошел по всей Руси.
Но пули те, что в нем засели,
Шинель не дали доносить.

К шинели подойду — услышу
Отца дышанье в тишине...
Он словно на минутку вышел,
Шинель оставив на стене.

Вера ДМИТРИЕВА,
архитектор

Нерожденному городу

Первый шаг твой —
Он не скоро будет:
Сотни планов, чертежей, листов.
И еще не скоро нас разбудит
Первый крик рабочих поездов.
Как тебя мне раньше не хватало!
Ты моих надежд не обмани.
Ты ведь знаешь, что твои кварталы —
Это все бессонницы мои.
И с каким благоговеньем ждем мы
Первых строек, первого огня...
Здравствуй, город!
Здравствуй, нерожденный!
Весь ты здесь, на кальке у меня.

Владимир ЛЯКИШЕВ,
электромонтер

Космическое

Я убежден: наступит день и час,
Когда не космонавты, а поэты
Отправятся на дальние планеты
За новыми сюжетами для нас.

К тому идет!
Россия, мать моя,
Не зря твои сыны, собой рискуя,
Упорно, планомерно атакуют
Загадочного космоса края.

Он недалек, тот год, и день, и час,
Когда не космонавты, а поэты
Отправятся на дальние планеты...
Прислушивайтесь к сообщениям ТАСС.

Валерий ХАТЮШИН,
монтажник

Лопата

Он, рожденный среди нас экскаватор.
На лопату глядит свысока.
А старинная эта лопата
Потихоньку прошла сквозь века.
И до нас в поколениях стойко
Сохраняла значение свое.
Никакая великая стройка
Не смогла обойтись без нее.
Согревала в любые морозы
И меня укрепляла в труде.
Если где-то бессилён бульдозер,
То лопата всеильна везде.
Мы сдружились, сработались с нею...
Только будет пора, сознаю:
Все ж поставят лопату в музей —
Черный хлеб мой и гордость мою.

Виктор СМРНОВ-ФРОЛОВ,
экскаваторщик,
участник VII Всесоюзного
совещания
молодых писателей

Трясогузка пружинила
Возле наших ковшей.
Червяков собирала
Для своих малышей.

Что за смелость у птицы?
Лечь под ковш норовит,
Чтоб птенцам своим малым
Червяков раздобыть.

Газ я сбавил немного
И припомнил опять,
Как в войну нас кормила
Исхудавшая мать.

Белые ночи в Салехарде

Сюда в июне прилетел.
Весне был здешней рад.
На этой вечной мерзлоте
День — сутками подряд.
Уж лучше день, чем тьма и тьма.
Июнь здесь, словно март...
Мне снятся здешние дома,
Мне снятся Салехард.

ПРОБЛЕМЫ И КОНФЛИКТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИСТА И СОЦИОЛОГА.

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

В проекте ЦК КПСС к XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» записано: «Проводить эффективную демографическую политику, способствовать упрочению семьи как важнейшей ячейки социалистического общества...». Этим подчеркивается неослабное внимание партии и правительства к проблеме народонаселения, важнейший аспект которой — рациональное использование трудовых ресурсов, особенно в связи с тем, что ученые предсказывают их сокращение в 80-е годы.

Известный социолог В. Переведенцев в своей статье рассматривает вопросы адаптации сельских переселенцев к городу, превращения сельского жителя в горожанина — вопросы, тесно связанные с трудовыми проблемами страны. Обращаясь к известным литературным произведениям, ученый исследует происходящие в них конфликтные ситуации с точки зрения влияния на человека некоторых объективных экономических и социально-психологических процессов. Значит ли это, что литература может быть объектом конкретных социологических исследований? Конкретных — нет. Но если писатель, вглядываясь в человека, обладает социальной зоркостью, то его произведения могут дать ценнейший материал для научных обобщений.

Вот как, например, различались некоторые союзные республики в целом по интенсивности миграции их сельского населения в города страны в 1974 году, то есть в самой середине последнего межпереписного периода*:

Республики	На 1 000 сельских жителей	Было	Прибыло	Чистый
		из села	в село	отток
Белоруссия	38	13	25	
Россия	47	23	24	
Литва	37	13	24	
Казахстан	32	15	17	
Грузия	9	3	6	
Узбекистан	9	5	4	
Таджикистан	10	6	4	
Туркмения	8	4	4	
СССР в целом	34	17	17	

* Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1978, с. 461.

возрасте до 25 лет. И на все эти чрезвычайно важные — и для самого человека и для общества в целом — события сильно влияет и перемена места жительства. Если, скажем, человек решил получить высшее образование, то он неизбежно должен переехать в город, где есть институт.

Сегодня у нас разговор пойдет лишь об одной проблеме, с которой неизбежно сталкивается каждый сельский житель, переселяющийся в город.

«Так у меня вышло к сорока годам, — писал Василий Шукшин, — что я ни городской до конца, ни деревенский уже. Ужасно неудобное положение. Это даже не между двух стульев, а так: одна нога на берегу, другая в лодке. И не плыть нельзя, и плыть вроде как страшно. Долго в таком состоянии пребывать нельзя, я знаю — упадешь».

О чем говорил писатель? Об адаптации сельского человека к городу, городскому образу жизни, о перестройке человеческой души. А вот как о том же самом говорит научный работник. «Сложность адаптации сельского мигранта состоит в том, что при переходе от сельского к городскому образу жизни усвоение новых ценностей и шаблонов поведения не просто добавляет последние к ранее уже интернали-

XXVI
НАВСТРЕЧУ
СЪЕЗДУ КПСС

ВСТРЕ

Ежегодно в Советском Союзе из села в город и из города в село переселяются миллионы людей. Чистый прирост городского населения за счет села за девять лет перед переписью 1979 года составил 15,6 миллиона человек, в среднем по 1,7 миллиона за год. В этой большой миграции участвуют преимущественно очень молодые люди — в возрасте от 15 до 25 лет. Четко выделяются три потока мигрантов из села. Первый — в возрасте 15—16 лет, после окончания восьмого класса. Вчерашние восьмиклассники идут в профтехучилища и техникумы. Второй поток — после окончания средней школы, в 17—18 лет. Выпускники сельской школы становятся студентами, учащимися техникумов, ПТУ, всевозможных курсов, рабочими и служащими. Третий поток — после службы в армии.

Миграция населения из села в город имеет не только громадное социальное и демографическое, но и экономическое значение. В частности, она снабжает рабочей силой все отрасли народного хозяйства, причем во многих «городских» отраслях именно мигранты из села составляют большинство занятых, например, в городском строительстве, куда коренные горожане идут редко и без большой охоты. Да, кстати, и среди взрослых горожан пока значительно преобладают выходцы из села, люди, которые родились и были воспитаны в деревне. Даже в семидесятые годы более половины всего прироста числа горожан пришлось на мигрантов из села.

С другой стороны, с миграцией сельского населения связаны и значительные экономические и социальные проблемы. В частности, из некоторых сельских местностей молодежь уходит столь активно, что образуется значительный недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве. А в других местах сельская молодежь настолько малоподвижна, что образуются большие избытки трудовых ресурсов. Это особенно характерно для Средней Азии и Закавказья.

Как видим, различия в интенсивности оттока сельских жителей в города достигают между республиками **шести раз**. В сочетании с большими различиями в рождаемости это ведет к тому, что в Белоруссии, России, Литве сельское население быстро уменьшается, а в Средней Азии — еще быстрее растет. А это приводит к тому, что в одних местах, например, в некоторых местах Нечерноземья, в сельском хозяйстве сильно не хватает рабочей силы, и это служит одной из причин того, что громадные вложения в сельское хозяйство не дают должной отдачи, в других — во многих местах Средней Азии, например, — невозможно полно и эффективно использовать трудовые ресурсы.

Налицо большая и сложная проблема регулирования сельской миграции. Суть проблемы совсем не в том, что из села якобы уходит слишком много людей, как это нередко думают специалисты, а в том, что уходит преимущественно оттуда, где некому работать, и не уходят оттуда, где нечего делать. Трудовые проблемы Нечерноземья и Средней Азии очень тесно между собой связаны.

Это важнейшая проблема общества в целом. Но переселения ставят множество проблем и перед самими мигрантами. Большинство переселенцев происходит в годы, которые можно назвать судьбоносными — так велико их значение во всей последующей жизни человека. Выбор профессии, завершение общего и получение профессионального образования, любовь, создание семьи, рождение первых детей — все это падает на очень короткий промежуток времени. Никогда в последующем не будет лет, столь насыщенных событиями, никогда в жизни человека не будет уже происходить столь стремительных изменений. К двадцати пяти годам подавляющее большинство людей завершает общее и профессиональное образование, в рабочих профессиях достигает высокого мастерства, подавляющее большинство уже вступило в брак (а многие успели и развестись), даже половина всех детей рождается теперь у матерей в

зованным (усвоенным. — В. П.), а происходит полная ресоциализация личности сельского мигранта...» Коротко говоря, прежняя сельская личность разрушается, а на ее обломках возникает новая личность — городская. Конечно, в чистом, полном виде это бывает лишь в том случае, когда город и село существуют в чистом же, идеальном виде. У нас теперь в большинстве районов село сильно урбанизировано, то есть в него перенесено многое, что характерно для города. Одновременно в городах существуют многие элементы сельского образа жизни. Иначе и быть не может в условиях многогранного и многоканального воздействия города на село, с одной стороны, и постоянного многомиллионного перехода сельских жителей в город — с другой. Это должно сильно смягчать трудности социально-психологической адаптации бывших сельских жителей к городу. И тем не менее процесс переделки вчерашних деревенских жителей в горожан продолжителен, сложен и труден для самих мигрантов.

Этот процесс очень хорошо показан во многих произведениях русских советских писателей: Ф. Абрамова, В. Белова, Н. Евдокимова, Е. Носова, В. Шукшина и других. К некоторым из этих произведений мы будем обращаться.

Городские и сельские люди нередко сильно различаются по своим, как говорят социологи и социальные психологи, ценностным ориентациям, системам ценностей, что существенно затрудняет их взаимопонимание.

Есть у Василия Шукшина маленький рассказ «Ваня, ты как здесь?», целиком построенный на разном понимании его героями одних и тех же обыденных явлений. Деревенского парня, тракториста Проньку Лагутина пробуют на эпизодическую роль в кинофильме. Режиссер и Пронька разыгрывают сценку.

«Вот какое дело, Прокопий. Есть у нас в фильме эпизод: в город из деревни приезжает парень. Приезжает в поисках лучшей судьбы. Находит знакомых. А

знакомство такое... шапочное: городская семья выезжала летом отдохнуть в деревню, жила в его доме. Это понятно?

— Понятно.

— Отлично. Дальше: городская семья недовольна приездом парня — лишняя волокита, неудобства... и так далее. Парень неглупый, догадывается об этом и вообще начинает понимать, что городская судьба — дело нелегкое. Это его, так сказать, первые шаги. Ясно?

— А как же так: сами жили — ничего, а как к ним приехали — не нравятся?

С этого небольшого непонимания начинается проба. Следует ряд комических эпизодов, из которых видно, что режиссер плохо чувствует сельского человека, но, как человек развитой и гибкий, способен учиться у Проньки. Взаимонепониманием проба и оканчивается.

«Приехал ты к знакомым...»

— Ну, приехал... «Здрасте!» — «Здрасте!» — «Вот и я пожаловал». — «Зачем?» — «Хочу на фабрику устроиться...»

— Ну?

— Все.

— А они недовольны, что тебе придется некоторое время у них жить.

— А что тут такого, я никак не пойму? Ну, пожил бы пару недель...»

Это совсем не случайное взаимонепонимание. Рассказ построен на столкновении двух типов личности — городской и сельской, с характерными для них моралью, системами ценностей и т. д.

Вообще деревенский человек в городе, городской в деревне, человек между деревней и городом — излюбленные герои В. Шукшина.

В чем причины существенных различий личностей городских и сельских людей? В чем более всего эти различия проявляются? Как сказываются они на адаптации выходцев из села в городах?

К сожалению, наука мало занималась этими вопросами. Поэтому будем говорить здесь о наиболее очевидном.

Несомненно, что важные черты личности формируются условиями жизни, которые в селе заметно отличаются от городских. Так, для деревни характерен жесткий персональный социальный контроль. Человек здесь всегда на виду. В деревне все все обо

состояние. И новому в городе человеку перенести его нелегко. Это хорошо показывают все те же писатели.

Вот один из главных героев повести В. Шукшина — Петр, бывший сельский мальчик, окончивший «ремеслуху» и оставшийся в городе после армии, герой, судя по повести, любимый автором.

«Купил шикарный костюм, шляпу, зачастил в театр. Однажды в антракте, в буфете, подошел к одной... Она стояла в сторонке, ела мороженое.

— Не простудитесь? — спросил Петр участливо. И через силу улыбнулся.

Девушка удивленно посмотрела на него и отошла. Петр ушел в курилку и одну за другой подряд высадил три «беломорины».

«Как же подходить-то к ним?» — думал. Было стыдно за свою улыбку и за дурацкий вопрос. Девушка не нравилась ему, но захотелось познакомиться. И вот — не вышло. Не большая беда, что сейчас не вышло, стыдно только. А если бы сильно захотелось? Ведь может так случиться».

Вопрос тут не в том, что лучше и что хуже — городские отношения или сельские? Это смотря для кого. Коренной горожанин чувствует себя в обстановке большого города, как рыба в воде, и ему, наоборот, было бы тягостно жить «на виду», как бы «под стеклом». Это, в частности, одна из главных причин (а скорее — самая главная) плохой приживаемости в селе молодых интеллигентов — врачей, учителей, особенно — выходцев из городских семей.

Конечно, адаптивные возможности человека очень велики. В конце концов можно привыкнуть ко всему, и большинство новоселов и привыкает к городу, и становится город для многих родным, и многого они добиваются в нем во всех отношениях. И работают хорошо, и зарабатывают неплохо, и влюбляются, и женятся, и бывают счастливы в семейной жизни, и на детей не нарадуются... У многих так складывается жизнь, но далеко не у всех.

Как уже говорилось, из села в город переселяются миллионы людей. В этом громадном потоке резко преобладают те, кому не удалось «устроиться» в городе, адаптироваться к нему. Многие из них будут повторять попытки переселиться в город, и многим это удастся. Но немало и тех, кому первая неудачная попытка сильно портит жизнь. В частности, среди «обратников», как называют таких людей в науке,

она в селе? Неужели это так трудно — приготовить обед на двух человек и убрать комнату?

Я работаю в колхозе зоотехником. Иногда намаешься так, что еле ноги волочишь. А придешь домой — нужно и корову подоить, и поросенка накормить, куры, гуси. За ребенком нужно присмотреть, стирать приходится каждый день. Да и огород около 50 соток надо обработать. Муж работает трактористом, уходит рано, приходит поздно. По хозяйству помощи почти нет.

А мне ведь тоже хочется и в кино сходить и книгу почитать. Я ведь еще молода. Замужем живу три года, но за это время у нас в семье не было ни малейшей ссоры. Несмотря на то, что мне приходится вставать около пяти часов и ложиться после двадцати двух.

А что, если бы все жили так, как жила и думает Елена? Ведь сельским труженикам отдохнуть можно только зимой, а в летнее время нужно поспевать и в поле, и на ферме, и дома. И почему-то никто из-за работы не бросает семью. И в селе всем хочется отдохнуть, и все умеют читать.

Мне кажется, что человек и должен жить так, чтобы все время у него было занято. Так интереснее жить на свете».

А вот городские женщины в подавляющем большинстве одобрили позицию Е. Котельской, а некоторые прямо пишут, что и сами собираются поступить по ее примеру.

Как известно, сейчас в городах очень много разводов, в некоторых один развод приходится всего на два брака. Распадаются в основном молодые семьи. Разные установки по отношению к семейной жизни вообще, главенству в семье, распределению домашних обязанностей — в частности, у горожан коренных и горожан новых, только что пришедших из села, — одна из главных причин непрочности молодой семьи. Если у мужа установки деревенские (муж — глава, дом — целиком на жене и т. д.), а у жены — городские (равенство в семейной жизни) и если оба в своих позициях упорствуют — наиболее вероятен развод. К сожалению, молодежь очень мало об этом знает, и малая ее информированность — важная причина неблагополучия во многих городских семьях. Между тем жизнь склоняется в сторону семейного равенства. То, что имело объективные

ЧАС ГОРОДОМ

всех знают. Кроме того, сельская мораль относительно проста и едина для всех, монолитна. Сельский житель, как правило, всегда знает, что хорошо и что плохо, что одобряется общественным мнением, а что порицается. Жизнь «на виду» неизбежна для сельского жителя просто в силу малочисленности подавляющего большинства сельских поселений.

Совсем иное дело — в большом городе. Для него в высшей степени характерна так называемая анонимность. За пределами узкого круга родственников, знакомых по работе и месту жительства, а также «по интересам», что особенно характерно для горожан, никто никого не знает. Да и знакомства по месту жительства, как правило, очень поверхностные, «шапочные».

Какой контраст с селом! Как сказал поэт, «мелькают лица, словно спицы в велосипедном колесе!». То ли дело в селе, где со всеми встречающимися полагается здороваться.

Говоря научными терминами, в селе отношения между людьми личностные (то есть каждый обращается к другому как к человеку, хорошо ему известно, учитывая его личные свойства: один — Ванька, а другой — Иван Иванович), а в городе — функциональные (то есть для горожанина важнее занятия человека, чем его личность; продавец, водитель автобуса, милиционер, учитель и т. д. — вот что прежде всего важно жителю большого города; его не интересуют и не могут интересовать личные качества продавца, если тот хорошо исполняет свое дело).

Какое отношение имеет это к адаптации вчерашнего сельского жителя к городу?

Новому горожанину привычны тесные, теплые личностные сельские отношения. А тут все бегут мимо тебя, и никто тебя не знает, и ты — никого. И сосед городской — как бы и не сосед. А сельский человек в большинстве случаев еще и застенчив, знакомства завязывает не очень легко. И у многих возникает ощущение одиночества, заброшенности, никому ненужности. «Одиночество в толпе» — так называют такое

немало молодых матерей с детьми, но без мужей. Матери без мужей, дети без отцов — это большая общественная проблема. Очень много среди возвращающихся и тех, кто вступал в брак, но семейная жизнь не сложилась, пришлось расстаться, развестись.

Годы переселений — годы любви. А именно в любовно-брачно-семейных отношениях различия между городом и деревней наиболее велики. В традиционной деревне принято, чтобы в первый брак вступали девушками (добрые связи резко осуждаются), характерно главенствующее положение мужа в семье, почти вся домашняя работа падает на жену, женщину-мать, то есть фактического равенства в семье нет, разводы — сравнительно редки, детей — много больше, чем в городских семьях...

В городе в этом отношении многое складывается иначе. Нравы в отношениях между полами значительно свободнее, главенства мужа в семье нет или оно выражено значительно слабее, домашние обязанности распределяются в семье более равномерно, женщины стремятся к фактическому равенству в семье, в том числе и в распределении семейных дел.

И здесь между горожанками и деревенскими женщинами нередко существует глубочайшее взаимонепонимание. Хорошим сельским женам иной раз кажется, что городские женщины с жиру бесятся.

В 1978 году в одном центральном журнале было опубликовано письмо молодой женщины из Свердловска Елены Котельской «Год назад я вышла замуж...», в котором она рассказывала, как развалилась ее семья из-за того, что муж не хотел помогать ей в семейных делах. У многих молодых сельских женщин это вызвало искреннее изумление, и в редакцию пришло немало отповедей. Приведу выдержку из письма Светланы Корниенко, живущей в Сумской области.

«Прочла письмо Елены Котельской и просто поразила, что из-за такой чепухи могла распасться молодая семья. А что бы делала Елена, если бы жила

основания и было в значительной мере оправдано в традиционном селе, совершенно недопустимо в современном городе. И людям с сельскими семейными установками неизбежно придется «переучиваться», если они хотят счастливой семейной жизни (а кто ее не хочет?!). в городе.

Замечу еще, что в традиционном селе жену выбирали, как говорится, «не в хороводе, а в огороде», невеста и ее родня были хорошо и со всех сторон известны жениху и его родне. В городе жену выбирают чаще всего именно «в хороводе», в обстановке праздничной, радостной, беззаботной. Обстановка «ухаживания» отнюдь не способствует ознакомлению с будущей женой или мужем именно со стороны «огорода». А потом молодой муж с удивлением открывает, что любимая жена «ни борща сварить не умеет, ни сорочки погладить, а в комнате всегда неуютно, грязно и неприбранно» (из письма). А жена узнает, что любимый муж совсем не собирается помогать ей по хозяйству и не прочь закатить скандал за не вовремя приготовленный обед, хотя на производстве она работает не меньше его, и зарабатывает хорошо, и...

Мы говорим здесь о вещах наиболее очевидных. А если заглянуть глубже (чем должна заниматься наука), то откроются, конечно, и многие другие, не столь очевидные, но, возможно, не менее важные с точки зрения адаптации к городу различия городского и сельского человека. Как бы то ни было, большинство переселенцев из села в город осваиваются с городом, перенимают городские установки, начинают вести городской образ жизни... Становится ли бывший сельский человек по-настоящему городским в социально-психологическом отношении — здесь можно лишь делать предположения, наука этим еще не занималась. Но вот В. Шукшин, как мы уже говорили, считал, что даже к сорока годам сам он был «ни городской до конца, ни деревенский уже». И такое ощущение свойственно многим горожанам.

И уж совершенно хорошо известно, что период

первоначальной адаптации к городу труден для подавляющего большинства сельских жителей.

Человек, который оторвался от одной социальной среды и не вошел еще органично в другую среду, называется в науке маргинальным (промежуточным) человеком. Переселенцы из села в город — самые несомненные маргинальные люди. В советской литературе есть замечательные образцы изображения человека в таком промежуточном положении. Особенно удачным представляется мне образ Альки Амосовой из двух маленьких повестей Федора Абрамова — «Пелагея» и «Алька».

Семнадцатилетняя девочка из северной деревни уезжает в город, а через два года возвращается в отпуск. «Она больше всего боялась встречи со своими вчерашними подружками: как-то они посмотрят на нее? Не станут ли задирали свои ученые носы студентки и старшеклассницы?»

У всех людей есть так называемые эталонные или референтные группы — группы людей, на которые человек равняется, которые служат ему образцом, мнения которых ему важнее, чем других людей. Обычно у человека одна такая группа. Но у людей, которые находятся в некоторой промежуточной позиции, у которых меняется, например, место проживания и человеческое окружение, может быть по две и более референтных групп, требования которых могут резко противоречить друг другу и быть даже в некоторых отношениях противоположными. Такой человек оказывается в так называемом маргинальном положении (промежуточном) и становится временно маргинальной (промежуточной) личностью. Человек от одного берега отстал, а к другому еще не пристал, и житейские волны могут сильно его потрепать. Вот и для Альки важно, с одной стороны, мнение ее городской подружки Томки — стюардессы Аэрофлота, а с другой — уважаемых односельчан. Для Томки Алька — деревенская недотепа, которая «не могла выдать из себя деревенской дури», то есть не могла столь же легко смотреть на отношения с мужчинами, как Томка. А для односельчан Алька — человек нравственно опустившийся, «ни девка, ни баба», как говорит любящая ее тетка. И как же трудно Алке душевно в этом ее положении, как часто срывается она в истерики!

Алька Амосова — это человек на распутии, человек в стадии личностной дезорганизации. Суть вопроса тут в том, будет ли эта дезорганизация предпосылкой и моментом реорганизации личности (той самой «ре-социализации», о которой говорят исследователи) или получит самодовлеющее значение; будет ли эта стадия кратковременным переходным этапом или на этой стадии личность остановится, застынет.

Судя по краткому эпизоду повести, Алька успешно преодолевает свою раздвоенность, прибавляется к городскому берегу.

По научным же данным, адаптация новосела к городу «вчерне», в основных чертах, требует трех — пяти лет. Через такое время новоселы примерно сравниваются со старожилами по миграционной подвижности (количеству переселенцев, приходящихся на 1000 жителей). Интересно, что Алька присылает тетке письмо с требованием продать ее (доставшийся от родителей) родной дом, то есть окончательно рвет с деревней через четыре года после ухода из села.

Именно этот Алькиный вариант «освоения» города деревенским человеком представляется наиболее массовым, типичным. Типична среда, в которую попадает Алька в городе, типичны трудности с жильем и т. д. Для меня несомненно, что абрамовские повести имеют очень высокую социологическую ценность.

Есть в литературе и другие варианты социально-психологической адаптации к городу, как бы отклонения от наиболее массового типа.

Пример очень успешной адаптации к городу — Нюрка из повести Н. Евдокимова «Сказание о Нюрке — городской жительнице».

Она приезжает в город в детстве, так что процесс первичной социализации проходит главным образом в городе. Детям несравненно легче адаптироваться к городу, чем взрослым, а пожилым часто невозможно. Это хорошо показывает Н. Евдокимов. Нюрка на наших глазах превращается в безусловного городского человека, а ее отец остается человеком типично сельским. «Их интересы расходились по разным путям, почти нигде не находя соприкосновения». «Они отдалялись друг от друга, ища собеседников и единомышленников на стороне».

Случай длительной или постоянной деморализации в результате перехода из села в город в жизни, видимо, все-таки относительно редки. Прекрасный

пример такого рода в литературе — Ольга Фонакина из повести В. Шукшина «Там, вдали». Во время действия повести ей уже под тридцать. Отец Ольги вспоминает: «Десять лет назад он отправил дочь учиться в город, в институт. Через полтора года она сообщила, что вышла замуж. Потом написала — разошлись. Потом бросила институт, приехала домой. Пожила с год, ничего не делая, уехала снова в город. Опять вышла замуж. За какого-то талантливого ученого. И снова не то, развод. Писала, что работает, денег не просила». Отношение сельского человека Фонакина ко всему этому резко определенное. «Все это, вся ее скобоченная жизнь убивали его; что мог, он скрывал от людей».

С очередным своим мужем, Петром Ивлевым, Ольга приезжает в деревню, где люди, как она говорит, «доверчивые, простые, мудрые», мечтая начать новую жизнь. Но село ничего не меняет. Петр уезжает на несколько дней к умирающей тетке. За четыре дня Ольга успевает влюбиться, «совратить» местного учителя истории, еще раз изменить свои жизненные планы.

«А на пятый день ему (отцу Ольги, директору местного совхоза. — В. П.) принесли в кабинет письмо. Ему лично. «Уважаемый т. Фонакин. Мы вас на самом деле уважаем, вы тут ни при чем. Но уимите каки-нибудь свою кобылу дочь. Это же стыд голый! Ведь он, как ни говорит, учитель, наших детей учит. И она, мы слышали, тоже учительствовать собирается. Какой же он пример...». Фонакин не дочитал письмо; у него в кабинете было много народу. Сидел как помоями облитый, боялся посмотреть в глаза людям».

Следует скандал, отец отхлестал дочь по щекам, и т. д.

Это только видимость, что Ольга сама покидает город. Фактически город ее выталкивает. А деревня ее такую не принимает.

Разумеется, в живой жизни много типов, видов, вариаций одного и того же процесса социально-психологической адаптации к городу, методов, какими люди справляются со своими трудностями. По-разному проходит эта адаптация в зависимости от той среды, в которую попадает человек в городе, от возраста переселенцев, от их личных качеств. Строго говоря, вариантов адаптации столько же, сколько людей. Однако у всех случаев перемещения сельского человека в город есть общее. Прежде всего это перестройка или некоторая деформация личности.

В городе человек более «автономен», чем в селе, значительно большая часть его поведения определяется им лично, здесь шире поле выбора, больше альтернатив.

Эта большая личная свобода в городе хорошо сейчас осознана сельской молодежью и выступает одним из важнейших факторов, определяющих ее стремление в город.

Громадного значения процессы происходят сейчас «между деревней и городом». Некоторые из них глубоко поняты и хорошо показаны нашими писателями. Нужно широкое осознание этих проблем общественностью и планомерное вмешательство в эти процессы. И хотя все усилия наши направлены сегодня на закрепление сельской молодежи, усилия эти не всегда приносят успехи. Так, за 9 межпереписных лет сельское население Костромской области, где эта работа широко проводилась, уменьшилось на 28 процентов, а в Орловской — даже на 30. А вот в резко трудоизбыточном селе Таджикистана число сельских жителей за те же годы увеличилось на целых 36 процентов!

Несомненно, что очень сельским по своему социально-психологическому облику жителям среднеазиатского кишлака куда труднее осваиваться в городе, чем жителю сильно урбанизированной среднерусской деревни, и, видимо, сельским жителям Средней Азии нужно всемерно помогать в переселении в города. И многие направления планомерной работы по усилению перехода кишлачной молодежи в города и улучшению процесса социально-психологической адаптации к городу ясны. Это, в частности, ориентация школьников на «городские» профессии, на город, на городской образ жизни; это улучшение обучения сельских детей русскому языку — языку межнационального общения, без которого в городе трудно, это организационная и экономическая помощь в переселении из села в город и т. д.

И повсеместно в стране нужно улучшение воспитательной работы в городских молодежных общежитиях, в частности, под углом зрения «освоения» города и городского образа жизни вчерашними сельскими ребятами. А для этого воспитатели должны понимать проблему и иметь психологическую подготовку.

НА 10 ЯНВАРЯ
ДРУЗЬЯ
И ЧИТАТЕЛИ
«СМЕНИ»
ПРИСЛАЛИ
ДЕТАМ
УРЕНГОЯ
15 ТЫСЯЧ
КНИГ.

Мы уже рассказывали читателям о том, как работает взрослая библиотека имени журнала «Смена», о ее запросах и проблемах. Осуществляя новую идею — конечно же, совместно с читателями и авторами «Смены» — постройку новой, детской библиотеки, мы в каждом номере даем отчет о сборе книг, о ходе ее строительства. Чем серьезнее и ответственнее дело, тем с большим энтузиазмом отзываются на него наши друзья: факт уже проверенный «на прочность» в создании библиотеки для взрослых. Тогда мы особенно остро ощутили отзывчивость, щедрость наших читателей, готовность поделиться с незнакомым далеким другом книгой — «хлебом насущным», особенно ценным в наше время.

Создание детской библиотеки вызвало у читателей новую волну сердечной доброты. Какие в эти месяцы приходят в «Смену» письма! Особенно интересны и ценны те, что пришли от детей и подростков. Ребята со всего Советского Союза, из дальних уголков посылают ровесникам Приполярья свои книги, и часто книги самые любимые. В сборе участвуют классы, отряды, школы.

Вот письмо-отчет, пришедшее в «Смену» из г. Миасса, Челябинской области: «Узнав о том, что дети Уренгоя нуждаются в книгах, мы с ребятами решили послать им небольшую библиотеку. А книги взяли в соседней библиотеке уже списанные, потрепанные. Мы их отремонтировали, переплели, всего получилось 100 штук. После Нового года отремонтируем и пошлем еще столько же. У нас при дворежном детском клубе «Планета» есть кружок, где мы учимся переплетному делу. Реставрированные, ожившие книги мы сдаем снова в библиотеку, в детские сады, в школы».

Читатели и друзья «Смены» стали настоящими помощниками в нашем добром начинании. Так, Виктор Яковенко из Житомира сообщает редакции:

«Я с радостью отправил в Новый Уренгой первую посылку — книги для детской библиотеки в приполярном городе. Я большой друг «Смены», и не только друг, но и популяризатор и распространитель журнала». В подтверждение своих слов он прислал напечатанную в областной молодежной газете «Комсомольская зорька» свою заметку о том, что «Смена» объявила сбор книг для новостройки.

Не можем не отметить еще раз активное участие ребят из клуба «Солярис» г. Обнинска, Московской области. «Дорогая «Смена!» Докладываем, что уже отправили в Новый Уренгой девять посылок со 181 книгой. Привлекаем к участию классы, где учатся члены отряда «Солярис». В операции включаются и другие школы. Мы, отрядовцы, опубликовали в городской газете «Вперед» заметку с призывом принять участие в операции «Книги — детям Уренгоя». Наши друзья из Пятигорска, юнкорский отряд «Пламя» после нашего письма к ним собрали уже более пяти сот книг. Совет отряда «Солярис».

Дело, получившее всенародную поддержку, стало прирастать новыми идеями:

«Вы молодцы! Организовать библиотеку для детей Уренгоя — идея наигуманнейшая. Я горячо поддерживаю ее и уверен, что на ваш призыв откликнутся многие читатели (я уже отослал две бандероли), и библиотека получит книги значительно больше, чем 25 тысяч. Может быть, имеет смысл организовать что-то вроде фонда для библиотек детей Севера, своего рода книжный банк, из которого можно было бы снабжать и поддерживать другие библиотеки Севера нашей страны» — предлагает преподаватель Московского авиационного института Анатолий Карташкин.

Что ж, это разумная мысль, и может быть, обком комсомола Тюмени сможет воплотить ее в жизнь.

Наряду с этими отрядными фактами есть и другие, вызывающие решительный протест. Читатели жалуются на почтовые отделения, которые подчас отказываются принимать посылки в Новый Уренгой.

«Дорогая «Смена!» В № 20 вашего журнала был указан адрес библиотеки имени журнала «Смена» — детям Уренгоя. Мы семьей собрали несколько книг, но в нашем Щекинском почтовом отделении связи Тульской области посылку не приняли, мотивируя отсутствием простой связи с Уренгоем. При этом начальник отделения связи разговаривала на очень повышенных тонах и на заявление, что я обращаюсь в журнал, ответила: «Пишите, привыкли писать тут всякие грамотные». Жалобную книгу мне не дали. Вот так вместо доброго дела я получила хорошую порцию грубости. С уважением, ветеран Великой Отечественной войны А. П. Зеленова».

Редакция немедленно обратилась в Министерство связи СССР, и помощник заместителя министра нас заверил, что Щекинское районное отделение связи исправило свою ошибку и что подобных случаев не повторится.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.12.80. Подписано к печати 05.01.81. А 05003. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1145000 экз. Изд. № 268. Заказ № 3547. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Городские дети Уренгоя!

Вы любите стихи?

С радостью посылает их вам.

Ваша Агния Барто

Москва 80

ПОДАРИМ УРЕНГОЮ ДЕТСКОМУ БИБЛИОТЕКУ

Однако редакция беспокоится: а не происходило ли подобных явлений в других отделениях связи при отправке посылок с книгами для детей и не ставили ли нам палки в колеса там именно, где они должны «вращаться» особенно быстро?

Надеемся, что помощников, энтузиастов и просто доброжелателей в этом благородном и всенародном деле у редакции неизмеримо больше, чем людей равнодушных.

Если за большое дело взялся комсомол — дело будет сделано. Поручкой тому — уже действующая библиотека. Она ждет свою помощницу, младшую сестру — детскую библиотеку.

Редакция благодарит читателей, приславших свои книги: А. Свешникову из Боровска Калужской обл., Н. Лелину из Одинцова Московской обл., сотрудников Министерства сельского хозяйства РСФСР, московских школьников: учеников 8-6 класса 777-й школы; учеников 4-а класса 706-й школы; 5-6-х классов 597-й школы, сотрудников Института физики Дагестанского филиала АН СССР, М. Горнову, В. Корнеева, Т. Черношейкину, А. Календареву, В. Шацкого, Чуприяновых из Москвы, И. Ковалеву из г. Колпино Ленинградской области, В. Коробейникову из Воткинских, семью Савченко из Петропавловска, сотрудников библиотеки № 9 из Калуги, И. Калинина из Симферополя, В. Селью из Житомира, учащихся 7-а класса школы № 12 г. Березники, Аксенову из г. Каменск-Уральский, Смирнову из Егорьевска, В. Соболеву из г. Чехова, И. Кучеренко из Новочебоксар, Л. Иванову из пос. Акбулак Оренбургской области, С. Чистякова из Свердловска, Г. Шалоню из г. Домодедова, Г. Щербакову из Перми, В. Баланину из пос. Рошино Новгородской области, Д. Дронова из Новгорода, Е. Ключкову из Новосибирска, Е. Байкееву из Брянска, А. Ильину из села Первомайское Алтайского края, Л. Леонтьеву из г. Макулино, А. и С. Щербаковых из Вязьмы, Ю. Щербаков из села Ольшана Черкасской области, Л. Пивоварову из Анапы, Л. Кривулец из Бреста, О. Шенелеву из Минска, Коптелеву из Воткинска, З. Данилину из г. Хмельницкий, С. Киркову из пос. Мир Гродненской области, Л. Леонтьеву из Саратова, С. Мамонову из г. Кольчани, Ю. Чиркина из Тюмени, Непомнящего из Ленинграда, И. Мурашеву из Бобруйска, А. Юрченко из Обнинска, Т. Рачинскую из Семипалатинска, Е. Подгальскую из г. Химки, И. Оносову из Новотроицка, В. Харзину из пос. Кузьмолы Ленинградской области, Коптелеву из Воткинска, Луговую из Билибина, Иванишину из Риги, учащихся 4-6-х классов школы № 13 из г. Волжский, учащихся 4-3-х классов школы № 2 из г. Жданова, Н. Неупокоеву из Киева, Т. Рошину из Брянска, Р. Покромкина из Новочеркасска, Якушину из Москвы, Л. Наумову из Архангельска, Павлову из Хабаровска, Антропову из Челябинска, П. Губенко из Львова, В. Азарова из г. Топки Кемеровской области, Э. Мишунину из г. Ревда, Н. Ивушкину из г. Калинин, Т. Морозову из Павловска, Л. Шапошникова из Томска, И. Копылову из Зеленогорска, Г. Логинову из Тулы, В. Максимычева из г. Лыково Горьковской области, Ю. Сапарова из С. Аксубаево Татарской АССР, Е. Ремезову из дер. М.-Зеркальцева Тюменской области, А. Макурину из Стерлитамака, А. Шилову из Москвы, Е. Колерову из Киева, учащихся 8-6-х классов из с. Петропавловска, Т. Мараханову из г. Темрюк Краснодарского края, В. Яковенко из Житомира, Козыных из г. Иванова, С. и Д. Власовых из Перми, учащихся школы № 189 из Ташкента, учащихся 5-а-х классов школы № 29 из Сызрани, Т. Лукьянову из г. Куйбышева, учащихся 4-6-х классов школы № 12 из Волжского, Г. Стрелкова из Архангельска, В. Едашинева из г. Ярцева, О. Лопатину со ст. Лысогорская, учащихся 3-а-х классов школы № 85 из г. Перми, учащихся 6-6-х классов школы № 2 из Хабаровска, В. Кастрона из Риги, К. Преображенского из Котловска, Н. Пчелкину из Калининграда, А. Белову из Хабаровска, Т. Черкаеву из Рудного, В. Ройкова из г. Павлово, С. Синкину из г. Осинники, Шаденковых из г. Светлый, учащихся 10-го класса школы № 24 из Ленинграда, Л. Романову из Москвы, Г. Ленчинову из Мурманска, Приваловых из г. Цулукидзе, И. Маркелову из Саратова, учащихся школы из дер. Баскалово, О. Ахипову из Москвы, учащихся 3-в-х классов школы № 886 из Москвы, Данилова из Чебоксар, Н. Маланчик из Армавира, С. Никонова из Москвы, учащихся 6-6-х классов школы № 130 из Новосибирска, военнослужащего Зацаринского, Н. Иванюхину из Риги, учащихся 3-а-х классов школы № 85 из г. Келес, Н. Исакову из Ялуторовска, З. Леухину из Ирбита, Г. Иванову из Губахи, сотрудников историко-революционного музея из Долгорукова, учащихся 4-го класса из пос. Юрцево, Т. Горевских из пос. Мундыбаш, Балиновых из Ашхабада, учащихся 8-6-х классов школы № 2 из Петропавловска, учащихся 6-6-х классов школы № 2 из Хабаровска, Е. Батуро из Воронежа, Д. Дропова из Новгорода, И. Тимошенко из Дубны, М. Демину из Москвы, Г. Гурову из Волгограда, учащихся 4-6-х классов школы № 5 из Сарны, М. Азарову из г. Токи, А. Марченко из Кировки, учащихся 6-г-х классов школы № 7 Переяславля-Залесского, О. Арнольди из Москвы, учащихся 7-а-х классов школы № 5 из Березников, З. Никитина из Москвы, Л. Соколову из Алма-Аты, Е. Копыто-

ву из Челябинска, Н. Картина из Кременчуга, учащихся школы № 10 Полтавы, И. Галимова из п. Приютное Башкирской АССР, учащихся 6-а-х и 6-б-х классов школы № 130 из Новосибирска, М. Малыйкову из п. Туза, сотрудников библиотеки № 9 из Калуги, В. Митяевского из Калининграда, С. Баруздину из Москвы, И. Караваеву из с. Ново-Михайловка, Е. Карчинского из с. Кучурган Одесской области, С. Соболеву из Москвы, С. Сытникову из Комсомольска-на-Амуре, В. Калинин из г. Балаково, Владимировых из Москвы, членов кружка юных журналистов Дома пионеров из Евпатории, Д. Баранова из Москвы, В. Романова из Ворошиловграда, Г. Моисеева из пос. Маложма Архангельской области, В. Леонтьева из Иркутска, А. Филенко из Йошкар-Олы, И. Чайковскую из г. Ивано-Франковска, Ю. Матусевича из Апшеронска Краснодарского края, сотрудников библиотеки БГУ из Минска, Н. Степачкину из Саратова, Шумаковых из Томска, учащихся 5-а-х классов школы № 5 из г. Каменск-на-Оби Алтайского края, Захаровых из Орехово-Зуева, Бахмутовых из Свердловска, Т. Рачику из Семипалатинска, учащихся 6-а-х классов школы № 40 из Краснодара, В. Онищенко из Казани, А. Лобанова из г. Сокол, З. Мухину из Ирбита, учащихся 3-6-х классов школы № 39 из Казани, учащихся 3-д-х классов школы № 1 из Петропавловска, Червяковых из пос. Вахтан Горьковской области, К. Половинкову из г. Полеское Свердловской области, В. Иванову из г. Гусь-Хрустальный, учащихся 4-а-х классов школы № 26 из Новгорода, учащихся школы № 178 из Красноярска, Расуловых из г. Гатчина, Нистерю из Саранска, С. Игнашеву из Куйбышева, О. Чикало из Харькова, Кожевникова из Москвы, учащихся 3-а-х классов школы № 23 из Омска, учащихся 7-а-х классов школы № 2 из Краснокаменска, учащихся 2-г-х классов школы № 23 из Череповца, А. Галкину из Костромы, учащихся 3-а-х классов школы № 4 из Вологды, А. Чеснокова из Омска, Л. Еремееву из Коврова, И. Макаревич из Новгорода, А. Чуприянову из Москвы, И. Некрасову из Новокузнецка, Ю. Смирденко из Елабуги, Л. Комасову из г. Нижний Ломов, В. Тутова из Красноярска, В. Тупольцеву из пос. Росляково, И. Соловьеву из пос. Старово, А. Каргалева из пос. Иловей Волгоградской области, Т. Вересковскую из Минска, И. Лесикову из Тольятти, А. Асанову из Бийска, Е. Блюрину из г. Горького, Титовых из Воркуты, учащихся 1-6-х классов школы № 35 из Рязани, Н. Логачевскую из г. Гурьева, учащихся 6-а-х классов школы № 2 из Кокчетав, Марковых из Магадана, Н. Салочеву из Новосибирска, А. Алексеевну из Могилева, Н. Берсеневу из Бийска, Н. Новикову из Ташкента, Н. Полищук из Антрацита, учащихся 2-г-х классов школы № 18 из г. Набережные Челны, С. Сигалова из Минска, Е. Козлова из Яранска, Г. Лукьянову из г. Иванова, Т. Тереханову из Ленинграда, учащихся 10-а-х классов из Кузнецка, М. Корнееву из г. Ярцево, И. Медведеву из г. Халтурина, Т. Пономаренку из Молодоговардска, учащихся школы № 20 г. Новая Губаха, Т. Шибко из Минска, учащихся 4-а-х классов школы № 179 из Красноярска, Шороховых из Саратова, учащихся 5-6-х классов школы № 176 из Краснодара, С. Ткаченко из г. Волжский, В. Дедохова из Читы, З. Ставицкую из Запорожья, С. Усынина из Днепрпетровска, М. Ефремова из Оренбурга, З. Лавицкую из Киева, В. Крузе из с. Восход Крымской области, М. Хисматуллину из БАССР, В. Ганченко из Хабаровска, учащихся 1-6-х классов школы № 127 из Челябинска, С. Барышенно с Чукотки, учащихся 4-а-х классов школы № 26 из Мурманска, Пшеничных из Москвы, А. Полищук из с. Мостки, Г. Сулиновскую из с. Ключи, А. Бузько из Южно-Сахалинска, И. Кетову из Симферополя, Р. Соколовского из Алма-Аты, учащихся 4-а-х классов школы № 46 из Дегтярска Свердловской области, учащихся 5-6-х классов школы № 3 из Мытищ, учащихся 2-г-х классов школы № 50 из Кургана, М. Малиновскую из г. Макинска, Г. Рыбак из пос. Липовцы Приморского края, учащихся 2-г-х классов школы № 50 Кургана, Челушко из Курска, Павленко из Владивостока, М. Болотова из с. Бырма Пермской области, Ф. Мурзенко из Краснодара, Д. Балакину из Калининска, Т. Насонову из Минска, Т. Горинину из Перми, учащихся школы № 2 из Свердловска, учащихся школы № 23 из В. Тымш, Рыбаковых из Шанкурска, Я. Серенко и Л. Соколову из Москвы, Л. Загузину из Ижевска, учащихся 4-а-х классов школы № 10 из Ирбита Свердловской области, детей старшей группы детского сада 87/30 «Маринка» из Ростова-на-Дону, Н. Вартанова, И. Лубину из Москвы, Лавреневу из Мурома, учащихся 5-а-х классов школы № 4 из Евпатории, учащихся 4-а-х классов школы № 4 из г. Иванова, В. Коротченко из п. Тюльчан, А. Моисеева из Одессы, Н. Созинову из с. Богословское Тульской области, учащихся школы № 1 из с. Богородское Горьковской области, А. Рублева из г. Оола, пионерский штаб «Тимур» Дома пионеров № 1 из Бийска, учащихся 5-а-х классов школы № 5 из г. Каменка, Ж. Романову из Путилова Ленинградской области, учащихся 5-6-х классов школы № 2 из г. Ленска, учащихся 8-6-х классов школы № 2 из Петропавловска, М. Писаревскую из г. Заплярный Мурманской области, О. Домашенко из г. Сумы, О. Клименко из Днепрпетровска, учащихся 3-а-х классов школы № 4 из Вологды, С. Ткачеву из г. Куйбышева, комсомольцев средней школы из пос. Иртыш-

ского Омской области, учащихся 3-а-х классов школы № 1 из Севастополя, сотрудников Межхозстроя из Кировограда, Г. Филатову из г. Мазоис Латвийской ССР, А. Чванова из Бреста, В. Андрееву из Москвы, Р. Колесову из Новокузнецка, С. Иванова из г. Кольнуго Владимирской области, Я. Бабицкую из Гомеля, учащихся 6-а-х классов школы № 1 из Кубинки Волгоградской области, учащихся школы № 8 из Москвы, С. Варашевского из Тамбова, О. Липскую из Харькова, учащихся 3-го класса школы № 8 из Дзержанска, работников Межколхозстроя из Олышания, Л. Гуровскую из Витебска, Е. Маркушину из Усть-Каменогорска, Г. Антонова из Трускавца, А. Петровича из Днепрпетровска, Л. Сергееву из Москвы, Н. Лоскутову из Кишинева, В. Собину из Ижевска, учащихся 4-а-х и 4-в-х классов школы № 20 из г. Новой Губахи, учащихся 2-6-х классов школы № 1 из Тюмени, учащихся 4-6-х классов из с. Каменное, К. и М. Пилецких из Мончегорска, А. Захарова из Кургана, В. Энса из Челябинска, Т. Семенову из Муезерского района Карельской АССР, учащихся 9-а-х классов школы № 1 пос. Пospelихи Алтайского края, А. Ключева из Перми, учащихся 8-6-х классов школы № 2 из пос. Васильево ТАССР, Ю. Сирожину из Челябинска, сотрудников яслей-сада № 75 «Чебурашка» из г. Тольятти, Шекольскую из Комсомольска-на-Амуре, А. Лукьянову из Москвы, Горяева из Москвы, сотрудников детской библиотеки, Н. Сергееву и Н. Кузнецову из Гайворона, Белых из Мурманска, Л. и П. Колосовых из г. Фрунзе, учащихся 6-а-х классов школы № 31 из Красноярска, О. Пугачеву из с. Яшино, учащихся 6-а-х классов из с. Кубенского, А. Линдуну из Горловки, Е. Егорову из пос. Амзя, Р. Морозову из Ардатов Горьковской области, Д. Григорьеву из Ставрополя, учащихся 8-а-х классов школы № 24 из Воронежа, Савиновых из Новгорода, учащихся 6-а-х классов школы № 2 из Краснокаменска, М. Никифорову из Казани, учащихся 8-а-х классов школы № 24 из Воронежа, Андрееву из Москвы, И. Дмитриеву из г. Кирова, Н. Попову из Нижней Туры Свердловской области, В. Талашова из пос. Молочное, А. Ильина из с. Шелонки, А. Рябь из Череповца, И. Ахтулову из дер. Греково, Т. Жданову из с. Кослан, учащихся 6-го класса из пос. Керва Московской области, учащихся 4-а-х классов школы № 2 из Орехова, работников Дома пионеров из Евпатории, Карчинского из с. Кучурган, А. Глуха из Белова, И. Рымарь из Муромы, А. Бадаку из Москвы, Н. Катаеву из пос. Ильинка Пермской области, В. Кравца из Гудауты, К. Давыдова и Н. Чугунову из Москвы, учащихся 4-а-х классов школы № 10 из Ирбита, И. Витрук из Нежина, Юшкову из Тюмени, В. Белицкую из Ашхабада, Т. и В. Мальцевых из пос. Медянский Ставропольского края, учащихся 3-д-х классов школы № 1 из Петрозаводска, Е. Пестушко из Запорожья, Липину из Ставрополя, М. Малерис из Ашхабада, А. Мачалова из Бреста, учащихся 3-г-х классов школы № 78 из Волгограда, К. Демьяненко из г. Борисова, учащихся 7-6-х классов школы № 2 из Вознесенска, С. Вайцевского из Томска, Н. Большакову из Риги, Л. Володуну из Москвы, Кошельникову из Таллина, Зольниковых из Сыктывкара, сотрудников яслей-сада № 685 и Д. Фрумина, В. Кузьмину, Алексеевых из Москвы, И. Наумову из Тюмени, С. Онуфрийчук из Гайворона, учащихся 2-го класса из г. Мостки Ворошиловградской области, учащихся 7-6-х классов школы № 2 из Вознесенска, учащихся 2-а-х классов школы № 1 из Пензы, П. Петрова из Шостки Сумской области, М. Ефремова из Оренбурга, Т. и А. Раттович из Омска, учащихся 6-6-х классов школы № 130 из Новосибирска, Е. Башкатову из Свердловска, С. Данина из Чимкента, М. Дреничева из Москвы, Л. и Б. Васюковых из Ступина, Л. Таликову из Алматы, учащихся школы № 139 из Казани, Н. Щербинину из Ленинграда, учащихся школы № 127 из Челябинска, В. Андрееву из Москвы, учащихся школы № 2 из с. Кученко Астраханской области, учащихся 3-в-х классов школы № 162 из Зеленогорска, сотрудников библиотеки № 36 из пос. Заречный Свердловской области, А. Кидриву из Хабаровска, учащихся 3-6-х классов школы № 78 из Волгограда, В. Фетцер из Ижевска, Заперашевич из г. Бор, М. Петрова из Лесосибирска, П. Баширова из Ленинграда, Т. Мальцеву из пос. Медянский, А. Гудкова из Калининграда, М. Никифорову из Казани, учащихся 7-6-х классов школы № 2 из Воронежа, учащихся 2-а-х классов школы № 1 из Пензы, учащихся 3-в-х классов школы № 612 из Москвы, С. Оспову из Михайловского, Т. Кабарину из с. Н.-Андреев, учащихся 4-а-х классов школы № 178 из Красноярска, учащихся 5-го класса из с. Успенка, учащихся 5-а-х классов школы № 4 из Евпатории, Аютеву из Рослякова, учащихся 6-6-х классов школы № 8 и С. Зубову из Ставрополя, Н. Скриabinу из г. Кирово-Ченеца, О. Болдыреву из Москвы.

Сбор книг продолжается.

Книги просим посылать по адресу:
626718, ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ,
Г. НОВЫЙ УРЕНГОЙ,
БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ ЖУРНАЛА «СМЕНА»,
ДЕТЯМ УРЕНГОЯ.

ЗЕМЛЯ МОЯ— СУДЬБА МОЯ

**В. ИГОШЕВ.
ПЕРВЫЙ ШАГ.**

Накануне 63-й годовщины Великого Октября в Москве открылась выставка «Советская Россия». В Центральном выставочном зале представлены сотни полотен, скульптур, графических листов, произведений мастеров декоративно-прикладного искусства — результат пятилетнего труда художников РСФСР, их творческой пятилетки.

Отчет художников России перед XXVI съездом КПСС — как бы одно огромное

**Э. КОЗЛОВ.
ПРИЗЫВ.**

**В. ФРЕНЦ.
ПОСЕЛОК ЗОЛОТОИСКАТЕЛЕЙ.**

полотно нашей жизни. Зрителю предстает история страны от эпохи Киевской Руси до наших дней. Осматривая выставку, как бы перелистываешь страницы героических былин: русские воины,

**Ф. ЯКУПОВ.
ВСТРЕЧА.**

**Т. КОВАЛЕНКО.
РАБОЧАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ.**

клянущиеся защищать границы Руси; крестьяне, вооруженные вилами, вставшие на защиту Отечества в 1812 году; подвиги солдат Великой Отечественной. Свершения и великие стройки советского времени, красота человека-созидателя отображены как в формах крупных, масштабных, так и в лирических картинах.

Экспозиция «Советская Россия», естественно, была бы неполной без полотен, посвященных Владимиру Ильичу Ленину. Молодые разгоряченные лица, красные косынки, атмосфера горячих споров и революционного энтузиазма — так изобразил Е. Широков встречу Ленина с делегатами III съезда комсомола на картине «Мы наш, мы новый мир построим».

Родина, ее люди, природа, города — вот главная тема выставки. С особенной любовью написаны портреты наших современников: академиков и актеров, сталеваров и колхозников, молодых строителей БАМа. Портреты людей, отдающих всю энергию, все мысли, весь талант любимому делу, одаренных радостью творческого труда. И с какой поистине трогательной любовью и нежностью отображена на полотнах русская природа! Зеленъ лесов и полей, яркая синь рек и озер полны той особенной красотой, которую невозможно не заметить каждому человеку, а тем более художнику. Это и пейзажи Н. Ромадина, воспевающего тихие, уютные уголки нашей Родины, и засыпанные пушистым снегом кедры с протяжными синими тенями на серебристом снегу на картине Л. Бродской «Таежный мороз», и словно бы в танце летящая тонкая березка на полотне В. Сидорова «Березовый ветер».

Прошло двадцать лет с тех пор, как в Центральном выставочном зале открылась первая экспозиция произведений художников Российской Федерации. Сейчас перед нами шестая выставка, открывающая широкую панораму жизни страны, готовящейся встретить славное событие — XXVI съезд КПСС.

Галина ЖАРОВА

Цена номера 25 коп.

Индекс 70820